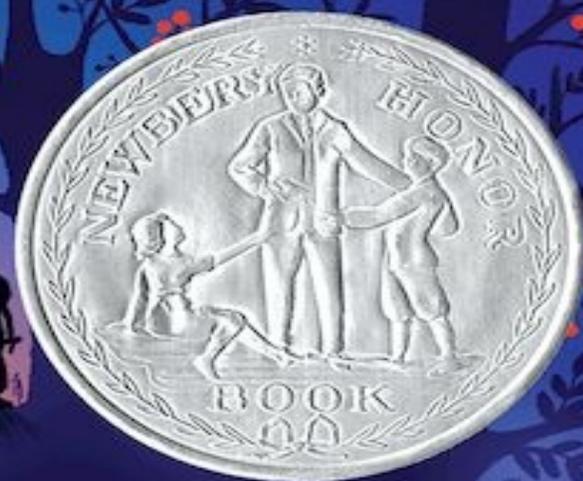

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

МЕДАЛЬ ДЖОНА НЬЮБЕРИ ЗА ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД
В АМЕРИКАНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЭХО

РОМАН

ПЭМ МУНЬОС РАЙАН

Annotation

Роман награжден медалью Джона Ньюбери за выдающийся вклад в американскую литературу для детей.

Бестселлер New York Times.

Лучшая книга года по версии Publishers Weekly.

Книга включена в список самых примечательных книг по версии New York Times.

История о любви, человечности, красоте и музыке, развернувшаяся на фоне Второй мировой войны и объединившая несколько поколений детей из разных уголков мира.

Когда юный Отто заблудился в лесу, на выручку ему пришли три таинственные девушки. Они подарили мальчику музыкальный инструмент и пообещали, что придет день и он спасет чью-то душу от неминуемой гибели.

Германия, 30-е годы. Фридрих — талантливый юный музыкант. Но когда его отца арестовывают и забирают в Дахау, жизнь Фридриха разбивается на тысячу осколков.

США, 30-е годы. Майк — виртуозный пианист, живущий со своим младшим братом Фрэнки в сиротском приюте. Когда над братьями нависает угроза разлуки, Майк решает пожертвовать своей жизнью, чтобы помочь Фрэнки обрести дом.

США, 40-е годы. Айви музыкально одаренная девочка. Вот только переезд в другой город лишает ее шанса выступить по радио и получить признание. Однако, лишившись собственной мечты, Айви, не раздумывая, спасает чужую.

Поможет ли музыка каждому из них спасти чью-то душу или пророчеству не суждено сбыться?

- [Пэм Муньос Райан](#)

-

-

- [Часть 1](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

○ [Часть 2](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

○ [Часть 3](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

○ [Часть 4](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

○ [Благодарности](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
-

Пэм Муньос Райан

Эхо

Pam Muñoz Ryan

ECHO

Text copyright © 2015 by Pam Muñoz Ryan. Illustrations copyright © 2015
by Dinara Mirtalipova.

© Лахути М. Д., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

За пятьдесят лет до войны за окончание всех войн в грушевом саду близ темного леса мальчик играл с друзьями в прятки.

Водить выпало Матильде. Она села на большой камень, уткнула голову в колени и начала считать до ста.

Мальчик решил убежать подальше, чтобы его дольше всех не нашли. Он очень хотел поразить Матильду. Ее певучий голос не давал ему покоя.

Даже сейчас она считала вслух как будто нараспев:

— ...Тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять...

Мальчик побежал в лес, хотя это строго-настрого запрещалось. Он то и дело оглядывался, проверяя, что грушевый сад все еще виден. Когда сад превратился в крохотное пятнышко вдаль, мальчик сел на землю под сосной и прислонился спиной к стволу.

Далеко-далеко послышался голос Матильды:

— Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать! Кто не спрятался, я не виновата!

Мальчик улыбнулся, заранее представляя, как с победой примчится к «дому». Только нельзя торопиться! Нужно подождать, пока всех остальных отыщут.

Он вытащил из-за пояса книгу в кожаном переплете. Эту книгу и еще одну вещь он в то самое утро купил у цыганки за один пфенниг. Мальчик провел пальцем по тисненому заголовку:

Тринадцатая гармоника Отто Вестника

Он просто не мог удержаться, чтобы ее не купить, тем более что по удивительному совпадению его тоже звали Отто.

Он открыл книгу и начал читать.

Ведьма, поцелуй и пророчество

В стародавние времена, когда еще никто не сомневался в чудесах, один отчаявшийся король в страхе ждал рождения своего первенца.

Было предсказано, что старший королевский ребенок унаследует королевство, но только если это будет сын. Если же сперва родится дочь, престол перейдет к младшему брату короля — его главному сопернику.

Увы, королева родила девочку. Но король был хитер. Он приказал повитухе унести новорожденную кроху в лес и там оставить — пусть ее съедят дикие звери. Повитухе было велено никому и никогда не рассказывать об этом. А королеве и подданным король объявил, что младенец родился мертвым.

Добросердечная повитуха ушла в лес, но она знала, что ни за что не бросит дитя. Пробираясь через колючие кусты и бурелом, она пела младенцу колыбельные. Девочка слушала, широко раскрыв глазки, а когда повитуха умолкала, малышка начинала громко плакать. И повитуха пела, пока не добралась туда, куда шла — к старому покосившемуся домишке, где жила ее двоюродная сестра-ведьма, себялюбивая лентяйка и бездельница.

— ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗЬМИ ЭТО ДИТЯ! — ВЗМОЛИЛАСЬ ПОВИТУХА. — У ТЕБЯ ЕСТЬ КОЗЫ, ОНИ ДАЮТ МОЛОКО. А КОГДА ПОДРАСТЕТ, ОНА СМОЖЕТ ЧИСТИТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ОЧАГ.

— Так уж и быть, — сказала ведьма. — Я назову ее Айнс — один.

Повитуха подумала, что жестоко назвать девочку номером вместо имени, но все же это лучше, чем стать завтраком для медведей. Она поцеловала крохотный сверток и прошептала пророчество — единственное, что могла подарить малышке:

Еще судьба не решена.
Еще в ночи колокола услышишь,
Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше
Твою дорогу озарит она^[1].

Повитуха плюнула на землю, чтобы пророчество было крепче, и ушла, оставив девочку ведьме.

Не прошло и двух лет, как у королевы вновь родилась дочь. Король отдал повитухе такой же приказ. Добрая женщина побежала в лес, тихонько напевая, потому что и эту малышку успокоить можно было только пением. Вновь повитуха стала упрашивать ведьму:

— Сделай милость, возьми себе это дитя! Когда вырастет, она станет собирать для тебя хворост.

— Так уж и быть, — сказала ведьма. — Я назову ее Цвай —

два.

Снова номер вместо имени! Недоброе начало, но все же лучше, чем пойти на обед волкам. Повитуха поцеловала крохотную девочку и прошептала то же самое пророчество:

Еще судьба не решена.
Еще в ночи колокола услышишь,
Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше
Твою дорогу озарит она.

Плюнула на землю, чтобы пророчество было крепче, и ушла, оставив девочку ведьме.

Прошло еще два года, и вновь родилась девочка. Три дочери, одна за другой! Король вновь повторил обман. И повитуха покорно отправилась в лес, напевая по пути, — малышку, как и ее сестер, могла успокоить только песня.

Повитуха умоляла ведьму взять себе и это дитя:

— Когда подрастет, она будет разводить для тебя огонь в очаге!

— Так уж и быть, — отвечала ведьма. — Я назову ее Драй — три. Так мне проще будет запомнить, кто из них первая, кто вторая, а кто — третья.

Она стала отсчитывать на пальцах:

— Айнс, Цвай, Драй!

И вновь повитухе виделось безрадостное будущее для безымянной девочки. Но это куда лучше, чем стать ужином для дикого кабана. К тому же рядом с малышкой будут ее сестры.

Айнс и Цвай уже прислуживали ведьме — таскали ей хворост. Они бросились к повитухе — знакомиться с новой сестричкой.

Посмотрела повитуха на жалкую хибарку ведьмы, на чумазных, нечесаных девчонок, что нежно ворковали над младенцем. Поцеловала она крошку и прошептала:

Еще судьба не решена.
Еще в ночи колокола услышишь,
Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше
Твою дорогу озарит она.

Плюнула на землю, чтобы пророчество было крепче, и ушла, оставив девочку ведьме.

Прошел еще год и один месяц, и королева наконец-то произвела на свет мальчика. Счастливый король объявил, что у него родился первенец — сын! По всему королевству звонили в церквах колокола, празднуя рождение наследника престола. Придет время, и он станет королем.

Отто поднял голову от книги.

Он так увлекся чтением, что совсем позабыл о игре в прятки!

За это время в лесу похолодало, поднялся ветер. Деревья шумели и раскачивались. Отто пробрала дрожь. Он прислушался — не слышно ли друзей вдали? Неужели он пропустил, когда кричали «Алле, алле, аух зинд фрай»^[2] — сигнал, что игра окончена и всем, кого так и не нашли, можно вылезать?

Отто встал и снова затолкал книгу за пояс. Вдруг налетел ветер, сорвал у него с головы шапку. Отто завертелся, поймал шапку, но уже не мог вспомнить, с какой стороны грушевый сад.

Он бродил по лесу несколько часов. Звал, кричал, но ветер заглушал его крики. Вспомнилось все, что рассказывали об этом лесе: пещеры, где обитают злые тролли, пропасти с отвесными стенами, где на дне живут злые колдуньи, болотные топи, с чавканьем пожирающие неосторожных детей. Что уж говорить о медведях, волках и диких кабанах!

Отто бросался от одного дерева к другому, искал дорогу домой. В страхе он споткнулся о переплетенные корни и упал. Все вокруг закружилось.

Прошло несколько минут или часов — он не знал. Отто сел, потрогал свой лоб и нащупал шишку величиной с куриное яйцо. Напуганный до полусмерти, он закрыл лицо руками и заплакал.

Между всхлипами он услышал три голоса, зовущие в унисон:

— Сюда! Иди сюда! Мы поможем тебе!

Отто поднял голову, но никого не увидел. Только тени мелькали среди деревьев. Отто встал и неуверенно сделал шаг, потом еще. Наконец он добрел до места, где росли высокие ели, образуя огромный круг. Отто протиснулся между стволами и оказался на поляне. Перед ним стояли три девушки в старых и рваных платьях — первая на голову выше второй, вторая на голову выше третьей.

Они заговорили все разом:

— Наконец кто-то пришел в гости! Здравствуй, мальчик! Бедненький, ты, должно быть, устал. Ах, и головой ударился! Присядь, отдохни!

Отто сел на пень.

— Вы... Вы кто?

— Не бойся, здесь тебя никто не тронет! Я — Айнс, — сказала старшая. — А это мои сестры, Цвай и Драй.

Отто вытащил из-за пояса книгу.

— Не может быть! Так зовут персонажей из сказки!

— Значит, это сказка о нас! — ответила Айнс.

— А у нее счастливый конец? — спросила Цвай, заламывая руки.

Драй указала на книгу:

— Почитай нам, пожалуйста, чтобы мы могли узнать свою судьбу!

Сестры быстро уселись в кружок и нетерпеливо уставились на мальчика.

Отто потер лоб. Голова у него чуть-чуть кружилась. Айнс, Цвай и Драй приготовились слушать. Если в сказке правда, то их отняли у матери, едва они появились на свет. Каково это — совсем не знать свою маму? Сердце у него заныло, едва он представил, что больше не увидит маму.

— Пожалуйста! — упрашивала Цвай. — Что, если мы сумеем помочь друг другу?

Отто все это казалось странным, но здесь, в древесном круге, он не чувствовал опасности. Сестры выглядели безобидными, и к тому же только они могли вывести его из леса.

Отто раскрыл книгу в самом начале и вновь прочитал первую главу, на этот раз вслух. Посмотрел на сестер — Айнс, Цвай и Драй слушали как зачарованные, держась за руки.

Отто прокашлялся и стал читать дальше.

Тайна, заклятье и последнее колдовство

Айнс, Цвай и Драй росли в жалком домике в глухой чаще.

Ведьма сказала им, что они — подкидыши, и каждый день напоминала, что девочки живут у нее из милости и должны быть благодарны.

Но благодарить ее оказалось трудно.

В домике было сыро и все разваливалось. Ведьма ни разу даже соломенную кровлю не подновила. Сестры ходили в

обносках. А главное, ведьма их не любила. Относилась к ним так же равнодушно, как к речным камешкам. Зато работать заставляла от зари до зари. Сестры мели пол, носили хворост, стирали и готовили.

Представьте, как обленилась ведьма!

В грустной жизни сестер было только два утешения. Первое — пение. У них у всех были разные голоса: у первой — словно птица щебечет; у второй — словно ручей журчит; у третьей — словно ветер насвистывает в ветвях деревьев. Когда они пели, голоса их сливались вместе так чудесно, что все лесные жители, от фей до троллей, замирали, слушали и дивились. Даже ведьма признавала их талант и завидовала. В насмешку она называла их разными музыкальными инструментами. Излюбленное прозвище у нее было «мои маленькие пикколо»^[3].

Кроме того, сестры служили утешением друг другу. Каждый вечер, когда они укладывались спать на соломенных тюфяках и сквозь дыры в крыше разглядывали ночное небо, Айнс, как молитву, повторяла пророчество:

Еще судьба не решена.
Еще в ночи колокола услышишь,
Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше
Твою дорогу озарит она.

Потом они по очереди пели песню о пташках, которым так легко улететь из леса. Айнс, Цвай и Драй все еще надеялись, что и они когда-нибудь смогут уйти отсюда. Они мечтали об уютном доме и любящих родных, которые станут звать их по именам, а не по номерам.

Шли годы. Брат короля, его главный соперник, умер молодым. Все королевские хитрости оказались напрасны, но король все равно хранил свою ужасную тайну и никому не рассказывал, что приказал бросить своих дочерей в лесу. Когда принц достиг совершеннолетия, король заболел и отрекся от престола. Королевство готовилось пышно отпраздновать коронацию его сына. Только король до нее не дожил.

На праздник во дворец пригласили всех подданных, и молодой король объявил, что готов побеседовать с каждым. Когда

пришла очередь повитухи приблизиться к трону, она вдруг поняла, что больше незачем хранить молчание. Она открыла правду королю и его матушке. Как они обрадовались!

Молодой король немедленно отправил повитуху за своими сестрами.

И снова добрая женщина отправилась в чащу, к домику ведьмы.

Айнс бросилась ей навстречу и спросила:

— Ты принесла нам еще одну сестричку?

Повитуха улыбнулась.

— Ах, дитя, я принесла гораздо больше!

Узнав новости, Айнс, Цвай и Драй крепко обнялись и расплакались от счастья. Сбылась их заветная мечта! Теперь у них есть дом, семья, да к тому же они — принцессы!

Увидела ведьма, что они собрались уходить, и пришла в ярость. Взмахнула она руками, так что лесная чаща содрогнулась от ее злобы. Указала ведьма пальцем на трех сестер и крикнула:

— Неблагодарные! Хотите меня покинуть — после всего, что я для вас сделала? Я вам жизнь спасла! Где бы вы сейчас были, если бы не я? Давным-давно умерли, вот что! Хотите свободы — придется за нее заплатить. Посмотрим, как вам понравится плата, мои маленькие пикколо!

Снова ведьма взмахнула руками и произнесла нараспев заклинание:

Вестник в глушь детей заводит,
Пусть их вестник и выводит!
Только в образе людей
Не уйти вам без затей.
Голос музыки вздохнет,
Ваши тени позовет —
Уберечь от смерти душу...
Или пусть вас чаща душит^[4].

Налетел, завыл ураган, подхватил и ведьму, и повитуху, и домик, и все, что в нем было — до последней чайной чашки, и унес в иное время, иное пространство.

А когда все успокоилось, Айнс, Цвай и Драй оказались в чем

были на поляне, усеянной валунами и древесными пнями и окруженной плотной стеной деревьев, в странном мире, где солнце всходило и заходило, но время стояло на месте.

Отто поднял голову и посмотрел на одну сестру, потом на вторую, потом на третью.

Айнс вытерла слезинку со щеки.

— Всё это правда!

— Что же дальше с нами будет? — спросила Цвай. — Читай, пожалуйста!

— Встретимся мы с матушкой и с братом? — спросила Драй.

Отто перевернул страницу.

На ней не было ни слова.

Отто пролистал книгу до конца, но все страницы были пустые. Только чистый пергамент без единой буковки.

— Тут недописано, — сказал Отто. — Нет ни конца, ни середины.

— Потому что в нашей жизни пока еще ничего больше не случилось, — сказала Айнс. — Мы так и сидим здесь, как бесполезные игрушки, навеки связанные.

— А что означает заклинание? — спросил Отто.

— Она звала нас «маленькими пикколо», — сказала Цвай. — И чтобы заклятье было труднее снять, придумала такое условие — наши души могут выйти из круга деревьев, только если их заключить в деревянный духовой музыкальный инструмент. В руках вестника.

Сестры заметно приуныли.

— Если б я мог вернуться домой, я бы вам помог, — предложил Отто.

— У тебя есть музыкальный инструмент? — спросила Айнс.

— Фагот? — спросила Цвай.

— Или гобой? — подхватила Драй.

Отто покачал головой.

— У меня только вот что есть... — Он принялся разворачивать рукав рубашки, закатанный выше локтя. — Когда я утром покупал книгу, цыганка заставила меня взять еще и это и даже ни пфеннига лишнего не запросила.

Он показал сестрам губную гармонику.

Глаза у них так и засияли.

— Губная гармоника! — воскликнула Айнс.

Цвай подошла ближе:

— Если ты нам позволишь на ней сыграть, мы поможем тебе найти дорогу домой.

Драй тронула его за руку:

— А ты пообещай, что, когда настанет время, ты передашь гармонику другому. Только тогда и не раньше начнется наше странствие, чтобы спасти чью-то душу от неминуемой гибели.

Айнс кивнула.

— Это наша единственная надежда избавиться от заклятья!

— Обещаю, — сказал Отто, потому что ему очень хотелось вернуться домой. — А как я узнаю, когда и кому...

Три сестры обступили его и прошептали:

— Ты поймешь.

Отто протянул гармонику старшей сестре.

Айнс сыграла короткую мелодию и, отняв гармонику от губ, передала второй сестре.

Цвай сыграла другую мелодию, и пока она играла, Отто слышал обе мелодии одновременно. Цвай отдала гармонику Драй, и та сыграла еще одну песню.

— Так не бывает! — сказал Отто. — Я слышу три мелодии сразу!

— Так бывает, — улыбаясь, ответили сестры.

Небо потемнело. Надвигалась ночь.

— Как мне найти дорогу? — прошептал Отто. — Я боюсь темноты.

Айнс выпрямилась во весь рост и произнесла:

Еще судьба не решена.

Еще в ночи колокола услышишь,

Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше

Твою дорогу озарит она.

Драй протянула Отто музыкальный инструмент.

— Это всего-навсего губная гармошка! — захныкал Отто.

— О, это гораздо больше! — ответила Айнс. — Чтобы играть на ней, необходимо дыхание — точно так же как и для того, чтобы жить. А тебе не приходило в голову, что, играя на губной гармонике, человек может вдохнуть в нее свою силу и знания и передать кому-нибудь другому?

— И следующий, кто будет на ней играть, все это почувствует, — сказала Цвай. — Это правда. Играй и увидишь свою дорогу. И силы к тебе придут.

Драй кивнула:

— Шелковой нитью судьбы ты навсегда будешь связан с нами и со

всеми, кто играл на этой гармонике и кто еще будет на ней играть.

Отто поразили их странные слова. Навеки связан шелковой нитью судьбы? Он совсем запутался, и голова разболелась.

— Я устал... Домой хочу!

— Ты вернешься домой, — пообещала Айнс.

— А сейчас усни, — сказала Цвай.

— Сладких снов, — шепнула Драй.

Убаюканный ее голосом, Отто покачнулся и упал на усыпанную сосновой хвоей землю.

Когда Отто проснулся, в небе ярко светило солнце.

Отто сел. Он был в лесу, рядом с узкой тропинкой. В руке он все еще сжимал губную гармонику, только книги нигде не было видно. И Айнс, Цвай и Драй тоже не было.

Может, они взяли книгу себе, а его перенесли сюда и тут оставили?

А тропинка — это и есть дорога домой?

Весь день он брел, спотыкаясь, по узкой тропе, заросшей геранью и чертополохом, пока солнце не скрылось за деревьями. Отчаянно болела голова. Сгустились сумерки. Отто, ослабший и напуганный, начал уже терять надежду, как вдруг вспомнил про гармонику. Он поднес ее к губам и заиграл простенькую мелодию.

Необычный звук инструмента отозвался в нем неожиданной радостью. Как будто он уже был не один. Отто пошел дальше, шепча на ходу:

Еще судьба не решена.

Еще в ночи колокола услышишь,

Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше

Твою дорогу озарит она.

Ветви деревьев над головой поредели. Звездный свет освещал тропинку. Шаг за шагом Отто продвигался вперед. Неужели сестры на самом деле вдохнули в гармонику силы, поддерживающие в пути? Неужели их души сейчас с ним?

Вдруг Отто остановился. Ему послышались голоса.

Кто это — Айнс, Цвай и Драй? Или волки, медведи и дикий кабан? Или это просто лесной морок?

Сердце у него забилося часто-часто.

Отто глубоко вздохнул и сильно подул в инструмент. Резкий аккорд

разорвал ночную тишину. Лес примолк, словно весь мир затаил дыхание.

И вновь Отто услышал голоса. Они звали... Выкрикивали...

Его имя!

Кто-то звал его по имени!

Вдали замелькали огоньки, словно светлячки в ночи. Отто бросился вперед и оказался в грушевом саду. Там было полно людей. Жители городка с фонарями в руках прочесывали опушку леса.

— Я здесь! — закричал Отто.

К нему подбежали двое мужчин, взяли за руки, так что получилось «креслице», усадили Отто и понесли к остальным.

Увидев отца, Отто бросился ему на шею. Взрослые кричали «ура», дети толпились вокруг и хлопали его по спине. Матильда тоже была там, в ее глазах блестели слезы. Отто от волнения не мог говорить. Он уткнулся лицом папе в грудь и заплакал.

Позже, у себя дома, он шепотом, на ухо, рассказал папе и маме обо всем, что с ним случилось, начиная с того, как утром купил у цыганки книгу и губную гармонику.

— Айнс, Цвай и Драй меня спасли. Они вывели меня из леса.

Родители переглянулись, подняв брови.

— Ну-ну, — сказала мама. — В наш город уже давно не заходили цыгане. Ты, должно быть, нашел гармонику в лесу, где ее обронил еще какой-нибудь непослушный мальчишка. И потерялся ты не вчера, а сегодня утром. Отдыхай, ты сильно головой ударился — вон какая шишка на затылке.

Отто заснул, сжимая в руке губную гармонику.

Вскоре Отто поправился, но с губной гармошкой больше не расставался, всюду носил ее с собой. Своим друзьям и вообще всем, кто соглашался слушать, он рассказывал о сестрах Айнс, Цвай и Драй. Через месяц эти рассказы всем надоели, над ним стали смеяться. Только Матильде не надоедало слушать эту загадочную историю.

Однажды папа усадил Отто рядом с собой, чтобы серьезно поговорить:

— Люди думают, что у тебя с головой не все в порядке. Ты заблудился и сам себя спас, играя на губной гармошке, вот и все. Я слышать больше не желаю о цыганах, книжке, воображаемых сестрах и волшебной гармошке!

Чтобы не огорчать родителей, Отто убрал губную гармонику и больше не выносил ее из дому. Он перестал вслух вспоминать историю трех сестер. Вскоре жизнь опять вошла в привычную колею.

Но когда Отто чего-нибудь пугался, он тайком доставал губную гармонику, играл какую-нибудь песню и в мечтах находил знакомое удивительное ощущение счастья и покоя. Каждый раз к нему возвращались воспоминания о рассказанной в книжке истории и о том, что случилось в лесу: хитрость короля, путешествие повитухи, заклятье ведьмы, встреча Отто с Айнс, Цвай и Драй и данное им обещание.

Он все время помнил, что ему доверено их будущее. И что гармоника хранит в себе их самую заветную надежду: быть свободными, быть любимыми, вырваться из древесного круга, чтобы когда-нибудь их история смогла быть дописана.

Отто не забыл, что их странствие к спасению чьей-то души на пороге смерти начнется, когда он отправит гармонику в мир... Когда придет время.

Он — вестник.

Часть 1

Октябрь 1933 г.
Германия,
город Троссинген^[5] в земле Баден-Вюртемберг

БРАМС. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Музыка: Иоганнес Брамс

Стихи из сборника немецкой народной поэзии «*Волшебный рог мальчика*»

5 5 6 5 5 6
Ба-ю-бай, мой ма-лыш,

5 6 7-7 -6 6
Сон спус-ка-ет-ся с крыш,

— 4 5-5 -4 -4 5 -5
Ме-сяц-лод-ка плы-вет,

— 4-5 -7 -6 6-7 7
В ко-лы-бель-ку зо-вет.

4 4 7-6 -5 6
Спи, ма-лыш мой, у-сни!

5 4-5 6-6 6
Не-бо сон твой хра-ни!

4 4 7-6 -5 6
Спи, ма-лыш мой, у-сни!

5 4-5 6-6 6
Не-бо сон твой хра-ни!^[6]

Фридрих Шмидт стоял на пороге своего дома в маленьком городке между Шварцвальдом и Швабскими Альпами и притворялся, будто ему не страшно.

Сверху ему были видны крыши Троссингена, а над городом, словно старинный замок, высилось здание фабрики. Над фабрикой возносилась ввысь дымовая труба, выпускающая белый столб дыма, словно маяк на фоне пасмурного неба.

За спиной Фридриха стоял отец.

— Сынок, дорогу ты знаешь. Мы по ней сотни раз ходили. Помни, у тебя такое же право находиться на улице, как и у всякого другого. Дядя Гюнтер встретит тебя у ворот.

Фридрих кивнул, расправив плечи:

— Не беспокойся, отец, я смогу!

Он очень хотел верить собственным словам. Верить, что сделать такую простую вещь — дойти в одиночку до работы — будет легко. И совсем не нужно, чтобы отец наблюдал за ним, словно ястреб, защищая от испуганных прохожих и заслоняя от любопытствующих зевак. Фридрих шагнул вперед, потом обернулся помахать на прощание.

У папы волосы распушились вокруг головы седым нимбом, придавая слегка безумный вид. Ему шло. Папа в ответ поднял руку и улыбнулся Фридриху, но улыбка была не такой жизнерадостной, как обычно, скорее тревожной. Что это, у него в глазах слезы?

Фридрих вернулся и крепко обнял отца, вдыхая знакомый запах канифоли и анисовых леденцов.

— Все будет хорошо, отец! Наслаждайся жизнью, сегодня ведь ты первый день на пенсии. Пойдешь кормить голубей со старичками?

Отец рассмеялся и отодвинул от себя Фридриха на расстояние вытянутой руки:

— Ну нет! Разве я похож на завсегдатая парковых скамеечек?

Фридрих покачал головой, довольный, что развеселил отца.

— Чем ты будешь целый день заниматься? Надеюсь, ты подумаешь о том, чтобы снова выступить.

Давным-давно отец играл на виолончели в Берлинском филармоническом оркестре, но когда женился и у него появились дети, он нашел более практичную работу на фабрике. Мама умерла вскоре после

того, как родился Фридрих. Отцу пришлось одному растить Фридриха и его сестру Элизабет.

— Вряд ли я стану играть в оркестре, — сказал отец. — Но ты не беспокойся, занятия у меня найдутся. Книжки, концерты, ученики-виолончелисты. А еще я хочу организовать ансамбль камерной музыки.

— Отец, у тебя энергии хватит на троих!

— И это хорошо, ведь сегодня приезжает твоя сестра. Элизабет мигом начнет командовать, и вот тогда мне, конечно, понадобятся силы. Я уговорю ее снова играть на фортепьяно, мы сможем возобновить музыкальные вечера по пятницам. Сегодня и начнем. Я по ним скучаю.

Фридрих тоже скучал по домашним музыкальным вечерам. Сколько он себя помнил, каждую пятницу после обеда приходил к чаю дядя Гюнтер, папин младший брат, со своим аккордеоном. Отец играл на виолончели, Фридрих — на губной гармошке, хотя и на виолончели он тоже умел, если честно. Элизабет играла на фортепьяно. Отец и Элизабет постоянно спорили — обо всем, начиная с выбора песен и заканчивая тем, в каком порядке их исполнять. Фридрих уже бросил гадать, то ли отец с Элизабет во всем противоположны по характеру, то ли слишком похожи. И все же это были его самые счастливые воспоминания: польки, народные мелодии, пение и смех, и даже препирательства.

А теперь Элизабет приезжает из школы медсестер на целых три месяца! Фридрих стосковался по разговорам до поздней ночи и по тому, как они читали вслух по очереди, передавая друг другу книгу. А воскресная игра в пинокль ^[7] за кухонным столом с отцом и дядей Гюнтером! Весь прошлый год все как будто было не так без Элизабет, без ее заботы, без ее привычки командовать и без ее стряпни.

— Как ты думаешь, она так же сильно по нам скучала, как мы по ней? — спросил Фридрих.

Отец улыбнулся:

— А как же иначе? — Он повернул Фридриха лицом к улице и хлопнул по спине. — Хорошего тебе дня на работе, сынок! И смотри, не забудь...

— Я помню, отец. Высоко держать голову.

Как только Фридрих повернул за угол, он сделал как раз противоположное.

Сунул руки в карманы, сгорбился и повернул лицо правой щекой к земле. Отец ни за что не позволил бы так крючиться. Но в этой позе Фридрих чувствовал себя не таким заметным, хоть и налетал иногда на столбы и деревья. Зато, глядя себе под ноги, он часто находил потерянную кем-нибудь монетку.

Вскоре Фридрих споткнулся об оставленную кем-то у входа в магазин пачку газет. Он удержался от падения, упираясь ладонью в стену, и прочел заголовок: «В ПАРЛАМЕНТЕ ПРИНЯЛИ ЗАКОН». Фридрих застонал. Еще один закон, который отец непременно разругает в пух и прах.

Поскольку Фридрих не ходил в обычную школу, отец требовал по вечерам читать вместе с ним газету для общего развития. Не перечить, сколько раз за последние месяцы отец отбрасывал газету, гневаясь на нового канцлера — Адольфа Гитлера — и его национал-социалистическую партию. Отец до недавнего времени был членом Лиги немецких вольнодумцев, но пару месяцев назад Гитлер запретил эту организацию.

Не далее как вчера вечером, после очередной статьи отец метался по кухне и громко возмущался:

— Неужели в нашей стране не найдется места разным взглядам и воззрениям? Гитлер требует, чтобы парламент по его капризу принимал законы. Он отнимает все гражданские права, а его штурмовики вольны допрашивать любого и по любой причине. Гитлер хочет провести чистку населения, чтобы остались только расово чистые немцы!

Что все это значит? Кто такие расово чистые немцы? Те, у кого чистая кожа без малейшего изъяна? Фридрих потрогал свое лицо, и в животе у него все скрутилось от страха. Вот уж о нем такого не скажешь...

Он провел рукой по волосам, но легче не стало. Волосы у него были густые, светлые и завивались мелкими кудряшками, особенно в сыром воздухе, совсем как у отца. Сколько их ни отращивай, торчат во все стороны. Были бы у него прямые волосы, можно их зачесывать, чтобы прикрыть щеку. А так уродливое родимое пятно никуда не спрячешь. Как будто воображаемая вертикальная линия разделила его лицо и шею надвое. С одной стороны — обычная кожа, как у всех, а с другой — словно художник пробовал палитру лиловых, красных и коричневых оттенков. Не

щека, а пятнистая слива. Фридрих знал, что выглядит ужасно. Разве можно винить людей, что они таращатся на него или шарахаются?

На следующем углу он свернул на главную улицу. Проходя мимо консерватории, услышал, как кто-то в верхнем этаже упражняется в игре на фортепиано. Играли «К Элизе» Бетховена. Тут уж Фридрих поднял голову и заслушался. Он совсем потерялся в музыке.

Сам того не замечая, он стал размахивать рукой в такт. Улыбаясь, Фридрих представлял себе, как будто музыкант следует его указаниям. Он закрыл глаза и вообразил, что музыкальные ноты каплями воды стекают по его лицу, смывая все лишнее.

Он очнулся, когда рядом прозвучал гудок автомобиля.

Снова сунул руки в карманы и пошел дальше, опустив голову и пиная попадающиеся на дороге камешки. На него нахлынуло знакомое чувство — смесь ужаса и надежды. Прослушивание в консерватории, к которому он готовился, сколько себя помнил, было назначено сразу после Нового года. Что, если он плохо выступит? Хотя неизвестно, что хуже — если ему откажут или если примут. На сердце было тяжело. Как можно мечтать о чем-то и в то же время так сильно этого бояться?

Фридрих глубоко вздохнул и пошел дальше. Приближаясь к школьному двору он, как обычно, твердил себе: «Не оглядываться. Не обращать внимания». Старался подбодрить себя отцовскими словами: «Иди вперед, шаг за шагом. Не слушай невежд». Но сейчас отца не было рядом. Сердце отчаянно колотилось. Часто дыша, Фридрих споткнулся и поднял взгляд.

На школьном крыльце толпились мальчишки. Они показывали на него пальцами, хихикали и корчили рожи, изображая, будто ужасно перепугались. Фридрих прикрыл лицо рукой, еще ниже опустил голову и ускорил шаг. Он почти бежал, огибая прохожих.

— Фридрих!

Он чуть не налетел на дядю Гюнтера.

— Доброе утро, племянник!

Дядя обнял Фридриха за плечи и притянул к себе.

Фридрих никак не мог отдышаться:

— Доб... рое... утро...

— Ты что, не рад меня видеть? Я вот рад! Пошли! — Он повел Фридриха в ворота фабрики. — Сегодня я займу верстак твоего отца. Будем с тобой рядышком, ты не против?

Дядя Гюнтер держался как всегда — весело и добродушно. От этого Фридриху стало спокойнее.

— Конечно, не против! Я надеялся, что так будет.

Пока они с дядей Гюнтером пересекали мощенную булыжником площадь, сердце Фридриха начало биться ровнее, и дыхание тоже выровнялось. Высокие фабричные корпуса, каменные плиты дорожек и сводчатые арки — все здесь было надежным и прочным. Здесь Фридрих чувствовал себя в безопасности. А над всем этим высилась, будто обелиск, пузатая водонапорная башня — замаскированный ангел-хранитель.

Иногда Фридриху хотелось, чтобы можно было вовсе не уходить с фабрики. Работать круглые сутки.

И в то же время какая-то его часть мечтала о другой жизни. Ходить в обычную школу, дружить со сверстниками. Быть обычным мальчиком с ничем не примечательным лицом.

Но судьба решила иначе, и когда ему было всего восемь лет, Фридрих стал самым младшим подмастерьем на самой большой в мире фабрике губных гармоник.

В то утро, четыре года назад, Элизабет, как обычно, привела Фридриха во двор начальной школы и усадила на скамью в сторонке. Он знал, что должен делать: сидеть смирно и никуда не уходить.

Но накануне отец взял его с собой на балет — послушать оркестр. Музыка осталась с ним, как бывало всегда. Каждая мелодия, каждый такт «Спящей красавицы» Чайковского все еще звучали у него в голове, особенно вальс.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Фридрих напевал себе под нос всю дорогу до школы и не мог перестать, сколько бы Элизабет на него ни шикала. Пока она проверяла, не забыл ли он пакет с завтраком, и поправляла на нем свитер, он, подняв руки повыше, дирижировал воображаемым оркестром.

Элизабет взяла его руки в свои и сказала с мольбой в глазах:

— Фридрих, пожалуйста, не усложняй себе жизнь! Как будто у тебя без того мало неприятностей.

— Я слышу музыку, — ответил он.

— А я слышу, какими словами тебя станут обзывать, если ты и дальше будешь махать руками, глядя в небо. Хочешь, чтобы мальчишки снова швырялись в тебя камнями?

Он покачал головой и посмотрел на сестру снизу вверх:

— Лизбет, они меня называют Уродцем.

— Знаю, — сказала она и погладила его по голове. — Не слушай их. Что я тебе всегда говорю?

— Они мне не родные. А родные всегда мне скажут правду.

— Правильно! И я говорю, что у тебя талант музыканта. Когда-нибудь ты обязательно станешь дирижером. А пока упражняйся дома. Помнишь фокус, которому я тебя научила?

Фридрих кивнул:

— Если мне в школе очень захочется размахивать руками, надо подсунуть их под себя и сесть на них.

— Умница, — сказала Элизабет. — Посиди здесь, пока учитель не позвонит в звонок. А мне надо идти, не то на урок опоздаю.

Она поцеловала его в щеку.

Фридрих смотрел ей вслед, пока она шла к зданию средней школы. Белокурые локоны подпрыгивали у нее за спиной.

Фридрих подсунул под себя руки, но музыка вчерашнего концерта преследовала его, и он не удержался. Вытащил руки и взмахнул воображаемой дирижерской палочкой. Закрыв глаза, он позабыл обо всем и затерялся в ритме вальса.

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Он не замечал, что другие ученики не сводят с него глаз.

Он так увлекся музыкой, что не слышал насмешек.

Не слышал, как бегут к нему мальчишки.

А когда услышал, было уже слишком поздно.

На следующее утро, еще до начала первого урока, отец вошел в кабинет директора. С ним рядом хромал Фридрих.

— Посмотрите, что ваши ученики сделали вчера с моим сыном! Губа так распухла, что он почти не может говорить, ссадину на лбу пришлось зашивать, и запястье сломано. Ему несколько недель придется держать руку на перевязи.

Директор откинулся в кресле и сложил руки на животе:

— Господин Шмидт, мальчишки есть мальчишки. Подрались на игровой площадке, обычное дело. Фридриху нужно закаляться. Стычки с другими детьми полезны — как иначе он научится защищать себя? Мы стараемся присматривать, чтобы не было инцидентов, но его физический недостаток...

— Это всего лишь родимое пятно! — Отцовский голос звучал напряженно.

— Как вам будет угодно. Однако этот изъясн... Да еще привычка размахивать руками... — Директор наклонил голову к плечу. — Согласитесь, это странно. Подобные странности беспокоят других учеников. Пугают их. — Директор выгнул бровь. — К тому же он говорит, будто ему что-то слышится.

Отец набрал воздух, раздувая щеки, как будто вот-вот лопнет:

— Он слышит музыку! Мальчик представляет, как будто дирижирует оркестром, только и всего! Я с трех лет вожу его на концерты, и он с одного раза запоминает ноты. Кто еще в вашей школе на это способен? Неужели они сами никогда ничего не воображают?

Директор все еще улыбался, однако плотно сжал губы:

— Разумеется, но беда не только в махании руками. Учитель жаловался, что он заканчивает задания по математике намного раньше других и шепчется с соседом по парте.

Отец посмотрел на Фридриха. Фридрих кивнул.

— Что ж, если он заканчивает раньше других, учитель мог бы дать ему дополнительное задание или позволил бы почитать книгу. Тогда он был бы занят и не разговаривал с соседом!

— Видимо, вы не поняли. — Директор повернулся к Фридриху: — Скажи, кто сидит за твоей партой?

Из-за разбитой губы Фридрих с трудом выговорил:

— Гензель.

Директор усмехнулся:

— Господин Шмидт, у него нет соседа. Никто, кроме него, не сидит за его партой. Так кто такой этот Гензель?

Отец знал кто. Фридрих и дома постоянно воображал, что с ним разговаривает — с умным Гензелем из сказки «Гензель и Гретель», который вместе с сестрой спасся от злой колдуньи и выбрался из темного и опасного леса. Гензель был его другом. Фридрих мечтал стать таким же храбрым, как он.

— У мальчика есть воображение! — заорал отец.

— Ваш сын — необычный ребенок. Возможно, он дефективный, — сказал директор.

— В одном вы правы, — сказал отец. — Он — необычный ребенок. Но если вы посмотрите на его оценки, то увидите, что он не дефективный. Впрочем, я пришел не за тем, чтобы спорить. Я пришел сообщить вам, что с этого дня сам буду его обучать. А в конце учебного года вы организуете ему экзамены и найдете учителя, который сможет их провести.

Улыбка сползла с лица директора:

— Это неприемлемо!

Отец стукнул кулаком по директорскому столу:

— Неприемлемо то, что сделали с моим сыном ваши ученики! Я готов обратиться к вашему начальству.

Директор насторожился. Он взял со стола папку и раскрыл:

— Ну, если вы так ставите вопрос... Вижу, его врач — доктор Браун. Я напишу доктору письмо, попрошу направить мальчика на психиатрическое освидетельствование. Подозреваю, с ним еще многое не в порядке, помимо того, о чем мы сейчас говорили. Для таких, как он, имеется специальное учреждение. Дом неблагополучных детей.

— Это лечебница для душевнобольных! — воскликнул отец.

Фридрих крепче прижался к нему. Элизабет рассказывала о таких заведениях, куда запирают сумасшедших и отнимают у них всю одежду, кроме нижнего белья. Неужели его правда могут отправить туда за то, что он дирижирует воображаемым оркестром и понарошку разговаривает с

придуманном другом? У него заболела голова.

Голос отца дрожал от гнева:

— Все только потому, что он не такой, как другие? Хватит, с вами невозможно разумно разговаривать!

Он обнял Фридриха за плечи и вывел из кабинета. В коридоре толпились ученики.

Фридрих видел, как на него таращатся, и слышал обрывки фраз.

— Уродец наш уходит из школы... Дурачок... Ему место в зоопарке...

Что с ним теперь будет? Элизабет весь день в школе, отец — на фабрике. Оставят его дома или запрут в лечебницу?

Когда они вышли на крыльцо, Фридрих подергал отца за рукав.

Отец наклонился к нему.

Фридрих прошептал ему на ухо, прикрываясь ладошкой:

— Отец, куда меня отправят, если я такой ужасный, что мне нельзя учиться в школе?

На глазах отца выступили слезы. Он поцеловал Фридриха в лоб:

— Не волнуйся, я все улажу. Пойдем, нужно заглянуть на фабрику... Объяснить, почему я сегодня не вышел на работу.

Фридрих сидел снаружи, пока отец в конторе разговаривал с какими-то начальниками в белых халатах. Он не слышал, что говорит отец, только видел через окно его оживленные жесты и умоляющее выражение лица. Потом отец пожал руки всем по очереди. Один из его собеседников промокнул глаза носовым платком.

Дверь открылась, и начальники гуськом вышли наружу. Тот, что с носовым платком, наклонившись, положил руку Фридриху на плечо:

— Меня зовут Эрнст. Сейчас папа отведет тебя домой. Отдохнешь, а с завтрашнего дня будешь приходить сюда. Добро пожаловать в фирму!

И он пожал Фридриху руку — ту, которая не была сломана.

Фридрих ничего не понял, но прошептал:

— Да, господин.

По дороге домой отец объяснил:

— Теперь я буду заниматься твоим обучением. По утрам в будни ты будешь ходить на фабрику, учиться делать губные гармоники. Во второй половине дня станешь делать уроки, которые я тебе задам. Тебе выделяют стол рядом с моим рабочим местом. А по выходным у нас с тобой будут по-прежнему уроки музыки. Ты понимаешь?

У Фридриха болели раны, и голова болела тоже. Он ничего не ответил.

Отец остановился и встал перед ним на колени.

— Понимаешь, Фридрих? Ты будешь ходить туда же, куда и я.

Он недоверчиво смотрел на папу. Его не отправят в лечебницу для сумасшедших? И в школу не заставят ходить? Не нужно больше выискивать самый безопасный маршрут до классной комнаты? И на обеденной перемене уворачиваться, когда в тебя кидают едой? Не нужно гадать, какой угол игровой площадки сегодня безопасней? Он улыбнулся, а по щекам катились слезы.

Отец взял Фридриха на руки и понес.

На улице какая-то машина прогудела три раза.

Ритм вальса Чайковского вновь завладел Фридрихом. Глядя назад через отцовское плечо, он здоровой рукой поднял вверх воображаемую палочку и начал дирижировать.

Ветер подул ему в лицо. Фридрих чувствовал себя совсем легким, просто невесомым, словно давящий страх и постоянное беспокойство улетели прочь.

Если бы отец его не держал, он и сам улетел бы по ветру, словно белые парашютики одуванчиков.

Фабрика внутри кипела энергией.

Щелкали и свистели механизмы. Колесики и шестерни цеплялись друг за друга. Фридрих и дядя Гюнтер вошли в просторный зал — наполовину склад, наполовину сборный цех. Успокаивающее жужжание пил то и дело перебивалось звонким стаккато ударов по металлу. Открывались и закрывались двери в комнаты, где проверяли готовые изделия, и можно было услышать, как с шипением компрессоры нагнетают воздух, извлекая из губных гармоник восходящие и нисходящие гаммы. Фридрих нашел глазами громадную стремянку, которая кочевала по всему цеху, и представил себе, что стоит на верхней ступеньке, на высоте второго этажа, и дирижует симфонией ударных.

Подойдя к рабочему столу, он надел фартук и взглянул на лист бумаги, кнопками прикрепленный к стене.

— Что там? — спросил дядя Гюнтер.

— Новые словарные слова от фрау Штейнвег, — ответил Фридрих. — Она каждую пятницу их для меня вешает, а в следующий четверг устраивает контрольную.

Тут подошел господин Карл из бухгалтерии.

Фридрих вытащил из кармана сложенный листок с домашним заданием по математике, разгладил и протянул господину Карлу.

Тот улыбнулся.

— Зайди ко мне после обеда, Фридрих, разберем твою работу.

И он ушел, помахав рукой.

Вслед за ним появился Ансельм, новый конторщик, совсем еще молодой человек. Он положил на стол Фридриху коробку с губными гармониками.

— Господин Эйхман с третьего этажа просил напомнить, чтобы ты зашел к нему сегодня после обеда, вы начнете читать «Одиссею». Неплохо, когда у тебя частный учитель, а, Фридрих? Да еще в рабочее время!

Фридрих отвел глаза. Почему Ансельм к нему цепляется? С тех пор как Ансельм поступил на фабрику, они всего пару раз поздоровались, но ему, кажется, нравится изводить Фридриха.

— Это не в рабочее время. Мне платят только за утренние часы.

— Зато господину Эйхману платят за полный рабочий день. А ты его отвлекаешь, и это в такое время, когда все должны сплотиться ради

Германии и благополучия простого человека. Или ты не согласен?

— Я ему читаю, пока он работает, — ответил Фридрих. — И все это с разрешения начальства.

— Ну, как скажешь, Фридрих, — усмехнулся Ансельм. — Ты здесь, я смотрю, всеобщий любимчик. Знаешь, в новой Германии не одобряют любимчиков. Мы все должны быть едины духом и волей, во имя отечества, во имя семьи Гитлера, чтобы выйти из тьмы к свету!

Он ушел вразвалочку, насвистывая на ходу.

Дядя Гюнтер подошел ближе к Фридриху и тихо сказал:

— Не обращай внимания. Пусть говорит, а ты помалкивай. Он — просто самодовольный гитлеровец. Не нравится мне эта новая порода молодых людей, которые поклоняются Гитлеру, словно божеству.

— Отец тоже их не любит, — сказал Фридрих.

— И все мы это хорошо знаем! — Дядя Гюнтер улыбнулся. — В одном Ансельм все-таки прав — ты, племянник, наш общий любимчик. Говорят, господин Адлер и господин Энгель из транспортного отдела поспорили, кто из них больше достоин преподавать тебе курс истории за среднюю школу. Ты им всем как сын. Не вздумай стыдиться, если тебя кто-то будет этим попрекать. — Дядя Гюнтер погрозил ему пальцем и подмигнул. — Но и не забывай свою настоящую семью! Кто тебя учил кататься на велосипеде?

— Ты.

— А играть на губной гармошке?

— Ты.

— Кто ради тебя организовал на фабрике клуб любителей игры на губной гармонике?

Фридрих засмеялся:

— Не беспокойся, дядя, я помню!

Он смотрел, как дядя развешивает инструменты над соседним столом, встав на ящик, чтобы дотянуться. Дядя Гюнтер был ниже отца ростом и намного круглее.

— Ты придешь к нам сегодня пить чай?

Дядя Гюнтер изогнул бровь:

— Чтобы я пропустил штрудель, испеченный Элизабет? Как ты думаешь, почему мои пальцы стали толстыми, словно сардельки?

Фридрих, улыбаясь, приступил к работе. Ему было поручено осматривать готовые губные гармоники — нет ли каких-нибудь повреждений. Если все было в порядке, он протирал гармонику тряпочкой и укладывал в узкую картонную коробочку с крышкой.

Он взял в руки очередную гармонику. Такой простой инструмент, а сколько у него возможностей! Фридрих рассматривал блестящие металлические крышки — верхнюю и нижнюю, и корпус из грушевого дерева, выкрашенный в черный цвет. Провел пальцем по несимметрично расположенным дырочкам. Какое удивительное путешествие — от грушевого дерева до лесопилки, потом в цех, чтобы превратиться в нечто, способное творить музыку.

Каждые два-три часа приходил служащий и забирал у Фридриха гармоники. Их упаковывали в коробки побольше, по дюжине штук. Эти коробки складывали в коробки еще больше, те — в ящики, а ящики увозили на телеге на станцию и там грузили в электричку. Из электрички перекладывали в другой поезд, который тянул, пыхтя, паровоз. Поезд шел в портовый город Бремерхафен, где стояло у причала грузовое судно. Корабль отвезет губные гармоники серии «Марин Бенд» ^[8] в Соединенные Штаты Америки.

Фридрих протер до блеска гармонику и уложил в коробочку, прошептав пожелание:

— *Gute Reise!* Счастливого пути!

Подошел начальник цеха Эрнст — он был к тому же одним из владельцев фабрики. Руки он держал в карманах длинного белого халата, который всегда надевал в цеху поверх костюма.

— Вот это меня постоянно восхищает в семье Шмидт! Вы к каждой губной гармошке относитесь как к другу.

— Доброе утро, господин Эрнст, — сказал Фридрих.

— Фридрих, мы все надеемся, что тебе будет удобно работать. — Он кивнул на дядю Гюнтера. — Твой дядя — один из наших лучших мастеров. Мы решили, пусть возьмет тебя под крыло, раз Мартин ушел на пенсию.

— Спасибо, — ответил Фридрих и взял следующую гармонику.

— Надолго ли еще... — Эрнст взглядом указал на инструмент.

— Надолго?

— Звездочка — похожа на звезду Давида. С тех пор как Гитлер стал канцлером, антиеврейские настроения все усиливаются. Уже поговаривают, что звезду с гармоник нужно убрать. Будет жаль.

Фридрих повернул губную гармошку, чтобы рассмотреть эмблему компании — две руки, обнимающие круг, а в круге — шестиконечная звезда.

Он слышал разные теории об этой звезде: что шесть лучиков символизируют первого владельца фабрики, Матиаса Хонера, и его пятерых сыновей; что звезда — копия той, что вырезана на церковных

вратах; что это старинный знак одной из купленных за долгие годы Хонером компаний — производителей губных гармоник вроде Месснера и Вайсса. Может, кто-нибудь из них был евреем? И это в самом деле звезда Давида?

Эрнст вздохнул:

— Но для фирмы, наверное, будет лучше, если мы ее уберем. Обижать клиентов рискованно. У всех нынче есть определенное мнение о евреях. Дела и так идут ни шатко ни валко...

Дядя Гюнтер нахмурился:

— Видно, звезда станет очередной жертвой политики, как и многое другое.

Эрнст покраснел.

Дядя Гюнтер тронул его за локоть:

— Поймите меня правильно! Многие вам благодарны от души. Работа всем нужна.

— Спасибо. — Эрнст вежливо улыбнулся. — Что ж, продолжайте работать, Гюнтер, Фридрих...

Когда он ушел, Фридрих спросил:

— Кто-то мог потерять работу?

Дядя Гюнтер наклонился к его уху и зашептал:

— К Эрнсту приходил гитлеровский сотрудник. Его заставили официально вступить в национал-социалистическую партию, иначе фабрику закрыли бы. Сам-то он не нацист, я его много лет знаю.

— А если бы он не согласился, что бы ему было? — спросил Фридрих.

— За открытое выступление против политики Гитлера? Отправили бы в Дахау. Там полно противников Гитлера. Дахау называют «воспитательно-трудовой лагерь», а на самом деле это тюрьма, где людей морят непосильной работой. На воротах надпись: «Труд освобождает», а надо бы: «Труд тебя закопает». Ну, а что бы ты сделал на месте господина Эрнста?

Дядя Гюнтер вернулся за свой рабочий стол, качая головой.

Фридрих тоже снова взялся за работу. А в самом деле, что бы он сделал? Стал бы нацистом, против собственных и отцовских убеждений, чтобы спасти рабочие места тысяч людей? Стал бы он нацистом, чтобы спастись от тюрьмы и, может быть, от смерти? Фридрих никогда раньше не задумывался о таких вещах. Его кольнуло чувство вины от мысли, что он скорее всего поступил бы так же, как господин Эрнст.

Протирая до блеска губные гармоника, он стал обращать внимание на изображенные на них звезды, которых скоро уже не будет.

— И вам тоже счастливого пути, — шептал Фридрих.

— Будешь обедать со мной и с нашими? — спросил дядя Гюнтер, когда прозвучал гудок на обед.

Гюнтер сдернул с себя рабочий фартук и схватил судок с едой.

— Нет, дядя, спасибо! У меня тут есть друзья, я с ними всегда обедаю.

Дядя Гюнтер покачал головой:

— Да, твой отец рассказывал. Ну, иди. Но только если когда-нибудь я смогу с ними познакомиться! А еще лучше пообедать ими.

Фридрих улыбнулся и убежал. Он знал, что дядя просто дразнит его.

Вокруг фабричных корпусов и через обширный луг Фридрих вышел к пруду. На другом берегу виднелся густой лес.

Фридрих пробрался через кусты к своему любимому месту. Сел на поваленное дерево, и к нему из леса, переваливаясь, выбежали три водоплавающие птицы — серощекие поганки. Фридрих стал кидать своим прожорливым друзьям кусочки хлеба.

Пока он ел, поднялся ветер. На солнце напоззли тучи. Поганки пронзительно закричали.

— Дамы, будете моими слушательницами? — спросил Фридрих. — Пожалуйста, ведите себя прилично на концерте!

Птицы не обращали на него внимания. Перекликаясь между собой, они подбирали с земли крошки.

Протяжно зашумели сосны. С дровяного склада неподалеку слышался звонкий стук молотка по металлу.

Кряк, чвивить,

Шух, шух, шух,

Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь, дзинь, дзинь.

В этом ритме Фридриху вдруг послышалась... «Колыбельная» Брамса. Он стал тихонько напевать мелодию, потом взял первый попавшийся пруттик, закрыл глаза и поднял вверх руки. Представил себе оркестр. Правая рука с прутиком отбивала ритм, левая подавала сигналы разным инструментам. Вот она словно хлопнула по столу — вступают струнные, взмах — деревянные духовые, резкий поворот запястья — медные инструменты, тычок указательным пальцем — арфа.

Фридрих открыл глаза и понял, что музыка ему не просто слышится. Кто-то поблизости играл на губной гармошке. Чистые ноты, сложная композиция. Когда Фридрих замедлял движения прутика — замедлялась и музыка. Ускорял — и музыка ускорялась.

Какой-то музыкант следует за его дирижерской палочкой! Только где же он?

Фридрих огляделся — рядом ни души. Он опустил руки, но музыка все еще звучала, неторопливая, звучная, неотвязная. То, чудится, играют на флейте, то на кларнете. В низких нотах он различил виолончель.

Фридрих в жизни своей не слышал такой игры. Он слушал как зачарованный, а его глаза и уши искали источник звука и в конце концов остановились на открытом окне в верхнем этаже склада на той стороне луга. У Фридриха дыхание занялось: кладбище!

Фридрих там никогда не бывал, но слышал всякое. «Туда отправляют машины умирать. В сумерках случаются загадочные вещи. Бывает, человек поднимется туда и не вернется».

Фридрих замер в нерешительности. Но песня так звала, так манила. Что там может быть очень уж страшного? Наверное, слухи врут. Фридрих подошел к порогу, оставил у двери судок с обедом. Не может быть опасным человек, который создает такую музыку!

Фридрих открыл тяжелую дверь и шагнул внутрь. Музыка доносилась откуда-то сверху. Фридрих стал медленно подниматься по темной лестнице.

На верхнем этаже он толкнул дверь и вошел в просторную комнату. С обеих сторон виднелись полукруглые окна от пола до потолка, но сквозь годами копившийся слой грязи пробивались всего несколько тонких лучиков света. Почти вся комната тонула в тени.

Кругом теснились старые машины — неповоротливые конструкции из стали и железа. С потолка свисали десятки колес, а на полу и на столах лежали другие детали давней сложной системы шкивов и блоков. На потолочных балках, словно черные змеи, болтались давно ненужные кожаные ремни.

«Сюда отправляют машины умирать».

Музыка теперь звучала громче, но музыканта по-прежнему не было видно.

Фридрих вдохнул затхлый, пыльный воздух и чихнул.

Музыка смолкла.

— Здравьете? — окликнул Фридрих.

Эхо подхватило:

— ...Асьте... асьте...

У ног Фридриха прошмыгнула мышь.

Вновь зазвучал припев «Колыбельной». Музыка словно потянула Фридриха вперед. Слезы навернулись на глаза. Кто это играет так страстно и красиво?

Фридрих пробирался между искореженными остовами машин. Большой станок, накрытый замызганной клеенкой, мешал заглянуть в угол. Фридрих обошел его.

Музыка снова прервалась.

Фридрих крикнул:

— Покажитесь, пожалуйста!

И вновь услышал «Колыбельную».

Он всмотрелся в темный угол, откуда, ему казалось, звучала музыка.

Там никого не было.

Фридрих подошел к окну, которое видел с луга. Тогда оно было открыто, а сейчас — закрыто. Стекло грязное и мутное, как и в соседних окнах. По углам паутина. Пыль на полу лежит сплошным ковром, никем не потревоженная. Сюда уже давно никто не заходил.

«В сумерках случаются загадочные вещи».

Может, он в самом деле видел призрака? Или кто-то над ним подшутил?

Фридрих окинул взглядом огромное помещение. Выход из него только один — там же, где вход. Никто не смог бы проскочить незаметно.

Он снова обернулся к окну. У окна стоял деревянный письменный стол на львиных лапах. Фридрих перегнулся через стол и протер на грязном стекле круглый глазок. Стало видно поваленное дерево, где он обедал, и птиц рядом. Точно, окно то самое. Фридрих подергал задвижку, задел стол, и в столе что-то забренчало.

Фридрих выдвинул верхний ящик. Там лежала коробочка, в какие пакуют губные гармоники. На крышке была надпись:

Марин Бенд
Изготовитель:
М. Хонер
Германия
№ 1896

Фридрих открыл коробку. Внутри оказалась гармоника той модели, которую обычно отправляли в Америку. Дата на коробке обозначала год, когда их начали выпускать, но у этой гармоники наружные крышки

выглядели новыми, а корпус — более старым. Сбоку, на самом краешке, поверх черной краски была выведена красным крошечная буква «В».

На этом инструменте сейчас играли? Но... Как это может быть?

Он точно слышал музыку?

Фридриха пробрала дрожь. Он торопливо шарил взглядом среди теней. Прозвучал фабричный гудок. Фридрих подскочил от неожиданности.

«Случаются загадочные вещи... Бывает, человек поднимется туда и не вернется».

Фридрих поскорее вернул гармонику в коробку, а коробку сунул в нагрудный карман и побежал вниз по лестнице. Чуть не кубарем скатился с последних ступенек и выскочил за дверь.

Согнулся пополам, переводя дух, потом подобрал судок с остатками обеда и бегом помчался в цех.

— Племянник, что случилось? Ты бледный, как привидение! — сказал дядя Гюнтер, когда Фридрих вернулся на свое рабочее место.

— Кажется, я как раз привидение услышал, — ответил Фридрих, повязывая фартук, и рассказал о том, что с ним случилось.

— Наверняка этому есть разумное объяснение, — сказал дядя Гюнтер. — Музыка как вода, везде дорожку найдет. Может быть, звук шел с другого этажа и усилился, отражаясь от стен.

Фридрих в этом сомневался. Музыка показалась ему такой близкой, словно гармоника хотела, чтобы он ее нашел.

— Можно, я ее у себя оставлю?

— Почему бы и нет? Фирма каждый год выдает нам по несколько штук.

Фридрих показал ему красную букву «В».

— Что это, по-твоему?

Дядя Гюнтер присмотрелся внимательнее.

— Похоже на метку мастера. Правда, обычно так делать не принято. На звучание она не повлияет. Инструмент в хорошем состоянии. Крышки у него сменили, так что не поймешь, долго ли он пролежал в ящике. Наверное, принадлежал кому-нибудь из прежних работников. Его нужно почистить и настроить. — Дядя Гюнтер хлопнул племянника по плечу. — Фридрих, мой мальчик! Если наши узнают, что ты ходил один на кладбище, ты станешь героем. Мало кто на такое отважится!

По дороге домой с работы Фридрих вынул из кармана гармонику и поднес к губам.

Он выдул на пробу несколько аккордов. Дядя Гюнтер был прав — гармонику требовалось настроить, но пока Фридриха это не слишком волновало. Он сыграл первые ноты песни «Alle Vögel sind schon da» — «Птички уже прилетели».

У гармоники был насыщенный, словно бы неземной звук — точно такой же Фридрих слышал днем на кладбище машин. Он играл, а воздух вокруг словно вибрировал, наполняясь неведомой силой. Музыка окутала Фридриха, точно плащом, и он почувствовал себя под защитой, как будто ничто не в силах его задеть. Может, это от радости, что скоро приедет Элизабет и семья снова будет в сборе? Или тут что-то другое?

Простая, завораживающая мелодия так его очаровала, что он прошел мимо школы и даже не вспомнил, что нужно бояться. Подходя к дому, он вдруг понял, что за всю дорогу почти не сутулился. Его даже не беспокоило, что соседка, госпожа фон Гербер, которая вечно донимала его сплетнями и советами насчет того, как свести родимое пятно, подметает двор под своими окнами, где в ящиках росла герань.

Он не стал от нее шарахаться, как обычно, а, наоборот, окликнул:

— Здравствуйте, госпожа фон Гербер!

Она даже вздрогнула, так удивилась.

— Добрый вечер, Фридрих...

Он помахал соседке и убрал в карман таинственную гармонику.

На каждом шаге она билась о его грудь, словно стук сердца.

Дома Фридриха встретил чудесный запах жаркого, корицы и яблок.

Улыбаясь, он повесил пальто на вешалку и в предвкушении потер руки.

На стене висели старенькие часы с кукушкой и с гирьками в виде сосновых шишек. Открылась крохотная дверка, окруженная резными деревянными листьями и зверьками. Кукушка высунулась из домика и прокуковала время.

— Жаль, старый друг, ты не сможешь поесть вкусностей вместе с нами! — сказал Фридрих.

— Сюда! — позвали из кухни.

Отец сидел за столом, а Элизабет, стоя у плиты, помешивала тушеное мясо деревянной ложкой. Поверх серой юбки с белой блузкой она повязала передник. Фридрих окинул взглядом тесную кухню: буфет орехового дерева с маминой коллекцией расписанных вручную тарелок; ряд жестяных коробок для круп и специй, выставленных по росту; окно с зелеными ставнями и Элизабет — наконец-то дома!

Он подбежал к ней сзади, обхватил за талию и поднял.

— Фридрих! Поставь меня сейчас же!

Отец засмеялся.

Фридрих отпустил сестру.

— Лизбет, скучала по мне?

Ей было почти восемнадцать. Выше него, хотя и ненамного. Глаза голубые, точь-в-точь как у отца и у самого Фридриха. Длинные белокурые локоны, ямочки на щеках — она раскраснелась в жарко натопленной кухне. На столе на доске лежал свежесдобитый хлеб. В кастрюльке томились шпецле ^[9]. Сбоку на печке остывал посыпанный сахарной пудрой штрудель.

Фридрих дернул завязку передника. Сестра со смехом увернулась и погрозила ему деревянной ложкой.

— Ты уже попробовала отскрести пациенту родимое пятно сапожной щеткой? — спросил Фридрих.

Элизабет подбоченилась.

— Ты когда-нибудь перестанешь мне это припоминать?

— Я ничего не забываю! Помнишь, мы играли в прятки, и если ты меня находила раньше, чем я добегу в «домик», тебе в награду разрешалось

меня забинтовать с головы до ног, как мумию?

Отец кивнул:

— Ты уже тогда была медсестрой.

В прошлом году Элизабет уехала в Штутгарт, к единственным их родственникам, кроме дяди Гюнтера: маминому двоюродному брату, его сестре и дочери Маргарете — она тоже училась на медсестру. А теперь Элизабет осталось пройти три месяца практики в местной больнице под руководством их семейного врача, доктора Брауна.

— Так хорошо, когда ты дома! — Фридрих козырнул. — Командуй!

Элизабет указала ложкой на стул:

— Сядь рядом с папой, я подам шпецле. Отец, ты первый — расскажи, как прошли последние рабочие дни и первые дни золотого возраста!

Отец стал рассказывать, как его провожали на пенсию, всю последнюю неделю поздравляли и по-доброму поддразнивали, устроили в его честь угощение. Рассказал, что собирается организовать камерный ансамбль.

— Конечно, это будет не так весело, как наши концерты в гостиной. Я надеюсь попозже услышать польку на фортепьяно!

Элизабет скорчила гримасу и обернулась к Фридриху:

— А ты как?

— Отец подал за меня документы в консерваторию.

— В январе он будет выступать перед комиссией. Боится, я же вижу, — сказал отец. — Поговори с ним ты, Элизабет.

— Конечно, обязательно нужно поступать! — сказала Элизабет. — Ты всегда этого хотел. Чего тебе бояться?

Фридрих пожал плечами. Разве не понятно, почему он волнуется?

— В комиссии всего восемь человек, — сказал отец.

Отцу легко говорить. Не он должен стоять перед совершенно посторонними людьми и делать вид, будто у него и с лицом все в порядке, и музыку он исполняет хорошо. А если вдруг его примут, что тогда? Сможет он сидеть в одном классе с незнакомыми студентами? Даже если он вытерпит косые взгляды и шепотки за спиной, для чего все это? Сможет он выступать перед публикой? Разве у него хватит духу дирижировать целым оркестром?! От одной мысли внутри все скручивает.

— Такой талантливый студент — для них большая удача, — сказала Элизабет. — Особенно сейчас необходимо, чтобы истинные граждане Германии развивали свой потенциал и показывали всему миру блестящий пример!

Отец нахмурился:

— Ну, можно и так сказать. Однако...

— А как твоя работа в больнице? — спросил Фридрих.

Ему не хотелось говорить о консерватории, к тому же он чувствовал, что между отцом и Элизабет назревает очередной спор.

— В больнице все идет хорошо. На днях я присутствовала на пластической операции. Маленькому мальчику выправили губу. Потрясающе! Я надеюсь когда-нибудь стать детским хирургом.

Фридрих заметил, что Элизабет почти не притронулась к еде и так сильно комкала салфетку, что смяла ее в шарик.

— Лизбет, что случилось?

Она посмотрела на отца, на Фридриха, отложила салфетку и стиснула руки. Вдохнула поглубже.

— Я должна вам кое-что сказать, пока дядя не пришел. Надеюсь, вы поймете... — Она расправила плечи. — Меня переводят в одну берлинскую больницу. Я не смогу остаться в Троссингене и работать с доктором Брауном.

— Берлин? — В глазах отца светилось разочарование. — Почему? Все же было решено...

— Ну да, — ответила Элизабет. — Я сама всего несколько дней назад узнала. Доктору Брауну уже сообщили.

Фридрих уставился в тарелку. Сердце у него сжалось. Не будет разговоров до поздней ночи, не будет чтения вслух и воскресной игры в пинокль. Он не знал, за кого ему больней — за себя или за отца.

Отец словно осунулся от такой новости:

— Сколько ты сможешь с нами побыть?

— Только эти выходные. В понедельник уеду с первым утренним поездом.

— Так мало... — Отец сморгнул слезы.

— Я понимаю, отец, это неожиданно. Мне и самой жаль, но для моего профессионального роста это будет очень хорошо и в той больнице, и вообще.

— Может быть, можно к кому-то обратиться, попросить, чтобы тебя оставили в Троссингене? — спросил отец.

— Нет. Я... Я сама попросила о переводе.

Несколько секунд слышно было только, как в прихожей тикают часы с кукушкой.

Отец озадаченно сморщился:

— Ты попросила?

— Почему? — спросил Фридрих.

Неужели Элизабет не хотела жить вместе с ними?

— Для меня многое изменилось. В Берлине у меня много дел. Надо было вам рассказать, когда я в прошлый раз приезжала, но как-то к слову не пришлось. Понимаете, после того как я переехала в Штутгарт, мы с Маргаретой... вступили в Союз немецких девушек.

Голова отца дернулась, словно от пощечины:

— Элизабет, ты шутишь!

Фридрих чуть не подавился шпецле.

— Ты — с гитлеровцами?

Кто сидит напротив него за обеденным столом — сестра или какое-то непонятное существо?

— Не надо говорить «гитлеровцы» таким высокомерным тоном! — сказала Элизабет. — А по сути — да, наш Союз — это девичье отделение гитлерюгенда. Мы выступаем за традиционную немецкую музыку, литературу и другие национальные ценности.

— Против чего? — спросил отец.

— Ну... Всего нетрадиционного. Например, к сожалению, губная гармошка не относится к традиционным инструментам, и многие считают, что она оскорбительна для немецкого духа.

— Гармоника? — засмеялся Фридрих.

— Элизабет, мы зарабатываем на жизнь губной гармоникой, — сказал отец. — Благодаря ей ты можешь заниматься в училище медсестер и жить у Маргареты в Штутгарте. Давай не будем принижать музыкальный инструмент, который восходит к древнекитайскому шену.

— Отец, ты же не играешь на губной гармошке!

— Зато я играю. — Фридрих вынул из кармана гармонику, которую нашел на кладбище машин. — У нас клуб любителей игры на губной гармошке.

— Инструмент сам по себе не так важен, — сказала Элизабет. — Дело в том, какую музыку на нем играют. Эта музыка неприемлема.

— Как это? — спросил Фридрих.

— Я имею в виду негритянскую музыку. Джаз. Это упадочное искусство.

— У музыки нет национальности! — сказал отец. — У каждого инструмента — свой голос, и они сливаются в единую мелодию. Музыка — универсальный язык, понятный всем и каждому. Что-то вроде всеобщей религии. Я в нее верю, во всяком случае. Музыка выше любых различий между людьми!

— Отец, не все с этим согласны. А мы должны следовать руководящей линии национал-социалистической партии. Не следует слушать музыку еврейских композиторов и тем более исполнять ее.

— Не говори глупостей! — сказал отец.

В часах чирикнула кукушка.

— Молчи, кукушка, — прошептал Фридрих. — Иначе и тебя высмеют.

— Ничего подобного! — воскликнула Элизабет. — В Шварцвальде часы делают исключительно немецкие мастера. Гитлер призывает гордиться тем, что мы — немцы, а мы должны его поддержать. В конце концов, он наш канцлер!

— Однако наш президент пока еще Гинденбург! — Отец хлопнул ладонью по столу.

— Все говорят, что скоро Гитлер станет президентом. Отец, он — лучшее решение для нашей страны. А национал-социалистическая партия на сегодня — единственная стоящая политическая партия в Германии.

— Ты читала его книгу? — спросил отец.

Элизабет посмотрела прямо на отца стальным взглядом.

— Честно говоря, нет. Излишняя интеллектуальность не одобряется. Гитлер — лидер рабочих, простых людей, истинных немцев. Я очень хорошо знаю, какое будущее он видит для страны, знаю его идеологию...

— Он стремится к чистоте расы, — сказал отец. — Он утверждает, что все, кто не является немцами, — его враги!

Элизабет посмотрела на отца с жалостью:

— Отец, он просто хочет пробудить национальную гордость. Наш Союз — прекрасная организация для здоровых девушек истинно немецкого происхождения.

— И чем же это можно доказать? — спросил отец.

— Записи о крещении в церковных книгах, медицинские карты, брачные свидетельства... Вступить может любая девушка, если докажет, что у нее не больше одной восьмой крови определенных не-немецких национальностей. Не так все страшно, как ты думаешь. Знаешь, есть вещи и похуже, чем быть истинным немцем. — Она обернулась к Фридриху: — Тебе обязательно нужно вступить в гитлерюгенд! Будешь общаться с мальчиками из нашего городка, ровесниками. Они устраивают собрания, митинги, соревнования, занимаются спортом. Это так весело!

Фридрих потрогал свое лицо. Разве Элизабет забыла, как мальчишки-ровесники из их городка над ним издевались? А как насчет планов Гитлера по чистке населения? Может ли Фридрих считаться истинным немцем? Вдруг решат, что он недостаточно чист?

Он тихонько проговорил:

— Вряд ли им понравится мой вид.

— Ах, Фридрих, забудь про свою гордость! Все немцы должны объединиться на благо отечества! Ради счастливого будущего нашей страны и простых людей.

Фридриху вдруг показалось, что Элизабет повторяет слово в слово то

же, что говорил Ансельм. Они что, ходили на одни и те же митинги?

— Фридрих не будет рисковать, — сказал отец.

— Отец, ты упрямишься, это безрассудно! А вот Маргарета меня поддерживает. Она меня понимает и разделяет мои чувства, так же как ее родители.

— Ее родители? — переспросил отец.

Элизабет вздернула подбородок:

— Это они нам посоветовали попробовать сходить на митинг!

Отец нахмурился и как-то весь сгорбился:

— Наши собственные родственники... Вот как, значит, ты проводишь свое время?

— Общественная работа занимает у меня только вечер среды и субботы, — ответила Элизабет. — И благодаря ей меня стали больше уважать и врачи, и медсестры. — Она встала из-за стола. — Отец, мне нравится в Союзе! Мы ходим в походы, устраиваем пикники. Поём! Я постоянно общаюсь с людьми, многим помогаю. Меня ценят за медицинские навыки. Я уже состою в Молодежной медицинской службе. И я твердо решила стать одним из вожаков! Буду подавать пример младшим девочкам.

— Мечты, мечты, — проворчал отец.

Элизабет пропустила его слова мимо ушей.

— Я не смогу часто бывать дома, потому что, будучи потенциальным молодежным лидером, должна все свое время отдавать Союзу немецких девушек. Отец, мне нужно свидетельство о крещении. И ваши с мамой тоже. Или свидетельства о браке. А если каким-нибудь чудом сохранились дедушкины или бабушкины, было бы замечательно! Тогда мне будет гарантировано место в руководстве.

В руководстве? Сестра намерена привлекать других к поддержке Гитлера?

В дверь дома постучали.

— Это, наверное, дядя Гюнтер со своим аккордеоном, — сказала Элизабет. — Может, хоть он за меня порадуется.

И она выбежала из кухни.

Отец встал, бормоча себе под нос:

— Дядя Гюнтер не порадуется. Я пошел спать.

— Штрудель не будешь? — спросил Фридрих. — И, может, немножко музыки?

Отец ответил, выходя за дверь:

— Аппетит пропал.

Скоро в кухню вошел дядя Гюнтер, обнимая Элизабет за плечи:

— Фридрих, наконец-то мы снова все вместе!

Фридрих выдвинул для дяди стул:

— Да, вместе... Только кроме папы. Он просил его извинить. С желудком что-то.

— А, жаль. Ну ничего, мне больше достанется! — сказал дядя Гюнтер, окидывая взглядом стол.

Элизабет подала штрудель и принялась оживленно болтать, будто не замечая отсутствия отца и унылого выражения Фридриха.

Дядя Гюнтер сперва тоже был веселым и добродушно расспрашивал Элизабет о работе. Но, слушая ее рассказы, он становился все молчаливей. В конце концов отложил недоеденное любимое лакомство, сказал, что устал, надел пальто и взял свой аккордеон.

Уже уходя, он посмотрел на Фридриха, и Фридрих не понял, что было в этом взгляде: жалость или страх?

Он боится за Элизабет?

Или за Фридриха с отцом?

На следующее утро, когда Фридрих вышел в гостиную, отец сидел, сутулясь, в кресле. Он как будто съежился, словно из него выпустили весь воздух. На коленях он держал оклеенную тканью шляпную картонку. Вокруг были разложены бумаги и фотографии, крышка от картонки валялась на полу.

— Отец, это что?

— Бумаги, которые просила Элизабет.

— Зачем? Если их ей не дать, она не сможет стать руководителем и, может... Может, опомнится.

— Фридрих, это официальные бумаги. Не получит их от меня — закажет копии через юриста. Я все думаю — она не сама, на нее повлияли... — Отец покачал головой. — Наши собственные родственники!

Он взял в руки несколько документов.

— Тут свидетельство о крещении и брачные свидетельства, как она просила. Наконец-то нашел. Ни разу не заглядывал в эту коробку. Думал, там шляпка. Я не разбираю мамини вещи с тех пор, как она... — Отец опустил глаза и потер лоб. — Наверное, было слишком больно.

— А где Элизабет? — спросил Фридрих.

— Пошла к соседке, фрау фон Гербер. Когда вернется, будет знать о жизни Троссингена больше нас. Сложи все это опять в коробку, хорошо? И отнеси ко мне в комнату. Скоро придет ученик, а мне еще нужно выпить чаю.

Отец ушел в кухню.

Фридрих стал собирать фотографии. Ему попался снимок отца в двенадцать лет. Папа стоял рядом с виолончелью. Фридриха поразило, до чего они с отцом похожи. Он потрогал снимок. Насколько другой была бы его жизнь, если бы он родился без родимого пятна, как отец?

Еще на одном снимке был школьный оркестр. Фридрих отыскал отца в группе струнных — первая виолончель. Но его взгляд задержался на маленьком дирижере с палочкой в руке. Мог бы он быть на этом месте?

Фридрих спрятал фотографии в карман. Потом поставит у себя на тумбочке. Остальные сложил в шляпную картонку и документы туда же. С нижней стороны крышки был приклеен конверт. Фридрих вытащил оттуда листок бумаги, на котором был чернильный отпечаток младенческих ступней, а ниже написано имя: Фридрих Мартин Шмидт. Еще ниже — его,

Фридриха, дата рождения и слова: «Причина смерти — эпилепсия».

Сердце пропустило удар.

Фридрих перечитал снова.

Его имя и его дата рождения. Значит, и следочки его. Но у него нет эпилепсии! И он жив, еще как жив! Почему кто-то написал, что он умер? Руки, держащие листок, тряслись.

Он не слышал, как открылась входная дверь. В комнату вошла Элизабет и принялась разматывать шарф.

— Как обычно, фрау фон Гербер знает все обо всех! Сразу сообщила мне все новости. Она поздравила меня с переводом в Берлин и сказала, доктор Браун очень рад, что кто-то из его пациентов занялся медициной, хоть я и не смогу проходить практику у него. Еще она соскучилась по моему варенью из айвы. Я пообещала, что скоро сварю и пришлю ей.

Элизабет подбоченилась, внимательно глядя на Фридриха.

— Что с тобой? Ты такой бледный.

Он протянул ей листок.

Элизабет прочла, и ее губы приоткрылись, но она не смогла выговорить ни слова. Наконец она сказала:

— Тут какая-то ошибка.

— Это моя дата рождения и мое имя.

— Фридрих, наверняка это можно объяснить. Пойдем!

Фридрих, как во сне, пошел за ней на кухню. Отец, стоя у раковины, набирал воду в чайник.

— Отец! — позвала Элизабет.

И протянула ему бумажку.

Он сперва удивился, а потом словно что-то вспомнил:

— Где ты это нашла?

— Фридрих нашел.

Отец кивнул:

— Так много лет прошло... Я и забыл.

— Почему здесь написано, что я умер? — спросил Фридрих.

Отец перевел взгляд с него на Элизабет.

— Садитесь... Я объясню.

Фридрих и Элизабет сели напротив отца, а он поставил на стол холодный чайник и обхватил его ладонями.

Потом глубоко вздохнул.

— Роды начались ночью. Доктор Браун и медсестра приехали к нам домой. Как только ты появился на свет, у тебя начались судороги. Доктор Браун сказал, что ты не доживешь до утра. Медсестра перед уходом сделала отпечатки твоих пяточек, маме на память — хоть какое-то утешение. А ты взял и дожил до утра. И следующий день пережил, и следующий. А мама... начала угасать несколько месяцев спустя.

У отца на глазах блестели слезы.

— Почему ты никогда не рассказывал? — спросил Фридрих. — Про эпилепсию?

— Мама, когда уже лежала в больнице, взяла с меня слово, что никому не расскажу. С каждой неделей твое родимое пятно становилось заметней, а вместе с ним росли сплетни и суеверные слухи. Фрау фон Гербер уверяла, что мама, когда была беременной, пролила себе на живот красное вино, оттого и метка осталась. Продавец в булочной говорил, что незадолго до твоего рождения мама сильно испугалась, и пятно появилось из-за этого.

— Я помню, — сказала Элизабет. — А цыганка на улице считала, что это знак родовой тайны — нечто в истории нашей семьи, о чем никто не знает.

— Все это чушь! — сказал отец. — Ваша мама не пила вина и никогда ничего не боялась. И не было в истории ее семьи никаких зловещих тайн. Хотя за тебя, Фридрих, она беспокоилась. У ее тетушки было похожее родимое пятно, так что мама знала, что жить с этим тяжело. Добавить сюда еще и такое клеймо, как эпилепсия, было бы уже слишком.

Фридрих растерянно оглянулся на Элизабет.

— Клеймо?

— Снова бабьи сказки! — ответила сестра. — Кое-кто считает, будто эпилептики безумны или одержимы бесами. Невежественные выдумки, только и всего!

— Теперь ты понимаешь, почему мама просила нас с доктором Брауном никому не рассказывать о твоих судорогах. Мы пообещали. Честно говоря, я о них совсем забыл. После года судороги у тебя совершенно прекратились.

Фридрих однажды видел эпилептический припадок, еще в детском саду. Он стоял у мольберта и рисовал, и вдруг мальчик за соседним мольбертом упал на пол. Кисточка выпала у него из руки и отлетела в дальний угол. Он издавал жуткие звуки, как будто давился, все его тело дергалось и корчилось. Он выл, словно зверь, и в ту минуту действительно казалось, будто в него вселились бесы. Но все закончилось так же быстро, как началось. Воспитательница вывела детей из комнаты, а когда они вернулись, того мальчика уже не было. Фридрих больше его не видел.

Что, если с ним случится припадок в самый неподходящий момент? Например, во время прослушивания? Примут его тогда в консерваторию? Может, он и правда сумасшедший? Фридрих потер виски.

Отец протянул ему чайник:

— Нам всем сейчас не помешает выпить чаю.

Фридрих поставил чайник на плиту и зажег под ним огонь.

Элизабет нахмурилась:

— Вероятно, судороги были из-за высокой температуры. Но в любом случае доктор Браун наверняка все записал в медицинскую карту. Так полагается.

Она встала и принялась ходить по комнате, сосредоточенно хмурясь.

Отец покачал головой:

— Какая разница? Доктор Браун пообещал никому не рассказывать и сдержал слово.

— Это неважно, отец! Запись все равно осталась. Как ты не понимаешь? — воскликнула Элизабет. — У Фридриха есть изъясн — родимое пятно, и оказывается, это наследственное. Ты сам сказал: у мамы была тетушка с такой же отметиной. А теперь еще и запись об эпилептических припадках, а эпилепсия тоже считается наследственным заболеванием. В новом законе об этом четко сказано.

— В каком новом законе? — спросил Фридрих.

Элизабет посмотрела на отца:

— Ты ему не говорил? Отец, я же несколько месяцев назад тебе об этом писала!

Чайник закипел и начал плеваться.

— Я прочел. Он не подпадает под действие, — сказал отец.

— Он всегда подпадал, уже с одним только родимым пятном! — возразила Элизабет. — А теперь еще и эпилепсия — подпадает безусловно. У нас в больнице подробно разъясняли закон и...

Фридрих стукнул по столу:

— Хватит говорить обо мне, как будто меня здесь нет! Я уже не

грудной младенец. Какой закон? О чем?

Элизабет скрестила руки на груди:

— Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями. Его приняли в июле. До января врачи обязаны сообщить о пациентах с физическими пороками развития или с наследственными заболеваниями. Таким людям будут делать специальную операцию, чтобы у них не могли родиться дети и, таким образом, они не передали потомству свои недуги.

Фридрих посмотрел на отца:

— Операция?

— Тебе не будут делать эту операцию! — отрезал отец.

Элизабет посмотрела на отца как на ребенка:

— Его никто не спросит. Врачам приказано сообщать обо всех пациентах с физическими недостатками, алкоголизмом, психическими заболеваниями, слепотой, глухотой, эпилепсией... Составлен целый список нарушений.

— Фридрих не преступник!

— Передать по наследству свою болезнь — преступление против будущих граждан Германии, — сказала Элизабет. — Потому закон и принят, чтобы подобное не повторялось.

У Фридриха было какое-то странное ощущение в животе — то же самое он чувствовал, когда на школьном дворе кто-нибудь собирался его ударить. В голове роились вопросы. Его лицо — преступление? Разве он — это всего только родимое пятно и болезнь, которая давно прошла? Что с ним сделают, если нацисты решат, что он — урод?

— И ты одобряешь этот новый закон? — спросил отец.

— Я его понимаю, — ответила Элизабет. — Доктор Браун обязан будет сообщить о Фридрихе. И обо мне тоже, поскольку и родимое пятно, и эпилепсия присутствуют в моей семье. Я добровольно пойду на операцию. Это самое меньшее, что я могу сделать для своей страны. И меня за это будут уважать. Фридрих должен поступить так же.

Фридрих уставился на Элизабет. Неужели она правда намерена посредством операции доказать свой патриотизм? И от него того же хочет?

Отец весь покраснел и начал задыхаться. Ему даже говорить было трудно:

— Уже сейчас многие высказывают сомнения по поводу того, каков будет уровень смертности при таких операциях. А может, гитлеровцы просто убьют всех, кого считают нежелательными элементами, ради так называемой чистоты расы?

У Фридриха кровь отхлынула от лица.

— Отец?...

— Не волнуйся, сынок. Я сам пойду и поговорю с доктором Брауном.

— Отличная мысль. — Элизабет ухватилась за спинку стула. — И я попрошу тебя, отец, если уж ты при мне говоришь о Гитлере, говори уважительно. Мне необходимо верить, что ты и сам не против вступить в партию. В этом случае, когда вышестоящие товарищи меня спросят о семье — а спросят обязательно, — я смогу честно ответить, что не имею причин подозревать тебя в оппозиционных настроениях. Если я буду вынуждена признать, что ты не сторонник национал-социалистической партии, это может плохо кончиться.

— Что? — Фридрих не верил своим ушам. — Ты донесешь на родного отца?

Элизабет вздернула подбородок:

— Партия вознаграждает за стойкость и честность. Если бы в моей семье были несогласные и я о них умолчала в ответ на прямой вопрос, это сильно повлияло бы на мое положение в Союзе, а как следствие и на мою работу в больнице. Я лишилась бы возможности работать по профессии. Для меня это был бы конец.

— Для тебя? — повторил Фридрих. — А отец как же? Противников Гитлера сажают в тюрьму, и они там умирают от непосильной работы. А я? Меня могут убить на операционном столе за то, что у меня есть изъян.

В горле у него стояла горечь.

— Фридрих, молчи! — строго сказал отец.

Что такое? Отец сошел с ума?

Отец вцепился обеими руками себе в волосы. Потом выпрямился, расправил плечи, пристально посмотрел на Элизабет, а вслед за тем — в глаза Фридриху:

— Фридрих, слушай меня внимательно. Элизабет права. Мы — законопослушные немцы.

— Но...

— Ни слова не желаю слышать в этом доме против Гитлера и нацистов, — твердо сказал отец.

Фридрих так и ахнул:

— Отец, ты же не можешь с ними соглашаться...

Голос отца задрожал от гнева:

— Ни! Слова! Больше! Понятно?

Никогда в жизни отец так не кричал на Фридриха.

Он ответил шепотом:

— Да.

Отец взял со стола пачку бумаг и снова шлепнул их на стол перед Элизабет.

— Здесь все, что тебе нужно: твое свидетельство о крещении, наши с мамой брачные свидетельства, свидетельства бабушек и дедушек. Можешь быть спокойна, ты стопроцентная немка. А сейчас мне надо готовиться к уроку, скоро придет ученик.

Отец быстрыми шагами вышел из кухни.

Элизабет собрала документы и тоже ушла, напевая себе под нос.

Фридрих еще долго смотрел ей вслед.

Пронзительно взвизгнул закипающий чайник.

Фридрих поднялся к себе в комнату, не представляя, как справиться с тем, что сейчас произошло.

Нужно было успокоиться и привести мысли в порядок. Фридрих расстелил на письменном столе посудное полотенце и разложил на нем инструменты, чтобы почистить губную гармонику. Крошечной отверткой он отвинтил винты, которыми крепились верхняя и нижняя крышки.

Снизу доносились привычные звуки виолончели: отец начал урок. Вскоре зазвучала прелюдия из Сюиты для виолончели № 1 Баха. Фридрих поднял голову, прислушиваясь к арпеджио.

В рваных аккордах ему чудились отголоски спора между отцом и Элизабет. В чередовании нот — то вниз, то вверх — они словно вновь перекидывались репликами. Постепенно напряжение в музыке росло, будто не высказанная словами тревога. Последняя печальная нота повисла в воздухе, так и не найдя разрешения.

Фридрих склонился над гармоникой. Осмотрел корпус из грушевого дерева и платы с язычками. Обмакнул тряпочку в спирт и протер все детали гармоники. Мягкой кисточкой прочистил гребенку. Подождал, пока платы просохнут, и снова привинтил их к корпусу. Подул в отверстия, пройдясь по всей гамме.

Повторил гамму еще раз, отнял гармонику от губ и уставился на нее.

— Третья и восьмая ноты, — сказала Элизабет, остановившись на пороге.

— Точно, — согласился Фридрих. — Звучат на полтона ниже. А у тебя, как раньше, хороший слух.

— Не зря отец годами заставлял меня упражняться на пианино. Можно войти?

Фридрих пожал плечами.

Сестра присела на его кровать и окинула взглядом комнату:

— Ничего не изменилось.

Фридрих тоже осмотрелся. Элизабет права. На постели — то же лоскутное одеяло, что было у него в детстве. На комодке — стопки нот. На письменном столе — папина с мамой свадебная фотография в рамке.

— Мне нравится.

— Ну еще бы. Ты никогда не любил перемен, — сказала она ласково.

Неужели надеется сделать вид, будто ничего не случилось?

Снизу доносился голос отца, что-то объясняющего ученику. Потом снова послышалась прелюдия. Фридрих взял крохотный инструмент с острым лезвием и чуть-чуть поскреб медные язычки. Подул, поскреб еще немного. Убедившись, что гармоника настроена верно, Фридрих привинтил крышки и еще раз пробежался по октаве.

Элизабет наклонила голову к плечу:

— Звучит как-то по-другому, не как другие губные гармошки.

Фридрих был с ней согласен. У гармоники был теплый, нежный звук.

— Жаль, она неприемлема. Совсем как я.

Элизабет мигом посуровела:

— Почему ты не хочешь понять? Я верю в Гитлера и в его идеи! Он — наш добрый отец, он хочет вывести страну из мрака нищеты и размытых национальных ценностей к величию и благосостоянию.

Она вновь как будто читала вслух по тому же сценарию, что и Ансельм.

— Я хочу все свои силы и старания посвятить Союзу немецких девушек! Они меня ценят. За навыки медсестры, за моральный облик и примерное поведение. Для них... Для них я что-то значу!

— Ты и для нас очень много значишь. И ты не обязана все повторять за ними. Раньше у тебя обо всем было собственное мнение.

— А теперь у меня такое мнение! Вдобавок девушки из Союза мне как сестры. У меня никогда не было сестер. Мы — одна семья.

— У тебя уже есть семья!

— Там другое. Масштабнее. Мне нравится быть частью большого сообщества. — Элизабет рассматривала лоскутное одеяло на кровати, словно ничего интереснее в жизни не видела. — Фридрих, ты не задумывался о том, каким было мое детство?

— Таким же, как у меня, — ответил Фридрих.

— Не совсем. Когда мама умерла, мне было всего шесть. Мы с ней были очень близки, и когда ее не стало, я совсем потерялась. Отец ушел из оркестра и начал работать на фабрике. К тебе днем приходила няня, а вечером тобой занимались мы с папой. Когда ты подрос, я провожала тебя в школу и забирала после уроков. Я вела дом, готовила и убирала. Выполняла все материнские обязанности. Но я была не мама, а просто маленькая девочка! По выходным отец давал уроки, так что присматривать за тобой опять приходилось мне. Было некогда ходить в гости, играть, я не могла задерживаться в школе после занятий. Да меня никто и не приглашал. Знаешь, каково быть сестрой...

Элизабет прикусила губу.

— Урода? — спросил Фридрих.

— Прости, я не хотела тебя задеть.

Фридрих начал задыхаться от обиды и злости.

Он спросил сдавленно:

— Если не хотела, зачем сказала? Такая у тебя, значит, «стойкость и честность»? Здесь тебя за это не наградят. Элизабет, что с тобой? Разве ты не видишь, ты и отца обидела, и меня. Ты как будто совсем чужой человек!

Она встала и отошла к окну, глядя куда-то вдаль.

Потом обернулась к Фридриху:

— Да, я стала другим человеком, и у меня теперь другая жизнь. Это так плохо?

Фридрих не ответил.

Элизабет вздохнула:

— Сегодня после обеда у нас в Союзе мероприятие, хочешь пойти со мной? Мы будем помогать одному фермеру с посевом, он живет недалеко отсюда. Видишь, Фридрих, мы делаем добрые дела ради отечества!

Фридрих ошарашенно посмотрел на нее и помотал головой.

Элизабет ушла, закрыв за собой дверь.

Фридрих взял в руки гармонику и стал играть. Он хотел повторить мелодию Баха, которую исполнял отцовский ученик. Необычный инструмент звучал так, словно чувствовал его боль — внезапное страшное открытие, разочарование и бесконечная грусть. И в то же время изысканный напев как будто окутывал Фридриха теплой пеленой.

Он в самом деле не задумывался о том, каким было детство Элизабет.

Пятно у него на лице омрачило и ее жизнь.

Как же он ничего не замечал?

Фридрих отнял от губ гармонику и подошел к зеркалу над комодом. Уставился на пятно во всю щеку, и внутри полыхнула ярость.

Размахнувшись, Фридрих швырнул гармонику через всю комнату и одним движением смахнул с комода стопки нот. Листы разлетелись по всей комнате.

Почему он родился таким?

В воскресенье дом притих, словно затаился. Слышно было только тиканье часов да время от времени голос кукушки.

Дядя Гюнтер вежливо извинился и под каким-то предлогом не пришел. Отец читал в гостиной. Фридрих засел у себя в комнате.

Элизабет старательно преображалась. Она сменила отличного покроя платье на старомодную пышную юбку-дирндль с крестьянской блузой, а волосы заплела в две длинные толстые косы. Даже комната у нее переменилась. Кровать по-прежнему была застелена вязаным одеялом, которое сделала еще мама, но на месте картины с цветущим лугом, что всегда висела над кроватью, появился плакат, изображающий ангельского вида юношу и девушку в форме. Они смотрели вверх. Свастика озаряла сиянием их золотые волосы и безупречные лица.

Вечером Элизабет сделала Фридриху с отцом на обед их любимое рагу с колбасками. За столом не спорили и вообще не говорили о политике. Отец и Элизабет вели сдержанную любезную беседу. Фридриху сестра не сказала ни слова, как и он ей. Элизабет была задумчива, отец едва прикоснулся к еде. Фридриху тоже кусок не лез в горло. Он отодвинул почти не тронутую тарелку и ушел к себе.

Позже, когда все легли спать, Фридрих услышал, как отец прошел по коридору и тихонько отворил дверь в комнату Элизабет. Через минуту он приоткрыл дверь Фридриха, а потом вернулся в свою комнату.

Щелкнул выключатель, скрипнул стул, который двигали по дощатому полу, потом Фридрих услышал, как смычок коснулся струн виолончели. Сердце у него заныло. Отец играл «Колыбельную» Брамса.

Когда они с Элизабет, маленькие, не могли уснуть, то прибегали к папе в комнату и просили сыграть им на ночь. Отец сперва делал вид, что слишком устал, но они бросались его целовать в обе щеки, и он в конце концов соглашался. Отец говорил им, чтобы они шли к себе и попрощались с дневными бедами, потому что те сейчас улетят прочь на крыльях музыки.

— Прощайте! Прощайте! — пищали Фридрих и Элизабет, забираясь в кровати, а двери оставляли открытыми, чтобы лучше слышать музыку.

Сегодня Фридриху страшно хотелось, чтобы тяжесть, давящая на сердце, в самом деле могла улететь.

Мелодия вернула его в то время, когда Элизабет всегда была рядом и шептала ему на ухо: «Никого не слушай! Они все чужие, а мы тебе всегда

скажем правду».

А сама она все эти годы говорила правду?

Отец повторил «Колыбельную» трижды, с каждым разом все тише и печальней.

Фридрих натянул одеяло на голову.

Любила его сестра все эти годы так же сильно, как он ее любил?

Завершающая музыкальная фраза словно оплакивала распад семьи.

Финальная нота долго дрожала в воздухе.

У Фридриха глаза наполнились слезами.

И он заплакал.

Элизабет уехала рано утром, ни с кем не прощаясь.

Фридрих спал, но все-таки она могла бы окликнуть его, или оставить записку, или что-нибудь передать через отца. Неужели она вот так, без единого слова, совсем исчезла из их жизни?

— Она не вернется, да? — спросил Фридрих после обеда, когда принес в гостиную виолончель для еженедельного урока.

— Не вернется, сынок. А если вернется, то не скоро. Может быть, когда-нибудь... Боюсь, это я виноват. Она очень сильная, и потому я слишком многого от нее требовал. Слишком погряз в своем горе и не подумал о том, что необходимо ей самой. Все надеялся — вот выйду на пенсию и смогу проводить с ней больше времени. Как видно, опоздал. Ее целиком захватил этот... фанатичный идеализм.

Фридрих подтянул волос смычка и натер канифолью.

— Ты вроде не хотел ни слова слышать против Гитлера в этом доме.

— Фридрих, ты же и сам понимаешь, я сказал это только ради Элизабет. Пусть она думает, что мы его сторонники, так будет безопасней для всех нас. Я все что угодно сделаю, чтобы защитить вас с Элизабет. Даже в нацистскую партию вступлю, если понадобится. Не хочется признавать, но в одном она права: если мы не согласны с Гитлером, об этом нужно помалкивать. Понимаешь? Смотри и слушай, вот наш принцип. Не доверяй никому. Будь особенно осторожен с соседями и на работе. Конечно, к твоему дяде это не относится.

Фридрих покачал головой:

— Отец, это не меня надо учить...

Отец остановил его взмахом руки:

— Знаю, знаю. Я слишком болтлив и легко прихожу в волнение. Но я клянусь держать свои мысли при себе и следить за языком. Пришло время быть настороже, но это не значит, что нужно совсем отключить мозг.

Фридрих показал на вазочку с анисовыми леденцами.

— И ты по-прежнему покупаешь конфеты в еврейском магазине?

Отец вздохнул:

— Да, Фридрих. Больше нигде не бывает моих любимых леденцов. К тому же магазин держит семья одного моего ученика. Сегодня штурмовики намалевали на дверях желтую звезду и повесили табличку: «Евреи — беда Германии». Я видел, трое покупателей подошли, прочли и повернули

обратно. Неправильно это.

— Ты же сам сейчас говорил...

— Я говорил, что надо держать свое мнение при себе. Я и держу. Я слова не сказал, пока был в магазине. Просто купил кое-какие необходимые продукты. За это не сажают. По крайней мере, пока.

Отец подошел к пианино и нажал клавишу «ля».

Фридрих взял ноту «ля» на виолончели, подкрутил колки. Перед тем как приступить к упражнению, он посмотрел на отца.

— Почему ты так заботаешься о евреях? Разве не безопасней для нас было бы поддержать бойкот?

Отец положил ему руку на плечо.

— Фридрих, я забочусь не только о евреях. Я и о тебе забочусь. Все несправедливости, которые совершаются по отношению к евреям, нацисты повторяют и по отношению к тебе, и ко всем, кого посчитают нежелательными элементами. Это... Это бессовестно!

— А мне... Мне придется сделать ту операцию? — спросил Фридрих.

— Я уже записался на прием к доктору Брауну. Через две недели, в пятницу, мы с ним побеседуем. Ради нашей безопасности давай договоримся: с этого дня... — Отец сделал такой жест, словно застегнул себе рот на «молнию».

И улыбнулся, не разжимая губ.

Фридрих кивнул:

— Обещаю.

Только он сомневался, что отец сумеет сдержать слово.

Через две недели, в пятницу, Фридрих расхаживал взад-вперед у ворот фабрики.

Он махал руками, чтобы согреться на октябрьском холодке, а еще потому, что не находил себе места от тревоги. Сегодня отец собирался разговаривать с доктором Брауном, а потом обещал встретить Фридриха, чтобы пойти домой вместе. Но отец опаздывал.

Из ворот вышел Ансельм и сразу набросился на Фридриха:

— Как удачно! Я как раз хотел с тобой поговорить.

Почему он не может оставить его в покое?

— В следующую среду я иду на собрание гитлерюгенда, — сказал Ансельм. — Я вожатый, и мне зачтется, если я приведу с собой гостя.

— Спасибо, мне это неинтересно. — Фридрих отвел глаза.

— Твоя сестра дружит с моей сестрой, и она просила...

Значит, это Элизабет постаралась?

— Это не мое. — Фридрих сделал пару шагов в сторону.

Ансельм шагнул за ним:

— Фридрих, рано или поздно ты тоже вступишь. А для меня это было бы очень важно, руководство станет больше меня ценить. Приходи! Хоть посмотришь, как тебе понравится.

Фридрих и так знал, как ему понравится. Но промолчал, помня обещание, данное отцу.

— Ну, значит, в другой раз. — Ансельм ткнул Фридриха пальцем в плечо, довольно-таки больно. — Фридрих, я беру на себя обязательство — затащить тебя на собрание!

И он ушел насвистывая.

Фридрих стиснул кулаки. Неужели Ансельм так и не отстанет? А Элизабет? Он же ясно ей сказал, что не хочет вступать! Придется теперь придумывать, под каким предлогом отказать Ансельму на следующей неделе.

От этих мыслей его отвлекли двое студентов, парень и девушка. Они шли навстречу, в руках у них были музыкальные инструменты. Наверняка возвращаются из консерватории после занятий. Когда они проходили мимо, он услышал, как они обсуждали «ту вещь Бетховена». Что за вещь — симфония или концерт? Хотелось крикнуть: «Я тоже знаю Бетховена!» А он только смотрел им вслед. Если в январе его примут в консерваторию,

смогут они подружиться, несмотря на его вид? Или другие студенты будут над ним смеяться? В сотый раз он испытывал одновременно и страх, и отчаянную надежду.

Где же отец? Дожидаясь его, Фридрих вынул из нагрудного кармана гармонику, которую всюду носил с собой, и сыграл отрывок из Девятой симфонии Бетховена — часть четвертую. В сумерках, да еще когда руки прикрывают лицо, он не привлекал к себе внимания. Просто мальчик на улице играет музыку, исполненную радости. Его даже не смущало, когда прохожие оглядывались, потому что они не глазели на пятно, просто улыбались и кивали, словно Фридрих и гармоника говорили им что-то на всем понятном языке.

Наверное, то же самое происходит, и когда выступают другие? Тут важна музыка, а внешность исполнителя не имеет большого значения? Может, если Фридрих станет по-настоящему хорошим музыкантом, люди не будут обращать внимание на его лицо? И судьи в консерватории тоже? А когда-нибудь, может быть, и слушатели на концерте?

Выразительные звуки гармоники словно добавляли в его мысли света — как будто он смотрел на мир через чистое стекло. Надежда разгоралась в нем крохотной искоркой. Когда мелодия закончилась, Фридрих опустил руку с гармоникой. На душе были тишина и покой.

Какой-то человек дал ему монетку. Сказал:

— Необыкновенно! — и пошел себе дальше.

Фридрих засмеялся. Он же не для денег играл!

— Фридрих!

Он обернулся, увидел приближающегося отца, и радость его поблекла. Еще издали было видно, что отец расстроен.

— Прости, я опоздал, — сказал отец, подойдя ближе. — Разговор с доктором Брауном затянулся.

У Фридриха перехватило горло:

— Что он сказал?

Отец глубоко вздохнул:

— Мы долго беседовали. К сожалению, у него связаны руки. В январе он обязан доложить, что записано в твоей медицинской карте. Но окончательное решение принимает не он, а некий Суд по наследственному здоровью населения. Они рассматривают каждый случай отдельно. Доктор Браун говорит, что твое родимое пятно и эпилепсия подпадают под условия, оговоренные в законе.

— Отец... Это значит?..

Отец провел рукой по волосам:

— Я сказал ему о своих опасениях по поводу операции. И о твоём блестящем будущем, если тебя примут в консерваторию. Доктор Браун знает тебя с самого рождения, знает и о твоём таланте. Он говорит, если тебя примут, можно попросить, чтобы от консерватории направили письмо с просьбой освободить тебя от операции. Как я понял, нацисты делают исключение для «истинных немцев, глубоко преданных Германии и обладающих выдающимися способностями». Возможно, музыкальный талант тебя спасет.

Фридрих ухватился за руку отца, так же как мысленно он ухватился за возможность спастись благодаря музыке. Они медленно двинулись к дому.

— А если я не поступлю, придется идти на операцию?

Отец кивнул:

— Могут даже и силой заставить. Но тогда, сынок, я сам пойду к начальству!

Что будет, если отец устроит скандал у начальства? Фридрих покачал головой:

— У тебя не получится стукнуть по столу, как в школе, когда я был маленький. Это же закон. Людей сажают, даже если они только высказывались против правительства. — Фридрих старался говорить как можно тише. — Отец, если меня не примут, обещаю, что ты не будешь...

— Фридрих, я не мог бы стоять в стороне и спокойно допустить такое! — Голос отца звучал напряженно. — Ты — добрый, ответственный, талантливый, и... и... И вдруг вот это... Этот закон! Почему люди не могут смотреть глубже внешности? Как я смогу жить, если... — Лицо отца скривилось. — Я что-нибудь придумаю...

Фридрих обнял отца, притворяясь спокойным.

— Ты можешь меня учить. Помочь с подготовкой к экзамену. Давай сегодня посмотрим ноты, начнем выбирать произведение для прослушивания. Хорошо?

Отец кивнул:

— Но этого недостаточно... Должно быть еще что-нибудь...

Он умолк, не закончив фразу.

Всю жизнь отец защищал Фридриха, открывал для него новые возможности. Но сейчас надвигалось что-то огромное, неподвластное его силам, и решимость отца дрогнула.

Фридриха охватил незнакомый прежде страх.

Он падает.

Если отец не сможет его подхватить, сможет ли он удержаться сам?

— Не то... Не то... Не то...

Вот уже две недели Фридрих каждый вечер садился за кухонный стол и перебирал ноты. Он искал, что можно было бы исполнить на прослушивании.

Обычно отец ему помогал, но сейчас он сидел напротив и писал очередное письмо Элизабет.

Фридрих похлопал по нотной тетради на самом верху стопки.

— Может, это? Гайдн, Концерт номер два?

Отец поднял глаза от письма и кивнул:

— Он достаточно сложный. Отложи к другим, которые мы отобрали. И помни, что я всегда говорю тебе и всем своим ученикам: какую бы музыку ты ни выбрал, играй так, чтобы слушатели невольно слушали сердцем.

Фридрих переложил ноты на маленькую стопку и отодвинул стул от стола. Ему был необходим перерыв. Он достал гармонику и заиграл «Колыбельную» Брамса.

Когда он закончил, отец восхищенно посмотрел на него:

— Как раз об этом я и говорил, сынок! Это... словно сияние! Я чувствовал твою игру вот здесь! — Отец прижал руку к сердцу. — А что за гармоника! Необыкновенное звучание. Словно ты играешь на трех инструментах сразу.

Фридрих ответил удивленно:

— И правда. Я тоже это слышу. Каждый раз, когда играю, как будто что-то отзывается у меня внутри.

Отец кивнул:

— Бывают такие инструменты, что не поддаются объяснению. Быть может, эта гармоника — как скрипка Страдивари.

Фридрих задумчиво посмотрел на свою гармонику:

— Если бы ее так же высоко ценили... Жаль, я не смогу выступить с ней на прослушивании.

Отец хмыкнул:

— При нынешнем отношении к губным гармоникам я могу представить, какой поднимется переполох в консерватории!

Отец вложил письмо в конверт, надписал адрес и протянул конверт Фридриху.

— Занесешь завтра на почту по дороге на работу?

Фридрих взял конверт и положил на край стола:

— Она уже месяц как уехала. Почему ты до сих пор ей пишешь каждую неделю, она ведь не отвечает? Разве не ясно, что она сделала свой выбор?

— Я понимаю, ты на нее сердишься. Но я ее отец. Я пишу ей, потому что люблю ее и не хочу, чтобы она забыла мой голос.

Фридрих кивнул на конверт:

— Ты ей рассказал, что наш постоянный зубной врач прекратил работу, потому что еще один новый закон запрещает евреям заниматься медициной? Спросил, приходит ли она к кострам, когда в Берлине жгут книги, в которых не прославляют идеалы Гитлера? Или о тех немцах, что бегут из страны, потому что не согласны с Гитлером?

Отец серьезно посмотрел на него:

— Осторожней, Фридрих! Ты слишком резок. Боюсь, ты становишься слишком похожим на меня. А в ответ на твой вопрос: нет, я никогда не упоминаю о политике в письмах к Элизабет. Я пишу ей о вас обоих, вспоминаю случаи из вашего детства. Говорю, как я горжусь ее успехами в учебе. Рассказываю, что мы ели на обед. Понимаешь? Я не отказываюсь от надежды, что когда-нибудь она снова станет моей дочерью и твоей сестрой. Точно так же, как я ни за что не отказался бы от тебя. Я теперь так мало могу для нее сделать. Только дать знать, что я по-прежнему ее люблю. И предоставить ей жить по-своему. Подумай — может, и тебе сделать то же самое?

Фридрих нахмурился, скрестив руки на груди.

— Я знаю, сейчас тебе трудно понять, — сказал отец. — Но когда-нибудь... Если меня и дяди Гюнтера не будет рядом, она тебе может понадобиться. Возможно, вы оба будете нужны друг другу.

О чем это он?

— Я в ней не нуждаюсь, отец, если только она не переменится.

— Сынок... Возможно, придет время...

— Отец, замолчи! — Фридрих смахнул письмо со стола на пол и выскочил из кухни, крикнув через плечо: — Вы с дядей Гюнтером никуда не исчезнете!

В следующий четверг, когда Фридрих пришел домой с работы, он увидел, что мебель в гостиной сдвинута к стенам, а посреди комнаты полукругом стоят четыре стула из кухни и перед ними — пюпитры для нот.

На маленьком столике были приготовлены чайные чашки, песочное печенье и вазочка с анисовыми леденцами.

— Отец, это что?

Отец хлопнул в ладоши:

— Фридрих, у нас радость! Я спросил одного-двух друзей, не хотят ли они навестить меня сегодня вечером, устроить импровизированный камерный концерт, и они согласились. Я купил кое-что к столу, для уюта. У нас есть скрипач и альтист. Я могу выступить за вторую скрипку, хотя давно не практиковался. Порадуй старика, сыграй разочек на виолончели?

Фридрих снял вязаную шапку и пальто, размотал шарф.

— Отец, я не знаю...

— Придут Рудольф и Йозеф, ты их обоих знаешь. Их можно не стесняться.

Рудольф часто бывал у них дома — его дочка брала у отца Фридриха уроки виолончели. А Йозеф — старинный друг отца, они вместе играли в Берлинском филармоническом оркестре. Сейчас он преподает музыку в университете в Штутгарте. Йозеф, когда приходил в гости, всегда с большим интересом слушал игру Фридриха и советовал, как ее улучшить.

— Неплохо бы тебе, сын, произвести хорошее впечатление.

— Хорошее впечатление?

Отец так и сиял:

— Я узнал, что Рудольф входит в совет директоров консерватории! Видишь, тебе будет полезно, если вы познакомитесь поближе. А Йозеф учился в консерватории, он знает, как там проходят собеседования. Я просил его посмотреть пьесы, которые мы с тобой отобрали, и посоветовать, что лучше сыграть.

Фридрих упер руки в бока и высоко поднял брови.

— Только не говори, что ты собираешься хитрить и плести интриги...

Отец жестом остановил его:

— Уверяю тебя, Фридрих, это просто счастливый случай. Я сперва пригласил Рудольфа и только потом узнал, что он сотрудничает с консерваторией. А Йозефа я позвал, потому что... Ему это необходимо. Он

потерял работу. — Отец понизил голос. — Новый гитлеровский закон о восстановлении профессионального чиновничества.

— Что-что?

— По этому закону евреям запрещается работать преподавателями. А он еврей... и преподаватель. Блестящий притом! Лучший альтист из всех, кого я знаю. Он мне рассказал, что несколько недель назад ночью собрал вещи и отправил жену и детей к родственникам, потому что ему нечем платить за жилье. Сам остался ухаживать за отцом. Его отец болеет, его нельзя перевозить. Я пригласил Йозефа на наш домашний концерт, потому что музыка — лучшее лекарство для души.

— Отец, ты такой добрый!

— Я очень хотел бы, чтобы ты для начала сыграл нам на гармонике. Ту же пьесу, что ты играл на прошлой неделе, Брамса. Я думаю, гости оценят твое мастерство и необычное звучание инструмента.

Глаза отца сверкали. Фридрих не видел его таким оживленным с тех пор, как их навестила Элизабет. Разве можно ему отказать? Фридрих кивнул.

— А теперь быстро на кухню! Поешь и ступай переоденься, они скоро придут. И не забудь гармонику!

Фридрих похлопал себя по карману. Не забудет. Может быть, отец прав и сегодняшний вечер принесет им удачу?

Едва только Фридрих спустился вниз, в дверь постучали.

Пришел Рудольф — высокий, грузный, со скрипкой в руках. Через несколько минут появился и Йозеф с альтом. Он вынул из кармана очки в черной оправе и нацепил их на нос.

Отец коротко представил их друг другу, и вскоре гости уже достали из футляров музыкальные инструменты и принялись натирать смычки канифолью.

— Прежде чем мы обсудим репертуар, — сказал отец, — Фридрих по моей просьбе согласился кое-что сыграть.

Фридрих смущенно улыбнулся. Он встал так, чтобы к гостям была обращена чистая сторона лица, и достал из кармана губную гармонику. Выдул на пробу несколько аккордов. Сердце у него частило. С чего он так волнуется в собственной гостиной?

Он закрыл глаза и заиграл Брамса. Знакомый голос гармоники успокаивал и заставлял забыть обо всем. Фридрих повторил припев, а когда мелодия закончилась, повернулся к слушателям. Он надеялся, что произвел впечатление на Рудольфа, который вскоре будет оценивать его на экзамене.

Но похвалил его Йозеф:

— Чудесно! Даже не похоже на гармонику, скорее на кларнет, а временами на флейту-пикколо.

— Уникальное звучание, — сказал отец, глядя на Рудольфа.

Тот поджал губы.

Отец спросил:

— Тебе не понравилась пьеса?

— Мартин, это не инструмент, а баловство одно, — ответил Рудольф. — К тому же не одобряется правительством. Губная гармошка считается вульгарной.

Отец сразу ошетинился:

— Ну... что ж... — Он нахмурил брови.

Фридрих, кашлянув, поспешил сказать:

— Давайте обсудим репертуар.

Рудольф заговорил первым:

— Я предлагаю сыграть Бетховена или Брукнера. Или, возможно, Баха. Эти композиторы одобрены национал-социалистической партией.

Фридрих поймал изумленный взгляд отца. Оказывается, Рудольф —

сторонник Гитлера. Отец этого не знал. А знает ли Рудольф, что Йозеф — еврей?

Йозеф заерзал в кресле:

— Я... Не против сыграть любого из них.

— Значит, решено, — объявил Рудольф и кивнул Йозефу, обшаривая взглядом его лицо. — Мы ведь с вами раньше встречались? Вы играли с Мартином в оркестре или я ошибаюсь?

Йозеф положил альт на колени:

— Вы правы.

— И вы по-прежнему в Берлинском филармоническом?

— Нет, я несколько лет преподавал музыку в университете в Штутгарте. До недавнего времени.

В глазах Рудольфа вспыхнуло узнавание:

— Однако ваша семья из Троссингена. Ваши отец и дядя владеют портновской мастерской. Братья Коган, верно? Хотя недавно мастерскую закрыли в связи с нынешними... веяниями.

— Так и есть, — сказал Йозеф.

Рудольф повернулся к отцу:

— Я не могу играть вместе с евреем.

Отец встал и умоляюще раскинул руки:

— Рудольф, нельзя ли отложить эти чувства на время ради искусства? У нас частный домашний концерт. Йозеф — лучший альтист, какого я знаю. Ты тоже музыкант... Любовь к музыке нас объединяет.

Теперь встал и Рудольф. Он направил на отца смычок и произнес резким тоном:

— Побойся бога, Мартин! Новый начальник полиции в нашем округе — мой брат. Я не могу рисковать, как ты не понимаешь? Мне даже нельзя находиться в одном доме с евреем! Вдруг меня примут за сочувствующего... — Он покосился на окно. — Сын моего брата, мой племянник Ансельм, работает вместе с Фридрихом. Если Фридрих при нем обмолвится, что я здесь был...

Фридрих вздрогнул. Ансельм — сын начальника полиции? Тогда неудивительно, что он так себя ведет.

— Я бы никогда не стал об этом говорить...

Рудольф убрал в футляр скрипку и смычок.

— Нацисты очень сурово относятся к тем, кто сочувствует евреям.

Отец выпалил:

— Мы с тобой много раз говорили о политике. Ты никогда не поддерживал новый порядок! Ты же не можешь принимать всерьез эти

дикие законы. Играть только ту музыку, которую одобрил Гитлер! Читать только те книги, которые одобрил Гитлер! Видеть только то, что хочет Гитлер!

Фридриху отчаянно хотелось прикрикнуть на отца. Он что, забыл, что ему больше не позволено быть вольнодумцем? Забыл свое обещание держать язык за зубами? Забыл, что Фридриху нужно произвести хорошее впечатление?

— Времена меняются, — сказал Рудольф, защелкивая футляр. — Я соблюдаю новые законы во имя Германии и ради благополучия моей семьи.

Он махнул рукой в сторону Фридриха:

— Мартин, ты собственного-то сына видел? Возможно, новые законы не зря принимают.

Фридриху обожгло лицо, словно от пощечины. Значит, вот что думают люди, глядя на его родимое пятно? Спасибо за новые законы?

— Я пойду. — Йозеф поднялся.

— Нет! — крикнул отец.

И добавил тише:

— Ты — мой гость.

Рудольф взял свое пальто.

— Мартин, ты выбрал. Надеюсь, ты понимаешь, что я буду вынужден обсудить это с братом. — Он покачал головой. — Ты меня огорчил, и брат наверняка тоже не обрадуется. О чем ты только думал?

И он ушел, хлопнув дверью.

Отец рухнул в кресло, бормоча себе под нос:

— Я думал, помузицируем...

Он посмотрел на Йозефа, потом на Фридриха.

— Я не знал, что так получится. Думал, вы поладите. Мы же все музыканты...

Йозеф положил отцу руку на плечо:

— Ты наивен, друг мой. Зря ты за меня вступился. Тебя за это не похвалят. А я ничем не смогу помочь.

— Это я должен был тебе помогать, — сказал отец.

Йозеф принялся убирать альт в футляр.

— Мне тоже нужно идти. Пойдут разговоры... Фридрих, мой тебе совет: будешь готовиться к прослушиванию — не выбирай еврейских композиторов. Играй Вагнера. Гитлер без ума от Вагнера, а значит, его сторонники тоже любят Вагнера. К тому же Вагнер — прекрасный композитор, независимо от политики. Прощайте, друзья!

Он подхватил свое пальто и быстро вышел за дверь.

Фридрих спросил:

— Что теперь будет?

Отец тяжело вздохнул:

— Меня, конечно, вызовут для допроса. Что потом — не знаю. Нужно было мне промолчать... — Он съежился и стал вдруг казаться совсем маленьким. — Мы с Рудольфом больше двадцати лет дружили. Вместе ходили на концерты. Я учил его дочку играть на виолончели... Фридрих, кругом царит бессмыслица. Соседи доносят на соседей. Друзья — на друзей. Все боятся. Какие ужасы еще нас ждут?

Фридрих усадил отца на диван и налил ему чаю.

— Сиди здесь, отец. Я пойду за дядей Гюнтером.

Дядя Гюнтер расхаживал по комнате, пока Фридрих с отцом рассказывали.

Потом он поставил стул напротив дивана, где они сидели, и посмотрел прямо на них.

— Вы понимаете, что нужно делать?

Отец кивнул:

— Мы должны уехать.

— Уехать из Троссингена? — спросил Фридрих. — Но мы же вернемся к прослушиванию?

Отец жалко сморщился:

— Прости... Мне так жаль.

Дядя Гюнтер очень серьезно покачал головой:

— Фридрих, ты не понял. Не из Троссингена. Мы должны уехать из Германии.

— Сынок, если бы можно было как-то иначе избежать опасности...

— За нами теперь будут следить, — сказал дядя Гюнтер.

Фридрих обмяк, привалившись к спинке дивана. Уехать из Германии? Покинуть дом, где он прожил всю свою жизнь? Все закружилось, голоса отца и дяди доносились будто издалека.

Как можно скорее... завтра... Мы с Фридрихом пойдем на работу как обычно... Забери деньги из банка, только не слишком много, чтобы не вызывать подозрений... Соберите вещи заранее... Нужен предлог... В Берлин, повидать Элизабет... Встретимся у Гюнтера... Будем идти по ночам, а днем спать под открытым небом... На юг... Берн, Швейцария...

Фридрих посмотрел на отца, на дядю Гюнтера. Неужели это все взаправду?

Он медленно побрел к себе наверх. В спину ему неслись тихие голоса из гостиной. Папа и дядя Гюнтер строили планы побега.

Фридрих, глубоко несчастный, присел на край кровати. Все его надежды и мечты развеялись. Привычный мир разбился вдребезги. Как могла жизнь перемениться в одну минуту?

Он тронул рукой прислоненную к кровати виолончель. Завтра ночью они унесут музыкальные инструменты к дяде Гюнтеру. В его квартире есть кладовка, где их можно спрятать. И сколько они там будут томиться? Месяцы? Годы? Вечно?

Фридрих вынул из кармана гармонику и стал играть «Иисус — всегдашняя мне радость» — финальный хорал из кантаты № 147 Баха. Невольно вспомнил, как впервые его услышал.

Он еще ходил в детский сад. Они с отцом зашли в музыкальный магазин — купить смычок. Посреди зала стоял граммофон в резном деревянном ящике. Играла пластинка — тот самый хорал. Фридрих замер как зачарованный. Когда музыка кончилась, он стал упрашивать хозяина магазина поставить пластинку еще раз. Тот согласился. Вечером Фридрих, стоя перед отцом, размахивал расческой как дирижерской палочкой и напевал мелодию, словно рассказывая что-то. Он тогда впервые попробовал дирижировать и до сих пор помнил, с каким изумлением и восторгом ему хлопали отец и Элизабет.

Он откинулся на подушку, глядя в темноту.

Есть в Берне консерватория? Или хоть что-нибудь такое же чудесное, как жизнь в Троссингене, с отцом, дядей Гюнтером и родными людьми на фабрике?

Внизу, в прихожей, щелкнула дверца часов, и стойкая кукушка прокуковала время. Только голос ее звучал не как обычный радостный щебет, а как предостережение.

На следующее утро Фридрих пошел на работу, измученный тревогой. Ночью он почти не спал.

У самых ворот фабрики его окликнул голос Ансельма:

— Фридрих, стой!

Не до Ансельма сегодня. Фридрих сделал вид, что не слышал.

Через несколько шагов его схватили за руку и развернули.

— Я просил — стой! — сказал Ансельм со злостью, но сразу же улыбнулся. — Помнишь, я обещал сводить тебя на собрание гитлерюгенда? Сегодня вечером как раз будет. Пошли, посмотришь наконец, как там весело. Я за тобой зайду в семь.

Почему Ансельм никак не может оставить его в покое?

Фридрих вырвал руку.

— Я же сказал, мне это неинтересно! — Он старался говорить ровным голосом.

Фридрих прибавил шагу, но Ансельм не отставал:

— Неважно, интересно тебе или нет. Сходишь разок — заинтересуешься. Понимаешь, твоя сестра взяла с моей сестры слово, что я тебя приведу на собрание, ради твоего же блага и ради блага всей твоей семьи. И я ее просьбу выполню. Для твоего отца уже поздно, Фридрих, а для тебя еще нет.

Фридрих остановился как вкопанный. Руки сами собой сжались в кулаки.

— Да, Фридрих. Вчера вечером дядя рассказал отцу про Мартина Шмидта и его еврейского приятеля. Насколько я понял, твоему отцу это даром не пройдет. — Ансельм положил Фридриху руку на плечо. — Но для тебя еще есть надежда. Ну так что, пойдём сегодня? Ради твоего же спасения и во имя Германии.

Фридрих попятился, стряхивая руку Ансельма.

— Сегодня я не могу. У меня намечены другие дела.

— Какие еще дела? Фридрих, что может быть важнее?

— Я... Меня не будет дома!

— А где ты будешь? Ну скажи!

Зачем Ансельм к нему привязался? Хотелось крикнуть, чтобы не лез не в свое дело, но Фридрих понимал, что тот не отстанет.

И он ляпнул:

— Мы в выходные поедem в Берлин — навестить сестру.

Ансельм уставился на него во все глаза:

— Точно?

Потом вдруг ухмыльнулся, как будто что-то сообразил.

Кивнул и потрусил прочь, крикнув через плечо:

— Как скажешь, Фридрих!

Почему Ансельм вдруг отступился? И почему он побежал в город, а не на фабрику?

Когда Фридрих пришел домой с работы, у дверей уже ждали собранные сумки и обе виолончели. Отец ничего не забыл упаковать?

Они пообедали молча и не торопясь. Было еще рано идти к дяде Гюнтеру. Отец мыл посуду, а Фридрих ее вытирал и убирал на место. Руки двигались механически, а мыслями он был далеко.

Вдруг в дверь грубо постучали. Фридрих оглянулся на отца:

— Ты кого-то ждешь?

Отец покачал головой.

Он прошел в гостиную и выглянул из-за занавески.

— Это за мной. Фридрих, слушай внимательно. Молчи, ничего не говори, в чем бы меня ни обвиняли.

— Отец... — У Фридриха что-то сжалось в животе.

Отец крепко его обнял:

— Прости, это все из-за меня. Главное — молчи, что бы ни случилось.

Потом отец отпустил его и отпер дверь.

На пороге стояли двое штурмовиков в коричневых рубашках. Один — низенький и толстый, другой на целый фут выше своего напарника.

— Господин Шмидт, — сказал высокий, — я — капитан Эйфель, а это капитан Фабер. Можно войти?

Они шагнули в прихожую, не дав отцу времени ответить.

Эйфель кивнул на багаж:

— Куда-то уезжаете?

— Да, в Берлин, к дочери.

Штурмовики вошли в гостиную и осмотрелись. Отец шел за ними, Фридрих держался поближе к нему. Никто не стал садиться.

— Видите ли, господин Шмидт, в том-то и вопрос, — проговорил Фабер. — Нам сообщили, что вы направляетесь в Берлин повидаться с дочерью. Однако вашей дочери сейчас нет в Берлине. Она вместе с дочерью начальника полиции готовится к митингу в Мюнхене и пробудет там все выходные.

— Мы... У нас в Берлине есть еще родственники, — сказал отец.

— Они тоже будут на митинге в Мюнхене, — ответил Эйфель. — Поездка в Берлин — всего лишь прикрытие, так?

У Фридриха даже голова закружилась от внезапной догадки. Вот почему Ансельм сегодня утром от него отстал! Он знал, что Элизабет с Маргаретой поедут на митинг в Мюнхен. Сообразил, что Фридрих врет, и наябедничал своему отцу — начальнику полиции. Теперь и отец Фридриха попался на лжи.

— К сожалению, вам придется отложить поездку, поскольку у вас нет никаких дел в Берлине, — сказал Фабер.

— И мы вас попросим проследовать с нами в участок. Для беседы, — сказал Эйфель.

— По какому поводу? — спросил отец.

— Там все объяснят. Прошу! — Фабер приглашающе повел рукой.

— Да, конечно. — Отец оглянулся на Фридриха. — Я уверен, это ненадолго.

Эйфель подошел вплотную к Фридриху, разглядывая его лицо.

Фридрих попятился.

— У мальчика уродство. Он также и в уме поврежден?

Эйфель говорил таким тоном, словно Фридрих не стоял так близко, что чувствовал запах у того изо рта.

— Он не урод и не слабоумный! — ответил отец. — Он очень талантлив! Это всего лишь родимое пятно.

— Мерзость какая, — откликнулся Эйфель. — Есть кому о нем позаботиться?

— Да, — сказал отец. — Я о нем забочусь. Я ведь через пару часов буду дома, верно?

Штурмовики переглянулись.

Фабер изогнул бровь.

— А кроме вас есть кому за ним присмотреть? Мало ли, вдруг вы будете отсутствовать дольше. Если что, мы можем его отправить в соответствующее заведение. Вы слышали о Доме неблагополучных детей?

В лечебницу? Фридрих невольно потянулся к отцу, как маленький.

— В этом нет необходимости. — Отец взял Фридриха за руку. — Не волнуйся, сынок. Наверняка недоразумение скоро выяснится. А пока ступай к дяде Гюнтеру.

Фабер посмотрел на Фридриха:

— Твой дядя, у него те же взгляды, что и у отца? Обычно с близкими родственниками так бывает. Он тоже любитель жидов? Как его зовут,

говори!

Фридрих в страхе переводил взгляд со штурмовика на отца. Отец чуть-чуть качнул головой.

— Неважно, узнаем от твоего папаши.

— Пошли уже! Оставь мальчишку, — сказал Эйфель.

Отец сжал руку Фридриха и сразу отпустил.

Фабер встал по стойке смирно и продекламировал:

— На основании первого пункта Указа рейхспрезидента от двадцать восьмого февраля тысяча девятьсот тридцать третьего года «О защите народа и государства» вы задержаны в интересах общественной безопасности и порядка, по подозрению в подрывной деятельности.

Штурмовики вывели отца за дверь и усадили в большую черную машину.

Фридрих подождал, пока машина уедет, потом схватил пальто и выбежал на улицу.

Фридрих не помнил, как добежал до дома, где жил дядя Гюнтер.

Он стоял на лестничной площадке, запыхавшийся и с колотьем в груди.

Фридрих изо всех сил стукнул кулаком в дверь.

Дядя Гюнтер открыл, и Фридрих ворвался в квартиру.

У дяди Гюнтера кровь отхлынула от лица:

— Значит, за ним уже пришли.

Фридрих кивнул, хватая ртом воздух.

Дядя Гюнтер закрыл дверь, провел Фридриха в кухню и усадил за стол.

— Расскажи, что именно они сказали?

Слова смешались в кашу у Фридриха в голове, но он постарался повторить как мог точнее.

— На них были коричневые рубашки штурмовиков или форма местной полиции?

— Коричневые рубашки.

Дядя Гюнтер потер лоб.

— Дело хуже, чем мы думали. Местные полицейские еще могут проявить сочувствие...

— Отец сказал, что вернется через пару часов. — Фридрих встал. — Нужно пойти домой, подождать его.

Дядя Гюнтер покачал головой.

— Нет, Фридрих. Через пару часов он не вернется. И домой тебе нельзя. Они еще придут делать обыск.

— Что там искать? — спросил Фридрих.

— Информацию. Улики. Что-нибудь ценное. Если найдут неодобренные книги или ноты, их конфискуют и сожгут.

Фридрих схватился за голову.

— Все из-за меня... Я сказал Ансельму, что мы едем в Берлин повидать Элизабет. Откуда я мог знать, что она поехала в Мюнхен, да еще с дочкой начальника полиции? Сестрой Ансельма!

— Племянник, никто не мог этого знать. Твоей вины тут нет. Но сейчас на разговоры нет времени. Нужно поскорее забрать твои вещи.

Знакомые уютные улицы Троссингена вдруг стали угрожающими.

Следят ли за ними с дядей? Вдруг кто-нибудь на них донесет? Скоро и за дядей Гюнтером придут?

Войдя в дом, Фридрих торопливо схватил фотографии отца и мамы, несколько нотных тетрадей и виолончель. Похлопал себя по карману, проверяя, при нем ли гармоника.

Дядя Гюнтер взял отцовскую виолончель и сумки, так и лежавшие в прихожей. Выключил везде свет и запер дверь.

Когда они уже шли по улице, Фридрих оглянулся. Дом казался черным провалом среди ярко освещенных соседних домов.

Дядя Гюнтер поторопил его, хоть и тяжело было идти быстрее под грузом багажа и футляров с музыкальными инструментами. У Фридриха от страха сдавило грудь. Что, если гитлеровцы их заметят? Вдруг их примут за евреев, которые сбегают, не заплатив за квартиру? Вот так же чувствовали себя жена и дети Йозефа, когда им пришлось уехать? Вернутся ли они когда-нибудь с отцом домой?

Позже Фридрих лежал на постели, которую дядя Гюнтер устроил ему на полу перед камином, и оглядывал тесную двухкомнатную квартирку, заваленную их с отцом вещами.

Он прижал к груди гармонику и заплакал, уткнувшись лицом в подушку. Фридрих мог бы поклясться, что слышит музыку... Брамса. Вначале детскую колыбельную, потом горестную траурную мелодию и, наконец, бравурный марш под зловещий аккомпанемент тяжелых сапог.

Что это — воображение? Или предчувствие?

Выходные прошли в глухой тревоге.

Фридрих и дядя Гюнтер надеялись, что отца допросят и отпустят на следующий день или через день. Однако он не появлялся, и они мучились одними и теми же вопросами. Отца держат здесь, в городе? Или увезли куда-то? Выпустят его или так и оставят под арестом? Жив ли он? Или...

Рано утром в понедельник Фридрих с дядей перед работой зашли проверить дом. Фридрих невольно мечтал: вот они придут, а отец сидит на кухне и листает ноты.

Фрау фон Гербер подметала крыльцо. Она кивнула им, когда они проходили мимо.

— Фридрих, я видела, как твоего отца уводили. Есть новости?

Фридрих покачал головой. Знать бы наверняка, почему она спрашивает — беспокоится за них или просто любит посплетничать?

— Очень печально, что власти решили, будто господин Шмидт им враг, — сказал дядя Гюнтер. — А он просто импульсивный музыкант.

— И всегда таким был, — подхватила фрау фон Гербер. — Постоянно весь в бурных эмоциях. Вот Элизабет делает честь семье и новому правительству! — Она указала подбородком на нацистский флаг в своем окне. — Я намерена последовать ее примеру. Мне не нужны неприятности.

Она быстро оглянулась через плечо и скрылась в доме.

Фридрих уставился на флаг.

— Фрау фон Гербер?

Дядя Гюнтер потянул его за рукав.

— Не надо верить всему, что видишь. Пойдем проверим, что у нас.

Подойдя к своему дому, они увидели, что дверной косяк расколот. Переглянувшись, они осторожно вошли внутрь. Фотографии на стене висели криво, а шапки и пальто были кучей свалены на полу возле вешалки. Одна лишь кукушка не пострадала.

— Может, еще не все так плохо, — сказал Фридрих.

Судя по лицу дяди Гюнтера, застывшего на пороге гостиной, все было очень плохо.

Фридрих подошел к нему и ахнул. В комнате царил разгром. Вся мебель опрокинута. Старые смычки от виолончелей разломаны на куски. Ноты и книги разбросаны. Только книга Адольфа Гитлера осталась одиноко стоять на полке.

Фридрих и дядя Гюнтер обошли весь дом. Обыск прошел во всех комнатах, и везде все было перевернуто вверх дном. Вещи из комодов и шкафов вытряхнуты. И только в комнате Элизабет не тронули плакат с юношей и девушкой в нацистской форме.

— Фридрих, иди на фабрику. Скажи Эрнсту, что я приболел, но завтра выйду на работу как обычно. О том, что к нам приходили, ни слова. Ты меня понял?

— Я хочу с тобой остаться, — сказал Фридрих.

Дядя Гюнтер покачал головой:

— Я постараюсь что-нибудь выяснить, но потихоньку. У меня есть друг в полиции, ему можно доверять. Он мне кое-чем обязан. Я попрошу его разузнать в полицейском управлении. А ты иди на работу как ни в чем не бывало. До вечера!

О том, что отец арестован, узнали очень быстро.

Когда Фридрих вошел в цех, ему было настолько не по себе, как никогда не бывало из-за родимого пятна. Казалось, все на него смотрели — кто с беспокойством, кто с превосходством, словно хотел сказать, что отец сам виноват, надо было думать, что делает. И слишком привычные взгляды — жалостливые, только на этот раз не из-за внешнего вида.

Опустив голову, Фридрих проскочил на свое рабочее место и принялся за дело. Когда в цех заглянул Эрнст, Фридрих сказал ему, что дядя Гюнтер нездоров, но обязательно придет завтра.

Эрнст кивнул.

— Фридрих, я крайне огорчен известием о Мартине.

Он говорил так искренне, что Фридрих не решился поднять взгляд — боялся, что заплачет.

Зато Ансельм, когда принес новую партию гармоник, пыжился, словно петух на насесте.

— В следующий раз ты небось два раза подумаешь, прежде чем отказываться от приглашения на собрание, а, Фридрих?

Фридрих продолжал работать, упорно отводя глаза.

Ансельм наклонился над его столом:

— Через месяц будет молодежный митинг по случаю зимнего солнцестояния. Ты идешь со мной, и не спорь. Нам же не надо, чтобы с твоим дядей случилось то же, что и с отцом, верно, Фридрих?

И он ушел вразвалочку, насвистывая.

Угроза жгла изнутри. Фридрих стиснул зубы, чтобы не ляпнуть чего-нибудь такого, о чем потом пожалеет.

Когда Фридрих пришел с работы, дядя Гюнтер ждал его у себя на кухне, сидя за столом.

Фридрих придвинул себе стул и сел. Вгляделся в дядино расстроенное лицо:

— Не очень хорошие новости?

Дядя Гюнтер покачал головой:

— Его увезли в Дахау вместе с другими политзаключенными.

Дахау. «Труд освобождает». Фридриха пробрала дрожь.

— Трудовой лагерь?

— Да, — сказал дядя Гюнтер.

— Надолго? — шепотом спросил Фридрих.

— Не знаю. Я повидался с друзьями, у них там родственник сидит. Сроки дают разные — кому всего месяца, кому несколько лет. Все зависит от того, сколько, по мнению нацистов, нужно времени, чтобы перевоспитать заключенного.

Фридрих смахнул слезы.

— А не может заключенный просто взять и сказать, что он перевоспитался?

— У них есть способы, чтобы определить, искренне он говорит или притворяется, — ответил дядя Гюнтер. — В лагере тоже есть шпионы под видом заключенных. Все письма читают и за семьями арестованных тоже следят, чтобы выловить еще недовольных.

— Они и тебя попробуют подловить?

Дядя Гюнтер сжал ему локоть:

— Может быть, но давай пока сосредоточимся на твоём отце. Есть способ сократить ему срок заключения.

Фридрих подался вперед:

— Как это?

Дядя Гюнтер оглянулся, как будто их и здесь могли подслушать:

— После того как заключенный пробудет в лагере месяц, кто-нибудь из родственников может привезти коменданту выкуп. Тогда арестанта отпустят на поруки.

— Выкуп? — Фридрих встrepенулcя. — У меня отложены деньги. Я хотел их потратить на книги для консерватории, но...

Он пожал плечами. Будет ли у него теперь возможность учиться в

консерватории? И в любом случае для отца ему ничего не жалко.

— Там зарплата за три месяца.

— Я могу добавить еще вдвое больше, — сказал дядя Гюнтер. — Но и этого все равно не хватит. Что, если мы... обратимся к Элизабет?

— Элизабет? Нет!

Ей только этого и надо — узнать, что отец попал в беду, потому что не прислушался к ее советам. С каким злорадством она будет поучать Фридриха!

— Фридрих, пожалуйста, подумай! — сказал дядя Гюнтер. — Ты мог бы написать ей то, что ей хочется услышать. Что мы с Мартином так и рвемся вступить в партию национал-социалистов. Что ты готов вступить в гитлерюгенд. И тебе нужна помощь, чтобы вернуть отца на путь истинный. Пусть это притворство — что с того, если этим ты спасешь Мартину жизнь? Если деньги даст она, такая примерная и правильная, его наверняка отпустят.

— А нельзя попросить у родителей Маргареты?

Дядя Гюнтер покачал головой:

— Твой отец никогда им не доверял. К тому же этот выкуп... не совсем официальный.

— Это против закона? — Фридрих замотал головой. — Тогда Элизабет даже знать о нем не захочет.

— Не будь в этом так уверен. Мартин и ее отец тоже. Она вправе знать, где он и что ему грозит. К тому же ты не будешь просить у нее деньги на взятку. Ты попросишь помощи в воспитательных целях. Больше нам никто не поможет. Если ты ей не напишешь, я сам напишу. Но лучше, если просьба будет исходить от тебя. Что тебе мешает попросить?

Фридрих глубоко вздохнул и на мгновение закрыл глаза. Он знал ответ:

— Всего только моя гордость.

— У других такое получалось. И чем скорей мы его оттуда вытащим, тем лучше. Заключение нагружают непосильной работой... Я... Я не могу допустить, чтобы это случилось с моим братом. — Дядя Гюнтер утер повлажневшие глаза. — Фридрих, пока мы не заберем его оттуда, мы обязаны казаться лояльными гражданами. Завтра я подам заявление в партию и приобрету два нацистских флага — один для твоего дома, другой для моего. Тогда меня не вызовут на допрос, по крайней мере в ближайшее время.

Фридрих вздохнул:

— А я сегодня напишу Элизабет, верной стороннице Гитлера.

Троссинген готовился к празднику, но на сердце у Фридриха было невесело. Он места себе не находил от тревоги.

Отец пробыл в Дахау больше месяца, а Фридрих все еще не получил ответа от Элизабет. И отец не ответил ни на одно письмо от Фридриха и дяди Гюнтера. Может, он заболел? Не мерзнет ли он? Не голодает ли? Жив ли он?

Дядя Гюнтер кивком указал на обеденный стол:

— Ты почти не спишь, еле ковыряешься в тарелке, на фабрике работаешь медленней. Я уже не помню, когда слышал твою гармонику. Ешь, Фридрих! Тебе нужны силы.

Фридрих поднес вилку ко рту, и тут раздался громкий стук в дверь. Сердце у Фридриха забилося чаще. Опять штурмовики? Он пошел за дядей Гюнтером к двери, цепляясь за дядину руку.

Но в этот раз на пороге стояла фрау фон Гербер в длинном шерстяном пальто, в руках — корзинка с покупками.

— Входите, пожалуйста, — сказал дядя Гюнтер.

Она вошла и остановилась у двери.

— Я на минуточку. Хочу передать посылку Фридриху. Она была в коробке с посылкой для меня. Милая Элизабет не забыла, прислала несколько баночек варенья из айвы! Попросила знакомого передать лично. В записке сказано, что она не хотела отправлять посылку почтой, чтобы стеклянные банки не побились. И еще там просьба передать тебе безотлагательно. — Фрау фон Гербер вытащила из-под продуктов в корзинке пухлый квадратный пакет в оберточной бумаге, перевязанный бечевкой, и протянула Фридриху. — Элизабет просила не распространяться об этом.

— Спасибо, — сказал Фридрих.

Фрау фон Гербер понизила голос, обращаясь к дяде Гюнтеру:

— Каждый день ходят по домам, всех опрашивают. Вчера опять приходили штурмовики, расспрашивали соседей о вас — какие у вас взгляды, как вы относитесь к евреям. Я сказала, что знаю вас только как доброго дядюшку Элизабет и Фридриха, ничего больше. Они потом еще какое-то время курили у меня на крыльце. Я невольно услышала, один сказал: «Допросите его в среду вместе с другими, и если будет отвечать неубедительно, отправьте его к братцу».

Дядя Гюнтер взял руку фрау фон Гербер.

— Вы так добры...

Она отдернула руку:

— Я пойду. Нужно зайти к подруге этажом выше. Это будет объяснение, зачем я сюда приходила.

Она выскользнула за дверь и быстро исчезла.

Дядя Гюнтер запер за ней дверь и задернул занавески.

— Дядя, тебя вызовут на допрос...

— Мы это заранее знали. И я буду отвечать убедительно. Я знаю, что нужно говорить, чтобы они остались довольны. Давай-ка посмотрим, что прислала Элизабет.

Фридрих сел за стол. Ножом аккуратно разрезал бечевку и развернул бумагу. Перед ним оказалась квадратная жестяная коробка, а на ней лежал конверт. Фридрих вдохнул поглубже, развернул письмо и начал читать:

Дорогой Фридрих!

Спасибо за твое письмо. Поздравляю тебя с наступающим — не Рождеством, а Зимним солнцестоянием. Даже если ты все еще празднуешь Рождество, не рекомендуется укреплять звезду на макушке елки. Шестиконечная звезда — еврейский символ, а пятиконечная — коммунистический. Ни то, ни другое не согласуется с идеологией национал-социалистов. Лучше избегать звезд любого типа.

На работе все хорошо...

Он пробежал глазами письмо до конца. Элизабет рассказывала о своей работе в Союзе немецких девушек и советовала Фридриху вступить в гитлерюгенд. Он открыл жестянку.

— Печенье в виде свастики! Она ни о чем другом уже и думать не может, что ли?

Он отодвинул стул и встал, швырнув письмо на стол.

— Я ей написал, что отец в Дахау! Просил помочь, а она о звездах рассуждает! Даже не спросила, как он!

Фридрих метался по комнате. На глазах выступили слезы.

Дядя Гюнтер поднял письмо и заглянул в него:

— Фридрих, а что означает приписка в конце? «Надеюсь, печенье тебе понравится. Я сама пекла, специально для вас с дядей. Не ешь все сразу, как в тот раз, тем более что меня не будет рядом, чтобы их припрятать».

Фридрих взмахнул руками:

— Когда я был маленьким... Однажды съел целую тарелку печенья. Элизабет рассердилась и в следующий раз, когда испекла печенье, спрятала его в хлебнице, прикрыла поддоном для крошек.

Дядя Гюнтер, изогнув брови, склонился над коробкой. Он стал поштучке вынимать печенье, слой за слоем. Когда коробка опустела, он кончиком ножа подцепил дно и подковырнул. Оно открылось.

Фридрих ахнул.

Под фальшивым дном лежали пачки рейхсмарок. Изумленный Фридрих разложил их веером на столе.

— Этого хватит?

Дядя Гюнтер кивнул:

— Больше чем достаточно. Она очень рисковала, отправляя их нам. Если бы фрау фон Гербер проболталась, уже Элизабет вызвали бы на допрос. Видимо, она не сможет сама передать их коменданту. Нужно будет везти деньги, как были, в коробке. Отличная маскировка. И вполне патриотично. Только нужно продумать, как их вручить. А пока давай спать ложиться. Утро вечера мудренее. — Дядя Гюнтер улыбнулся. — Возможно, Элизабет не настолько предана идеям национал-социализма, как может показаться. Да и фрау фон Гербер тоже.

Дядя Гюнтер лег спать, а Фридрих еще долго сидел в тесной кухоньке, глядя на рейхсмарки. Он вынул из кармана гармонику и заиграл «О Tannenbaum» — «О, елочка».

Закрыв глаза, он словно перенесся в прошлое. Элизабет играла на пианино и пела. Ей было двенадцать лет. Она качала головой в такт музыке. Пальцы так и порхали над клавишами.

Фридрих и сейчас помнил, с каким восторгом он тогда слушал.

Элизабет заметила его и похлопала по сиденью, приглашая сесть рядом. Она начала песню сначала, и теперь они пели вместе:

О, елочка! О, елочка!
Зеленые иголки!
И летом ты зеленая,
И снегом занесенная.
О, елочка! О, елочка!
Зеленая всегда! [\[10\]](#)

Когда песня кончилась, они посмотрели друг на друга и засмеялись.

Элизабет порывисто обхватила его лицо ладонями и расцеловала в обе щеки. Что бы сестра ни говорила в свой прошлый приезд, когда-то она любила его! Может, и сейчас любит?

Фридрих положил гармонику на стол, рядом с пачками денег.

Потом он взял бумагу и ручку и написал Элизабет. Поблагодарил ее за совет насчет звезд и за печенье. Сказал, что с этим печеньем праздник будет намного лучше. Еще он рассказывал о своих мелких повседневных делах и о том, что у них с дядей Гюнтером было на обед. И вспоминал, как Элизабет когда-то прикладывала ему на лицо горчичники — в надежде свести родимое пятно.

В конце он пожелал ей счастья, а на конверте написал: «Лизбет Шмидт, чтобы она не забыла мой голос».

За час до рассвета Фридрих внезапно проснулся и сел на своей узкой постели.

В соседней комнате тихонько похрапывал дядя Гюнтер.

Еще когда Фридрих ложился спать прошлым вечером, в голове мелькнула идея, а сейчас она полностью оформилась. Фридрих снова лег и повторил про себя, что должно произойти и в каком порядке. Он поймал себя на том, что дирижирует, размахивая руками.

Он сбросил одеяло. Теперь нужно уговорить дядю Гюнтера.

— Не нравится мне это, Фридрих. Совсем не нравится.

Дядя Гюнтер сидел на кровати в рабочем комбинезоне и натягивал ботинки.

— Давай хлебушка пожую и на фабрику.

Он зашагал в кухню.

Фридрих пошел за ним, продолжая убеждать:

— Дядя, если бы даже Элизабет предложила передать деньги — а она не предложила, — сейчас она в Берлине, на севере, туда поездом больше двенадцати часов. Дахау вдвое ближе и на восток. Разумней будет мне поехать. А за тобой уже наблюдают. Тебе надо как можно скорее скрыться. Мы же так и планировали до того, как папу забрали.

— Я обещал твоему отцу, что не оставлю тебя...

— Если тебя арестуют, ты волей-неволей меня оставишь. Слышал, что сказала фрау фон Гербер? В среду тебя вызовут на допрос. Многих после допроса отпускают? Тебя заберут, и что со мной тогда будет?

— Фридрих, если я попросту исчезну, перед тем как за мной придут, хватит одного телефонного звонка, чтобы пресечь любые твои попытки вызволить отца.

— Нет, если я успею раньше. — Фридрих набрал в грудь побольше воздуха. — Я все продумал. Сегодня пятница. На работе объясни как-нибудь Эрнсту, почему тебя не будет в понедельник. И сегодня, как стемнеет, уезжай в Берн. За три дня доберешься. Будешь идти по ночам, а днем спать, как мы и собирались. За выходные никто тебя не хватится. А я приду на работу в понедельник и в обед уйду. Извинюсь перед господином Эйхманом, что не смогу ему почитать. Сяду в поезд и во вторник с самого утра передам коменданту деньги.

Дядя Гюнтер поднял брови:

— А когда мы не выйдем на работу во вторник утром?

— Рано или поздно кого-нибудь пришлют за нами сюда, — ответил Фридрих, обводя рукой комнату. — Я и это продумал. Они решат, будто знают, что с нами случилось, только подумают совсем не то.

Фридрих стал объяснять дальше, пока дядя резал хлеб.

Наконец дядя Гюнтер тяжело вздохнул и поскреб подбородок.

— Хитро.

— Уезжай сегодня!

Дядя Гюнтер устался в окошечко над раковиной.

— Только представь, сколько тут может быть неожиданностей. Неизвестно, в каком состоянии Мартин. Что, если путешествие окажется ему не по силам? — Дядя поднял кверху палец. — Пстой! У меня есть надежный друг в Мюнхене, он врач. Поезжай к нему, если отцу понадобится медицинская помощь.

Фридрих улыбнулся:

— Скажи мне его адрес.

— Да... Да... Это может получиться. Не бери с собой ничего такого, что тебе дорого как память, чтобы не отобрали. И ничего ценного — кроме, конечно, денег для взятки. Хорошо, что сейчас праздники. Многие куда-нибудь едут, и все заняты хлопотами. Подозреваю, комендант Дахау перед самым Рождеством тоже будет сговорчивей.

Дядя Гюнтер пристально посмотрел на Фридриха. В комнате словно стало трудней дышать от осознания, как серьезно и опасно то, что они задумали.

— Фридрих, ты должен понимать: как только мы уедем, назад дороги не будет.

— Да, дядя, я понимаю.

— Племянник... Откуда у тебя такая решительность?

— От отца и от тебя. И даже от Элизабет. Если уж она решилась рискнуть всем, что для нее важно в жизни, лишь бы спасти отца, то и я должен.

Дядя Гюнтер кивнул:

— Ну что ж, я тогда скажу Эрнсту, что уже несколько дней маюсь зубной болью. Я звонил врачу, но записаться на прием смог только на понедельник и подозреваю, что зуб придется удалить, поэтому я пропущу один рабочий день.

Фридрих улыбнулся.

— А я скажу господину Эйхману, что не смогу почитать ему в

понедельник после обеда, потому что тебе надо будет помогать после похода к зубному.

Дядя Гюнтер глубоко вздохнул, помрачнев.

Фридрих машинально погладил карман, где лежала гармоника.

— Дядя, мы справимся! Главное — идти вперед, шаг за шагом.

Вечером, когда стемнело, дядя Гюнтер подошел к двери, укутанный от ночного холода.

Он намотал на шею толстый шерстяной шарф и натянул вязаную шапку. Надел перчатки, оглядывая тесную квартирку.

— Устрой все так, чтобы выглядело как будто по-настоящему.

Фридрих кивнул.

— И помни, о чем мы говорили.

— Дядя, мы уже сто раз все обсудили.

— Знаю, знаю. Фридрих, я тобой горжусь. И отец твой будет гордиться. — Он обнял Фридриха на прощание. — Не забывай, кто твой настоящий дядюшка. Кто тебя учил ездить на велосипеде?

— Ты.

— А играть на губной гармошке?

Фридрих засмеялся, глотая слезы:

— Ты. Я не забуду.

— Увидимся через неделю, если повезет. Будь осторожен.

Дядя Гюнтер взял заплечную сумку, вышел и прикрыл за собой дверь.

— Постараюсь, — прошептал Фридрих.

В субботу утром Фридрих проснулся, весь дрожа.

Он развел огонь в камине, придвинул поближе свою лежанку и стал смотреть на пляшущие языки пламени. Впервые в жизни он оказался совсем один. Мало того, он держал в руках судьбу своих родных. Что с ними со всеми будет, если он не сумеет выполнить задуманное?

На него обрушилось понимание того, что ему предстоит. Ему придется покупать билеты на поезд и ехать в вагоне с совершенно посторонними людьми. Терпеть взгляды кассиров, носильщиков, проводников и просто незнакомых людей.

Он протянул руки к огню, чтобы согреть, мысленно повторяя, о чем они договорились с дядей Гюнтером. Он поедет в Штутгарт, а там пересядет на поезд, идущий в Мюнхен, стараясь не привлекать к себе внимания.

Деньги — его главная забота. Ни в коем случае нельзя их потерять или допустить, чтобы их украли. Как только доберется до Мюнхена, он пойдет в Дахау. Найдет административное здание у главных ворот и попросит разрешения поговорить с комендантом по поводу своего отца, Мартина

Шмидта.

Нужно вести себя смиренно и вежливо, а главное — очень искренне. С собой нельзя брать ничего ценного или дорогого для души, потому что сумку наверняка обыщут и все интересное конфискуют. Если охранники или сам комендант спросят о родимом пятне, сказать, что он собирается добровольно пойти на операцию, чтобы доказать свою преданность отечеству.

Нужно солгать, и он солжет.

Фридрих стал репетировать, что он скажет, передавая деньги. «Моя семья стремится вернуть отца гитлеровской Германии, и в знак уважения я привез небольшой гостинец для коменданта».

Слова перекатывались во рту, словно камешки, твердые и гладкие. Их страшно хотелось выплюнуть.

Но Фридрих повторил их еще раз. И еще.

В воскресенье вечером Фридрих собрал небольшую сумку и поставил у двери.

Накрыл стол на двоих, положил еду в тарелки и поел из обеих. Потом разбросал по комнате пачку газет. Открыл дверцы шкафчиков, повыбрасывал на пол тарелки, несколько штук разбил, обернув посудным полотенцем, чтобы приглушить звук. Тихо и методично — не тревожить соседей раньше времени! — опрокинул стулья и лампы, разворошил старые письма, выгреб из ящиков комода постельное белье. Все, что недоедено, оставил на столе, как будто их с дядей Гюнтером прервали посреди ужина. Когда стемнело, он взял отвертку и тихонько расковырял дверной косяк. Затем сделал домашнее задание по математике.

Когда все было готово, он, сидя на койке, сыграл на губной гармонике сам себе колыбельную. Чудесная музыка и стихи успокаивали.

Баю-бай, мой малыш,
Сон спускается с крыш...

Фридрих покачивался, словно баюкая Троссинген и его домики с островерхими крышами. Он играл высокому каменному зданию консерватории, ноты сыпались дождем, начисто умывая его лицо. Играл для фабрики с мощным двором, тесно сгрудившимися корпусами и коренастой водонапорной башней, что хранила его и берегла. Прощался с птицами-обжорами, с которыми делил обед, и с кладбищем машин, куда мало кто решался заходить в одиночку, и со стремянкой, на которую любил забираться, воображая, что дирижирует симфонией фабричных станков. Он желал доброй ночи фрау Штейнвег, господину Карлу, господину Эйхману и господину Адлеру с господином Ангелем, которые до сих пор спорили, кто из них больше достоин обучать Фридриха истории по программе средней школы.

Он играл своему дому, кухне с ореховым буфетом и маминой коллекцией тарелок, с жестяными банками, расставленными по росту, и с зелеными ставнями; гостиной, где пахло канифолью, и отцовскими анисовыми леденцами; своей комнате, которая до сих пор была обставлена именно так, как ему нравилось, и комнате Элизабет, и картине с цветущим

лугом, которой полагалось висеть над ее кроватью.

Месяц-лодка плывет,
В колыбельку зовет.
Спи, малыш мой, усни...

Он играл кукушке, поджидающей за дверцей в часах, когда будет пора отмечать четверть часа.

...Небо тебя храни!

Фридрих лег одетым на свою лежанку — он ее перевернет, когда проснется утром. Натянул на себя одеяло.

И прошептал:
— Спокойной ночи.

На фабрике Фридрих старался держаться как в любой другой понедельник.

Он притворялся, будто нести с собой наплечную сумку, прикрывая ее сложенным пальто, — самое обычное дело. И спрятать эту сумку в шкафчик возле рабочего стола, зная, что у самых его ног лежат сотни рейхсмарок, — будничное происшествие, ничего особенного. Он как ни в чем не бывало отправил одного из учеников передать господину Эйхману, что не сможет ему почтить после обеда, потому что дяде Гюнтеру понадобится помощь, когда он вернется от зубного. А когда в цех заглянул господин Карл, Фридрих отдал ему домашнюю работу по математике, но попросил перенести ее разбор на завтра по той же самой причине — сегодня ему придется уйти пораньше.

Он, не разгибаясь, трудился над гармониками, проверяя их и полируя тряпочкой. Вскоре к нему подошел Ансельм с очередной коробкой.

— Фридрих, в четверг будет праздничный митинг по случаю зимнего солнцестояния. Можем пойти вместе прямо отсюда, в два часа. Надеюсь, ты на этот раз не откажешься...

— Я пойду. — Фридрих заставил себя улыбнуться.

— Конечно, пойдешь! И не разочаруешься. А я выполню обещание, данное твоей сестре. Наверняка она удивится, что я все-таки тебя уговорил. Но я умею убеждать, верно?

Фридрих кивнул, возвращаясь к работе:

— Верно.

Весь остаток утра он то и дело поглядывал на часы.

Наконец вынул из кармана гармонику и долго протирал ее. Куда дольше, чем нужно. Он хотел передать гармонику дяде Гюнтеру, но забыл — все мысли были заняты планами побега. А теперь вспомнил дядины слова: «Не бери с собой ничего такого, что тебе дорого, чтобы не отобрали». Фридрих огляделся — не смотрит ли кто — и напоследок подул в отверстия гармоники, что все это время придавала ему сил и решимости. Аккорд показался полным надежды. Фридрих провел пальцем по букве «В» и со стесненным сердцем убрал гармонику в коробочку, а коробочку пристроил в другую коробку, побольше, вместе с дюжиной других. Скоро их упакуют в ящик, погрузят в поезд, и паровоз отвезет ящик на грузовое

судно, которые уплывет из Германии в огромный мир.

— *Gute Reise*, старый друг! Счастливого пути! — прошептал Фридрих, гадая, кто теперь будет играть на этой гармонике и подарит ли она тому человеку такие же радость и утешение, какие подарила ему.

Прозвучал гудок на обед. Фридрих подождал, пока цех опустеет, вытащил из шкафчика сумку, снова прикрыл ее сложенным пальто и вышел на улицу.

Сыпал легкий снежок. Дыхание застывало в воздухе клубами пара. За воротами Фридрих остановился и надел пальто. Руки дрожали. От страха или от холода? Он натянул шапку на самые уши и обмотал вокруг шеи шарф, так что лица почти не было видно. Закинул сумку на плечо и пошел на станцию.

Там купил билет. Среди дня пассажиров было немного. Фридрих сел на скамью под козырьком и стал смотреть, как падают снежинки. Он слышал шарканье метлы — железнодорожный сторож сметал снег с платформы. Хихикали две девушки на соседней скамейке, дребезжала тележка носильщика. Фридрих подсунул руки под себя, чтобы не начать дирижировать.

Поезд прибыл по расписанию и остановился в облаке пара.

Фридрих сел у окна.

В вагон вошли двое солдат.

— Проверка! Всем предъявить документы!

У Фридриха сильно застучало сердце. Он узнал голоса! Те же самые штурмовики приходили к ним домой и забрали отца, а Фридриха называли мерзким уродом. Не они ли и разгром в доме устроили? Что теперь? Вдруг они захотят его задержать?

Эйфель и Фабер проверяли одного пассажира за другим, постепенно продвигаясь по вагону. Наконец Фабер остановился рядом с Фридрихом:

— Ваши документы!

Фридрих трясущимися руками достал из кармана удостоверение личности, протянул ему.

— Цель поездки?

— К родным на праздники.

Фабер бегло проглядел документ и вернул Фридриху:

— Все в порядке.

Он пошел дальше.

Фридрих перевел дух.

И тут перед ним остановился Эйфель.

— Постой-ка!

Фабер обернулся.

Эйфель сдернул с Фридриха шапку и потянул вниз шарф.

— Э-ге-ге! — сказал Эйфель. — Кто это у нас тут? Уродский сынок любителя евреев! Я всегда говорю: яблочко от яблоньки недалеко падает!

Фридрих крепче вцепился в сумку. От страха сдавило горло. Он переводил взгляд с одного штурмовика на другого.

Фабер расправил плечи:

— Именем Адольфа Гитлера и Третьего рейха, Фридрих Шмидт, отдай сумку и выйди в проход! Мы проведем обыск!

Фридрих начал задыхаться. Неужели его путешествие оборвется, еще не начавшись?

Локомотив запыхтел, разводя пары.

Фридрих медленно встал и шагнул в проход.

Налетел ветер, за вагонными окнами взметнулся снежный вихрь. Все обернулись посмотреть. Огромные хлопья снега плясали, словно танцовщицы в балете Чайковского.

Фридрих услышал вальс из «Спящей красавицы» в исполнении симфонического оркестра. Струнные, медные и деревянные духовые, ударные — сотни инструментов. И в этот миг случилось нечто мистическое. Фридрих не смог бы сказать, была ли это инстинктивная попытка отвлечь солдат или еще что-нибудь, но он не совладал со своими руками. Уронив сумку на пол, он начал дирижировать.

Фабер с отвращением посмотрел на него, схватил сумку и начал в ней рыться.

— Прекрати эту дурь! — заорал Эйфель, пытаясь залезть Фридриху в карман. — Скоро тебя посадят под замок, полоумный!

Эйфель и Фабер за шиворот поволокли его к выходу из вагона, а Фридрих видел перед собой снежных балерин. Словно крошечные, ослепительно белые звездочки, они кружились и взлетали в такт чарующей музыке.

Раз-два-три... Раз-два-три... Раз-два-три...

Часть 2

Июнь 1935 г.
Округ Филадельфия, штат Пенсильвания
Соединенные Штаты Америки

ПРЕКРАСНАЯ АМЕРИКА^[11]

6 6 5 5 6 6-4 -4

Прек-рас-на-я прос-то-ра-ми

5 -5 6-6 -7 6

Сво-их не-бес, до-лин,

6 6 5 5 6 6-4 -4

Ян-тар-ных нив у-зо-ра-ми,

— 8-8 -8 8-6 -8

Ве-ли-чи-ем вер-шин,

6 8 8-8 7 7-7 -7

А-ме-ри-ка, А-ме-ри-ка,

7 -8 -7 -6 6 7

Да бу-дет Бог с то-бой

7 7-6 -6 7 7 6 6

И брат-ство сде-ла-ет в стра-не

6 -6 7 6-8 6

Все-об-ще-ю судь-бой!

Всю ночь напролет Майк Фланнери маялся от жары в общей спальне старших мальчиков и наконец уткнулся носом в подушку, наслаждаясь прохладным ветерком, который повеял в открытое окно на втором этаже приюта Бишопа для одиноких и обездоленных детей.

За окном, предчувствуя утро, ворковал голубь. Капала вода из крана. Скрипели пружины узких кроватей, в которых беспокойно ворочались мальчишки.

Сквозь паутину снов до Майка донесся характерный свист Фрэнки — шесть нот из «Прекрасной Америки», сигнал для чрезвычайных случаев.

Майк приподнялся на локте и потер глаза, надеясь, что ему послышалось. Но свист раздался снова, и в голове отозвались слова: «Всеобщую судьбой»... Майк сбросил простыню, на цыпочках подобрался к окну и выглянул.

Возле куста гортензии стоял его младший брат Фрэнки и показывал пальцем на дуб, растущий вплотную к кирпичной стене дома.

Майк вернулся к своей койке, натянул рубашку и штаны, поправил подтяжки, стараясь не разбудить девятнадцать соседей по спальне. Провел рукой по обкромсанным волосам. Накануне в приют приходил парикмахер, который бесплатно стриг мальчишек, и так обкорнал Майка, что чубчик над левой бровью торчал прямо вверх, словно восклицательный знак. И без того плохо, когда ты в одиннадцать лет вымахал шести футов ростом, да еще и рыжий. А привлекать к себе лишнее внимание и того хуже. Майк нацепил кепку.

Он босиком прокрался мимо двери миссис Годфри, смотрительницы на этаже. Мощный храп за дверью его успокоил — в ближайшее время она явно не проснется. Майк выскользнул на лестницу, затворил за собой дверь и побежал, прыгая через две ступеньки, на площадку между этажами. Там приоткрыл окно и высунул голову наружу.

Фрэнки уже забрался на дерево и устроился в развилке. Помахав брату, он полез вверх.

Майк отвел глаза. Он боялся высоты, а когда смотрел прямо вниз, начинала кружиться голова. Он ждал, упорно разглядывая пейзаж за окном. От приюта до Филадельфии было всего два часа на автомобиле, а казалось, они находятся в каком-то неведомом краю — вокруг тянулись бесконечные поля.

Фрэнки был уже напротив окна — держась за ветку у себя над головой, он словно канатоходец шел по длинному суку. Мелюзга вообще ничего не боится! Майк не дышал, пока Фрэнки не перекинул ногу через подоконник и не перевалился на площадку.

Майк помог ему подняться.

— Что вскочил ни свет ни заря? Если миссис Деленси узнает, что ты выходил наружу до утреннего звонка, она нажалуется Пенниуэзер, и тебя опять посадят в чулан.

Он вытащил застрявшие в волосах малыша прутики. Фрэнки вчера тоже был у парикмахера. Его, как и всех младших, постригли «под горшок».

— Ненавижу, когда ты лазаешь по деревьям!

— Звычайный случай, — прошептал Фрэнки, глядя на брата честными глазами. — Пришлось лезть. Боковая дверь еще заперта, а парадную дверь отпирать — слишком много шума.

— Что случилось-то? — спросил Майк, подталкивая его к лестнице.

Фрэнки сел на ступеньку, а Майк устроился двумя ступеньками ниже, чтобы не нависать над братом.

Что они братья, было видно с первого взгляда. Фрэнки — точь-в-точь Майк, только на четыре года младше. Правда, волосы у него не такие ярко-рыжие, скорее каштановые. Оба белокожие, с веснушками, но у Фрэнки веснушек меньше. Оба высокие для своего возраста — Майк долговязый, неуклюжий и молчаливый, а Фрэнки поджарый, спортивный и болтун.

— Вчера миссис Деленси вечером загоняла нас в постель, — начал рассказывать Фрэнки. — Мы с мальчишками не хотели спать и спрятались. Она меня нашла, как дернет за руку и сказала, что ждет не дождется, когда наконец от меня отделается. Говорит, Пенниуэзер предупредила, что в пятницу нас с тобой вызовут наверх. Это завтра! Приедут выбирать мальчишек.

У Майка перехватило дыхание:

— Нас отдадут в приемные семьи?

— Если мы им понравимся. А вдруг Пенниуэзер опять захочет нас разлучить?

— Я тебе уже говорил, никто нас не разлучит. Мы с тобой заодно, помнишь? — Майк поднял стиснутый кулак.

Фрэнки сжал кулачок и стукнул по кулаку Майка.

— Ага! Мы с тобой заодно.

Майк помог ему встать.

— Иди давай, пока миссис Деленси не проснулась. Как ты к себе

проберешься?

— Меня у окошка друг ждет, Джеймс.

Майк подсадил Фрэнки на подоконник, чтобы он мог спуститься тем же путем, каким пришел. Майк посмотрел через двор на общежитие младших мальчиков. Здание было точно такое же, как и у старших: кирпичное чудище, похожее на крепость, со сложным узором «ёлочкой», окаймляющим окна и двери. Кому-то здания могли показаться красивыми, но Майк мало хорошего мог сказать о приюте, где чувствовал себя не дома, а как будто в собачьем питомнике.

Они с братом прожили в приюте чуть больше пяти месяцев — ничто по сравнению с тем, сколько времени провели здесь другие мальчишки. По будням полагалось ходить в школу, но уже с первого мая вместо занятий мальчиков отправляли работать на соседние фермы. Лучше уж сидеть на уроке... А Фрэнки так и вовсе надо учиться: он и читает-то с трудом.

Майк мерил шагами площадку, пока не услышал свист — значит, Фрэнки благополучно спустился на землю. Майк бросился к окну и успел увидеть, как Фрэнки перебежал через дорожку и стукнул в окно первого этажа. Окно открылось. Джеймс помог Фрэнки забраться внутрь. Майк изумленно покачал головой. Братишка уже завел тут столько друзей, что и не сосчитать.

А Майк ни одного. Ну и ладно. Старшие к нему не цеплялись — побаивались из-за его габаритов, но и в компанию не брали. Майк их за это не винил. Он не увлекался спортом, держался всегда сам по себе и был слишком серьезным. Просто ничего не мог с собой поделаться.

Он обещал бабушке, что позаботится о Фрэнки. Эта ответственность приросла, будто лишней слой кожи. Только подумаешь, что можно вздохнуть свободней или хоть засмеяться громко, тут же стягивает как тисками. Что бы ни происходило, Майк всегда первым делом просчитывал, что может случиться плохого и, если случится, как защитит Фрэнки.

Майк тихонько прокрался снова в спальню. На соседней койке разметался Мышонок. Он был старше Майка, еще выше ростом и едва умещался на узкой кровати. Майк осторожно обошел его и улегся на свой плоский матрас. В серых предрассветных сумерках он рассматривал трещинки в краске на потолке.

Может, завтра их заберут отсюда в приемную семью. Может, там даже будет пианино. Майк потер лоб. Хоть и больно такое думать, но он обойдется и без пианино, лишь бы люди были приличные и разрешили им с Фрэнки остаться вместе.

С другой стороны, вдруг их с Фрэнки отдадут каким-нибудь злобным

гадам?

Всегда может много чего случиться плохого.

В пятницу, в три часа пополудни Пенниуэзер вызвала их к себе.

Майк и Фрэнки сидели и ждали в комнате для посетителей, рядом с кабинетом директрисы. Шторы на окне раздернули, и в комнату лился солнечный свет, от него все казалось веселым и жизнерадостным. Длинный стол со скамьями по бокам. На столе — большая миска с блестящими яблоками и ваза с цветами. Пенниуэзер любила обставить все красиво.

Дверь в кабинет была открыта, и Майк слышал, как директриса говорит по телефону.

— Музыкальные инструменты? Да, у нас есть пианино... Кое-кто из мальчиков умеет... Конечно, я учту... Да, разумеется, можно послушать. Инструмент очень хорошего качества. Нет, никаких возражений. Через неделю, в час дня, и если вам понравится, вы сможете забрать... Да-да, до свидания.

Майк дернулся. Пенниуэзер продает пианино?

Старенькое пианино стояло в столовой, давно расстроенное после того, как мальчишки год за годом колотили по клавишам. Одна педаль сломана, и все-таки на нем еще можно играть. В свои первые дни в приюте Майк, давясь, заглатывал еду и бросался к инструменту. Пенниуэзер быстро положила этому конец. Заявила, что за обедом и так шумно — тарелки бренчат, мальчишки галдят, незачем еще добавлять грохоту.

Майк исхитрился обойти ее запрет. Когда все расходились из столовой, в том числе и директриса, Майк оставался убирать со стола и относить грязную посуду на кухню. И если сделать это быстро, до отбоя оставалось еще полчаса или даже больше. Иногда Фрэнки тоже задерживался, и они играли в четыре руки. Поначалу поварихи на кухне швырялись в них хлебными корками, но потом оценили качество исполнения и уже сами просили что-нибудь сыграть. Хоть пианино в ужасном состоянии, все-таки жаль с ним расставаться. С другой стороны, какая разница, если их все равно отдадут в приемную семью?

Пенниуэзер вышла из кабинета.

Фрэнки подбежал к Майку и уцепился за его руку.

Директриса стояла перед ними в темно-синем платье с глухим воротом, и вид у нее был суровый. Седые волосы стянуты в пучок с такой силой, что глаза начинают косить. Майк подумал — ей, наверное, больно.

— Стойте прямо и не шаркайте ногами, — приказала она. — Мистер и

миссис Ратледж вот-вот приедут. Они последние посетители на сегодня. Помалкивайте, если только вас не спросят о чем-нибудь. И постарайтесь произвести приятное впечатление. Им нужны два мальчика. Сами знаете, такое нечасто бывает.

У Майка сильно забилося сердце. Они хотят взять двоих?!

Фрэнки улыбнулся, глядя на него снизу вверх. Майк вытер у брата со щеки какую-то грязюку. Штаны у Фрэнки были разорваны, ботинки надеты на босу ногу. Рубашка Майка — заношенная и вся в пятнах. Бабушка дала им с собой чисто выстиранную и отутюженную одежду, но все это исчезло без следа в уютной прачечной, откуда вещи выходили одинакового тускло-серого цвета.

— Как я выгляжу, нормально? — спросил Фрэнки.

— Мышонок говорит, обшарпанных скорее возьмут, потому что пожалеют, — шепнул Майк.

Если это правда, то они с Фрэнки, считай, уже на пути из приюта.

Дверь открылась, и в комнату вошли посетители. Мужчина в рабочем комбинезоне и синей рубашке держал в руках широкополую шляпу. Фермеры. Но Майк не боялся тяжелой работы, лишь бы люди попались добрые.

Женщина в белых перчатках и с сумочкой под мышкой нервно крутила пуговицу на ситцевой блузке.

— Мистер и миссис Ратледж! — заулыбалась Пенниуэзер. — Добро пожаловать в Приют Бишопа для...

— Вот эти мальчишки? — перебил ее мужчина.

— Да, это они. Майкл и Франклин Фланнери.

— Я, конечно, говорил, что мне нужны двое, но по дороге сюда я заехал в государственный приют и взял там двух крепких парнишек. Отличные помощники на ферме. Взрослым работникам платить надо, а я могу предложить только стол и жилье. Времена нынче тяжелые, сами знаете. Да матушка, видите ли, мечтает, чтобы в доме был малыш. Ну, я и согласился.

Тут вперед вышла женщина:

— Курочек кормить, сорняки дергать, всякое там по мелочи.

Фермер стиснул руку Фрэнки повыше локтя, словно проверяя мускулы.

— Тощенький он какой-то.

Фрэнки вырвался.

— Уверяю вас, мистер Ратледж, он сильнее, чем кажется с виду! — воскликнула Пенниуэзер. — А если хотите еще одного мальчика того же

возраста, можете взять обоих на тех же условиях, что мы обсуждали по телефону.

— Это дело! Ты как, матушка?

Женщина пожала плечами:

— Иногда с двумя проще чем с одним. Тут как со щенками.

У Майка больно колотилось сердце. Они берут двух младших, а его не возьмут?

Он прижал Фрэнки к себе.

— Мы братья! Мы — только вместе!

Мужчина оценивающе уставился на Майка, потирая подбородок.

— Умеешь что-нибудь? Крышу класть? Забор ставить? Трактор водить?

Майк запнулся:

— Я... на пианино играю.

— Это нам ни к чему. Двух помощников для пахоты я уже добыл. Возьму только младших.

Пенниуэзер бросила на Майка грозный взгляд.

— Это прекрасная возможность для Франклина...

— Нет! — завопил Фрэнки, обеими руками обняв ногу Майка.

— А вот этого не надо! — Фермер дернул Фрэнки за плечо.

Майк оттолкнул мужчину:

— Не тронь моего брата!

Мистер Ратледж попятился:

— Минуточку! А ну, без рук!

Фрэнки бросился к нему, схватил за руку, потянул ее ко рту и укусил со всей силы.

— А-а-а! — заорал мистер Ратледж.

— У него кровь! — взвизгнула жена.

На руке фермера и впрямь виднелись кровавые брызги. Он вытащил из кармана платок и обмотал раненую руку.

Фрэнки повис на Майке, обхватив его ногами за пояс и уткнувшись лицом в шею.

— Бесполезно, мистер. — Майк покрепче прижал Фрэнки к себе. — Он все равно ударит. Без меня вам от него толку не будет.

— Сколько живу, а такого не видел, — хмыкнул фермер и повернулся к Пенниуэзер: — Кого вы тут растите, зверенышей каких-то? Пошли, матушка!

Он открыл перед женой дверь, посмотрел на мальчишек с отвращением и захлопнул за собой дверь.

Майк поставил Фрэнки на пол. Пенниуэзер была мрачнее тучи; брови поползли так высоко наверх, что чуть не затерялись в волосах. Она прошла через всю комнату, распахнула дверь и приказала Фрэнки, тыча пальцем через порог:

— Подожди там!

Захлопнув за ним дверь, она повернулась к Майку.

Он чувствовал, как горит лицо. Наверняка на щеках красные пятна. Когда он смущался или злился, то мгновенно вспыхивал, словно градусник тяжелобольного. Бабушка говорила, это оттого, что у него волосы рыжие и светлая кожа.

— С тех пор как вы у нас, твоего брата дважды хотели забрать в семью. В первый раз он плюнул на грудного ребенка посетительницы. А теперь вон что! Для маленьких дикарей вроде него существуют заведения похуже Бишопы!

Майк быстро сказал:

— Он не нарочно! Он просто не хотел со мной расставаться. С другими мальчишками он хорошо ладит. Он не против здесь быть, лишь бы со мной.

Пенниуэзер скрестила руки на груди:

— Не так-то просто уговорить людей одного ребенка взять, не то что двух!

Майк выпрямился во весь рост, глядя на директрису с мольбой:

— Вы обещали бабушке!

— Я обещала, что постараюсь пристроить вас обоих вместе, но не брала на себя никаких обязательств. — Пенниуэзер изобразила улыбку, хотя глаза оставались по-прежнему злыми. — Скоро все это не будет иметь никакого значения. Приют Хатауэй в округе Монтгомери переполнен мальчишками старше четырнадцати. Меня попросили освободить для них места — не даром, конечно. Младшие мальчики, кто еще останется до сентября, отправятся в государственный приют.

У Майка было такое чувство, словно кто-то выдернул ковер у него из-под ног. Он ухватился за стол.

— Тогда я вместе с Фрэнки перейду!

— Не перейдешь, если я тебя отправлю на ферму работать.

— Это незаконно, мне нет еще четырнадцати! Мне двенадцать только через полгода исполнится!

Пенниуэзер покачала головой:

— Кто поверит, что тебе нет еще четырнадцати? Вон какой дылда вымахал! Возьму и скажу, что ты поступил к нам без свидетельства о

рождении. Такое сплошь и рядом случается. Отправлю на ферму за полсотни миль от приюта, да хоть вообще в соседний округ! А ты надейся, что на Франклина найдутся желающие до сентября, и пускай он ведет себя хорошо, не то угодит в государственный приют, пока ты трудишься где-то там, на куличках. Потолкуйте об этом между собой, пока будете сидеть в чулане.

С того самого дня, как они оказались в приюте Бишопа, Майк беспокоился о том, что их с Фрэнки могут разлучить. Эта мысль черной тучей висела на краю сознания — постоянно, неотступно. Он думал, еще есть время, целых два с половиной года, чтобы найти какой-нибудь выход.

А оказывается, гроза вот-вот грянет.

Просторный, словно средневековое подzemелье, чулан помещался под кухней.

Когда-то стены в нем побелили, но сейчас краска пообтерлась и местами проглядывала кирпичная кладка. Через окошко под самым потолком падал косой луч света. Всю заднюю стену занимали шкафчики. Посреди чулана стоял узкий деревянный стол. Скамьи были отодвинуты к боковой стене.

— Здесь хоть прохладно, — сказал Фрэнки.

Майк сел на скамью, опираясь спиной о стену.

Фрэнки уселся рядом.

— Прости, что я его укусил.

Майк взлохматил брату волосы.

— Да я не сержусь.

Фрэнки рассматривал шкафчики, запертые на висячие замки:

— Как ты думаешь, что там?

— Наверное, все, что она отняла у мальчишек, — ответил Майк.

— Например, губные гармоники, которые нам бабушка подарила?

— Например, гармоники.

Пенниуэзер конфисковала гармоники в первый же день. Сказала, если у каждого мальчика в приюте будет по гармонике, она умом тронется от шума. Сунула гармоники в коробку, и больше братья их не видели.

Фрэнки лег на скамью и уставился в потолок, заложив руки за голову.

— Расскажи еще раз историю.

Незачем было спрашивать какую. Фрэнки всегда просил только одну историю.

— Твоя очередь рассказывать. — Майк знал, что Фрэнки все равно станет перебивать и почти все расскажет сам.

— Ладно, — согласился Фрэнки. — Наши мама и папа жили в городе, где был лесопильный завод.

— В Аллентауне, — подсказал Майк.

— Сейчас я рассказываю, не мешай, — сказал Фрэнки. — В Аллентауне. Когда я был еще совсем грудной младенец, на заводе случилась авария, и папа погиб. Мама привезла нас к бабушке, потому что у нас денег не было и хозяева хотели выгнать нас на улицу.

— Домохозяйева, — поправил Майк.

— Ага. И вот мама нашла работу в закусочной, и мы жили все вместе у бабушки, и там было очень тесно.

— А где это было? — спросил Майк.

— Филли. Мальчишки так называют Филадельфию, сокращенно.

Майк кивнул, вспоминая крохотную бабушкину квартиру на третьем этаже с написанным от руки плакатиком в окошке: «Уроки игры на фортепиано». Пианино стояло в гостиной, и, пока бабушка вела урок, Майку было велено сидеть в спальне и развлекать Фрэнки. В теплую погоду, если Фрэнки засыпал, Майк устраивался на крыльце и играл на губной гармонике. Он уже тогда мог повторить любую песню, которую слышал по радио.

— А мама нам пела, — сказал Фрэнки.

— Каждый вечер. «Ты свети, звезда моя», «Спи, моя радость, усни»...

— А потом она заболела чахоткой.

— Чахоткой, — поправил Майк.

— Угу. Все время кашляла и худела, а потом пошла в больницу, но даже доктор не смог ее вылечить. Было грустно, только я этого не помню, потому что мне два года всего было, а тебе шесть, поэтому ты помнишь.

— Я помню, — прошептал Майк.

Бабушка занималась с Мэрибет Фланаган из квартиры напротив. Когда Мэрибет доиграла песню «Прекрасная Америка», бабушка покачала головой и сказала: «Мэрибет, я прыгала бы от радости, если бы ты как следует разучила эту песню и вложила в нее чуточку души. Поупражняйся эту неделю, потом приходи и порадуй меня».

Тут как раз мама вернулась с работы. Она вошла в комнату, посмотрела на бабушку, на Мэрибет Фланаган, на Майка и упала без чувств. Когда она очнулась, бабушка побежала звать соседей на помощь. Маму отвезли в больницу, а миссис Фланаган пришла посидеть с Майком и Фрэнки. Вернулась только бабушка.

Майк целыми днями стоял у окна и ждал маму. Бабушка ласково уводила его прочь, а он все равно возвращался на то же место, как почтовый голубь летит в свою голубятню. Казалось, не было ни минут, ни часов, только бесконечно долгий день, полный ожидания. День этот продолжался две недели, а потом бабушка сказала ему, что у мамы не хватило сил жить в этом мире.

А какой еще бывает мир? И где он?

Потом бабушка старалась занять его игрушками и книгами, но ничего не помогало, пока она не усадила его рядом с собой за пианино. Бабушка вела уроки, а Майк смотрел, как бегают по клавишам пальцы других детей,

и слушал щелчки метронома.

Однажды в промежутке между уроками бабушка оставила его одного на скамеечке за пианино. Майк потянулся к клавиатуре, положил пальцы на клавиши, как делали ученики, и надавил. Но вместо гармоничного аккорда раздался резкий, мучительный звук, словно вся его печаль передалась клавишам и черная тоска отразилась в их звучании. Он расставил пальцы пошире и стал бить по клавишам, еще раз и еще, так что вся комната наполнилась его горем.

Бабушка вернулась в комнату, увидела его искаженное лицо, руки, отчаянно колотящие по клавишам, и упала в кресло, сама заливаясь слезами.

Вечером она начала учить его по-настоящему. Каждый раз, когда он разучивал новую мелодию, казалось, что в ней отражаются его боль, и злость, и любовь. Бабушка сказала, что Бог дал ему талант к музыке. Майк втайне думал, что это мама послала ему подарок, чтобы слышать его игру из того, другого мира. Иногда он даже воображал, что мама ему подпевает.

— Майк! Ты слушаешь?

Фрэнки сел на скамью в чулане и потряс брата за руку.

— Ага, слушаю.

— Бабушка нас любила и заботилась о нас.

— Да, — сказал Майк. — У нас почти ничего не было, но она у нас была всегда.

Последние годы их жизни у бабушки были трудными. Вокруг многие остались без работы. Уроки игры на фортепиано стали роскошью, а если кто и мог их себе позволить, то часто расплачивались продуктами или поношенной курткой для Майка или Фрэнки. Бабушка еле-еле наскребала денег на квартплату. И все равно каждое воскресенье в хорошую погоду бабушка открывала окна, и они с Майком по очереди играли на пианино для соседей. Брамс, Шопен, Моцарт, Дебюсси. Бабушка говорила, что в трудные времена людям нужно немного красоты и неважно, могут ли они уплатить за квартиру или стоят в очереди за бесплатными обедами. Она говорила — если человек бедный, это не значит, что он беден сердцем.

— Потом бабушка стала совсем старенькая и слабенькая и больше не могла о нас заботиться. Тогда она привела нас в приют Бишопа, потому что только здесь было пианино, — сказал Фрэнки.

Майк закрыл глаза. Он словно и сейчас видел, как бабушка стоит в кабинете Пенниуэзер, а рядом с ней медсестра. Сухонькая и трясущаяся, бабушка обняла их в последний раз. Голос у нее дрожал. «Милые вы мои, ведите себя хорошо, обещайте беречь друг друга! Обязательно найдется

хороший человек, которому будут нужны два таких славных мальчика. Я это знаю всей душой».

Майку показалось, что потолок давит на него.

— Точно, Фрэнки, — сказал он, стирая слезы со щеки. — Она выбрала приют Бишопа, потому что здесь есть пианино.

— А потом бабушка переехала в дом престарелых, а потом умерла, — сказал Фрэнки. — Я по ней скучаю.

Майк обнял его за плечи.

— Вот и конец истории, — прошептал Фрэнки.

— Не-а. Не конец, — сказал Майк. — Помнишь, как там дальше? Когда-нибудь мы уйдем из приюта и переедем... Ну, давай, ты же рассказываешь!

— В Нью-Йорк! — Фрэнки взмахнул рукой. — Большое яблоко! [\[12\]](#) Бабушка туда ездила однажды, и ей там очень-очень понравилось.

— Мы будем там жить, — сказал Майк. — Это будет наш город.

— Мы поедem на поезде. А потом нарядимся и пойдem на концерт в Карнеги-холл, как бабушка, — сказал Фрэнки.

— Правильно, — отозвался Майк. — Она всегда хотела нас туда сводить.

— Там будет большой блестящий черный рояль, да? — сказал Фрэнки. — И знаменитый пианист, и оркестр.

— Точно, — сказал Майк. — В зале будет полно народу, и даже на балконе. Бабушка говорила, балконы там золотые, а сиденья красные. А музыканты все в черном. А в самом конце...

— Дай я, я скажу! — закричал Фрэнки. — Мы встанем и будем хлопать и кричать «Браво! Браво!».

Майк кивнул. Он не сказал Фрэнки, что, когда воображал концерт в Карнеги-холле, видел себя не в зале на красном бархатном сиденье. Майк видел себя на сцене в черном смокинге; он стоял возле рояля и раскланивался.

— А после концерта мы с тобой поедem обедать в ресторан и закажем бифштекс и мороженое. Не то что здесь, а, Майк?

Майк посмотрел на Фрэнки в обносках. Было слышно, как у голодного малыша бурчит в животе.

— Да уж. Обещаю, совсем не то что здесь.

Обед уже давно закончился, когда Пенниуэзер наконец выпустила Майка и Фрэнки из чулана и отправила по спальням.

На этаже Майка почти все мальчишки собрались около радиоприемника. Они слушали передачу «Бак Роджерс в XXV веке». Наверное, они хорошо вели себя за обедом, раз миссис Годфри им разрешила. Майк плюхнулся на свою койку.

На соседней койке Мышонок читал комиксы в газете недельной давности. Он сел, вытащил из-под подушки два яблока и ломоть хлеба и протянул Майку.

— Ты пропустил только тушеную курицу с подливкой из непонятно чего. Я утащил еду для Фрэнки, передал через его приятелей. Сопляки, по моему, решили, что это самое ответственное задание в жизни.

— А, спасибо! — сказал Майк, вгрызаясь в яблоко.

Мышонок был одним из старших в приюте — почти шестнадцать. Другие мальчишки его сторонились, потому что он был у Пенниуэзер любимчиком, но Майк считал, что он неплохой. По-настоящему его имя было Стивен, но никто его так не называл. Молочно-бледная кожа, светлые глаза и белобрысые волосы — понятно, откуда прозвище.

— Сегодня Дэнни Мориарти ходил в медкабинет рядом с комнатой для посетителей, — сказал Мышонок. — Он слышал, что там было. Ты правда тому дядьке врезал? А Фрэнки его укусил, аж до крови?

Майк кивнул.

— Ну, не то чтобы врезал, просто пихнул. А Фрэнки ему следы зубов оставил, ага.

— Я слышал, Пенниуэзер тебя внаймы сдавать собирается.

— Мне четырнадцати даже близко нет! — сказал Майк.

Мышонок пожал плечами.

— Тут понимать надо: приют Бишопы — доходное предприятие. Тебя раньше у нас летом не было, ну вот посмотришь. Фермеры с утра пораньше приезжают и разбирают мальчишек постарше на работу, на весь день. Если ферма далеко, берут на неделю или больше, а потом привозят обратно, когда закончат пахоту или сбор урожая. Платят гроши, и те все идут Пенниуэзер, на одежду и учебные пособия. Ты здесь видел одежду или учебные пособия?

— Почему никто не жалуется?

— Некому жаловаться, — ответил Мышонок. — Владелец приюта, старина Бишоп, живет в городе. Поварихи говорили, Пенниуэзер обязана раз в месяц давать ему определенную сумму, он и доволен. Все, что сверх, — ей в карман. Сами они и пикнуть не смеют, потому что у всех мужья сидят без работы. Пенниуэзер правда говорила, что всех младших сплавит и наберет мальчишек из Хатауэя?

Майк снова кивнул.

— Старшие деньги приносят, а младшие только место занимают. Она деловая. — Мышонок пожевал губу и тряхнул головой. — Мне будет непросто. Я уже не буду одним из самых старших. Может, пора мне...

Майк нахмурился:

— Я думал, тебе здесь хорошо живется. Ты у Пенниуэзер...

Он спохватился и захлопнул рот.

— Любимчик? Да я и не скрываю. Я к ней подольститься умею, а она мне послабления делает. Что тут такого? Кстати, завтра утром я поеду с телегой, повезу кое-что в «Четыре угла», потому что грузовик сломался. Она мне велела взять кого-нибудь с собой. Хочешь? К полудню вернемся. Лучше, чем вкалывать на ферме Отиса, выпалывать сорняки и таскать камни с поля. Кто-нибудь из наших предупредит Фрэнки.

Майк разглядывал огрызок яблока. Он не покидал приют с того дня, как они сюда поступили. А по выходным никого не забирают в приемные семьи, так что Фрэнки не вызовут. Малыш любил работать у Отиса, потому что в конце рабочего дня мистер Отис давал каждому мальчику по монетке в один цент.

— Поеду, — кивнул Майк.

Еще не рассвело, а Майк с Мышонком уже ехали на телеге прочь от приюта.

По обеим сторонам дороги тянулись кукурузные поля. Ничего не видно, только зеленые стебли и серое небо. Веяло предутренней прохладой, мерный перестук лошадиных копыт убаюкивал. Поначалу оба молчали. Взошло солнце. Поля кончились, и перед ними распахнулись просторные луга.

— Красиво! — Мышонок толкнул Майка локтем.

— Все красивей, чем у Бишопы.

Майк мотнул головой на телегу. Они с Мышонком погрузили на нее дюжину ящиков, подстелив старое одеяло, чтобы груз не слишком побился от тряски.

— Что в ящиках-то?

— Считается, что это секрет. Но я как-то заглянул в чулан, когда

Пенниуэзер еще не закончила их упаковывать. Шкафчики стояли незапертые, битком набитые консервированными фруктами. Персики, сливы, компоты, варенье — все, что хочешь. На этикетках было написано «Помощь методисток». Знаешь, такие церковные дамы, каждый месяц к Бишопу навещаются?

— Которые все время улыбаются и с корзинками, а корзинки крышками накрыты? — спросил Майк.

Мышонок кивнул.

— Они привозят кучу банок с фруктами для бедных сироток — для нас то есть. Пенниуэзер переклеивает этикетки, банки продает и денежки себе забирает. Я однажды заметил, что у одной банки крышка неплотно закатана, и спросил, можно ли ее взять. Говорю, все равно никто такую не купит, а я, мол, персики очень люблю. Все, мол, говорят, какая вы справедливая. Ну, она мне и разрешила всю банку слопать.

— Выходит, у Пенниуэзер тоже есть сердце...

— У всех есть сердце. Только иногда приходится потрудиться, пока его найдешь. Я одну штуку усвоил: если хочешь от взрослых что-то получить или выведать, надо подойти и попросить вежливо. Почти всегда получишь то, чего хочешь. Знаешь поговорку: «На мед мухи ловятся лучше, чем на уксус»?

Бабушка эту присказку тысячу раз повторяла.

— Это значит, вежливостью больше добьешься, чем грубостью.

— Во-во. Так и у Бишопы жить можно. Чем ты хочешь заняться, когда отсюда выйдешь?

Майк нахмурился:

— Не знаю. Мне бы Фрэнки пристроить, дальше я не загадывал.

— Ты сказал Фрэнки, что Пенниуэзер придумала?

Майк помотал головой:

— Духу не хватило.

— Слушай, — сказал Мышонок. — Не отдавай Фрэнки в государственный приют. Там и водяная крыса не выживет. У детей и вши, и блохи. В прошлом году объявили карантин, потому что двое ребят от лихорадки померли. Померли насмерть! Бишоп рядом с ними — прямо отель «Билтмор». В следующий раз, как кто-нибудь захочет Фрэнки забрать, соглашайтесь! Пенниуэзер обязана тебе сообщить, куда его увезут. Закон такой. Сможешь ему письма писать. Говорят, братьев даже навещать позволяют по праздникам. Сам знаешь, тебе у Бишопы сидеть до восемнадцати, а у Фрэнки, может, есть шанс вырваться. Тут нужно хорошо подумать.

Они проехали указатель с надписью: «ЧЕТЫРЕ УГЛА, 2 мили».

Немного не доехав до перекрестка, Мышонок остановил лошадь и сунул Майку в руки поводья.

— Тут я сойду. В бега ударюсь.

— Что? Ты сбегаешь? — Мысли вихрем закружились у Майка в голове. — Эй! Мне неприятности не нужны!

— Спокойно! Отвези ящики в «Четыре угла», получи деньги и отдай Пенниуэзер. Скажи ей, что я смылся и ты не смог меня удержать. Она, конечно, на меня донесет, но пока инспектор по делам несовершеннолетних прочухается, я уже далеко уйду. А ей все равно, лишь бы денежки доставили в целости.

Он спрыгнул с телеги.

— А... куда ты пойдешь? Что делать будешь?

— Не волнуйся, все продумано. После восемнадцати у меня две дороги: в армию США или в Древесную армию.

— Какую-какую?

— Гражданский корпус охраны окружающей среды. Парни его называют Древесная армия. Это часть президентского «Нового курса», чтобы вытащить страну из ямы. Там дают работу таким, как твой покорный слуга. Деревья сажать, разводить рыбу в реках, устраивать парки. Тридцать пять баксов в месяц платят, между прочим. Поработаю годик, посмотрю Соединенные Штаты. А потом пойду в армию, посмотрю весь мир. Один знакомый морпех мне говорил, где-нибудь всегда идет война.

— А до восемнадцати что делать будешь?

— Мне семнадцать почти. Год перекантуюсь как-нибудь. У меня друг работает на вокзале в Филли, пристроит в поезд без билета. Поеду в Нью-Йорк. Жить буду на улицах. Я и раньше так делал. Знаю места, где безопасно спать, где суп бесплатный дают. Даже знаю, как пролезть в кино и на стадион. — Мышонок ухмыльнулся.

У Майка сердце сжалось. Нью-Йорк! Он тоже мечтал туда попасть. Они с Фрэнки вместе мечтали.

Мышонок забрался в телегу и, сдвинув ящики, вытащил из-под них одеяло. Скатал его, словно рулет, сунул под мышку и снова спрыгнул на землю.

— Если Фрэнки пристроишь и захочешь меня найти, моего друга на вокзале зовут Макалистер. Скажешь ему, что ты от меня. Он тебя посадит на поезд и расскажет, где я обосновался.

Мышонок пошел прочь, не оглядываясь и насвистывая на ходу.

Майк смотрел ему вслед. Он старался представить, как это — жить, ни

о чем не беспокоясь, когда у тебя ничего нет, кроме скатанного одеяла и широкого мира перед глазами. Захватывающая мысль — сесть в поезд, уехать в большой город, ночевать где придется и тайком пробираться в кино. Майк в самом деле захотел бы уехать с Мышонок, если бы не Фрэнки. Одному Майку немного нужно. Было бы так легко...

Тут проснулось чувство вины.

«Милые вы мои, ведите себя хорошо, обещайте беречь друг друга!»

Как он мог хоть на минуту подумать о том, чтобы бросить Фрэнки? Мелюзга любит Майка, а Майк любит его. Майк помотал головой, ненавидя сам себя. Что же он за брат?

Мышонок скрылся за холмом.

А Майк тряхнул вожжами, и лошадь потрусилась дальше. Мышонок прав — где-нибудь в мире всегда воюют. У Майка своя война — он сражается за Фрэнки.

Майк доставил ящики в «Четыре угла», получил деньги и отправился назад, в приют Бишопа.

Всю обратную дорогу он чувствовал себя как лесная птица, запертая в доме. Она мечется, натывается на стены, бьется об оконное стекло и напрасно рвется на волю.

В понедельник утром Майк внезапно проснулся от кошмара. Ему снились вши, блохи и лихорадка.

Он резко сел на койке. Сердце суматошно колотилось. Не успел Майк снова лечь, как услышал свист Фрэнки. Это могло означать только одно.

Выбираясь из кровати, Майк словно вновь услышал предупреждение Мышонка: «Не отдавай Фрэнки в государственный приют... Тут нужно хорошо подумать». Если младшего кто-то захочет взять в семью, как его уговорить, чтобы согласился?

Когда Майк вышел на лестницу и открыл окно, Фрэнки уже стоял на ветке, дожидаясь, чтобы его впустили.

Майк помог ему перебраться через подоконник, положил руки брату на плечи и сказал:

— Я обязательно что-нибудь придумаю, обещаю. Ладно?

Фрэнки пожал плечами:

— Ладно... Смотри!

Он вытащил из-за пояса сложенный газетный лист. Сел на пол скрестив ноги и расправил газету. Заголовок тянулся через две страницы: «Волшебные гармоники Хокси» [\[13\]](#).

— Самый большой оркестр губных гармошек. Шестьдесят мальчиков! Миссис Деленси нам вчера вечером читала статью и дала послушать передачу по радио. Она газету выбросила в мусор, а я прокрался обратно и вытащил, пока никто другой ее не взял. Майк, это не похоже вообще ни на что! По звуку — как будто это всякие разные инструменты, а не одни только гармошки.

Майк сел на пол и с тяжелым вздохом привалился к стене.

— Фрэнки, и это, по-твоему, чрезвычайный случай? Мы же договаривались применять условный сигнал, только если дело очень-очень важное?

— Майк, ну ты посмотри! — Фрэнки ткнул пальцем в снимок, занимающий половину страницы. — Джон Филип Суза [\[14\]](#) перед смертью написал песню специально для них, называется «Марш волшебных гармоник». Один раз он даже дирижировал на их концерте. Они играли на парадах, и еще они выступали перед тремя президентами! — Фрэнки начал отсчитывать на пальцах. — Кулидж, Гувер и наш любимый Франклин Делано Рузвельт: «Вновь наступают счастливые дни» [\[15\]](#). Они даже играли

для королевы! Честно! Теперь их прозвали «Волшебные гармоники» и...

— Фрэнки, притормози! Ты прямо как диктор на радио.

Фрэнки прикусил губу.

— Знаешь, официальную гармонику их оркестра можно купить за шестьдесят пять центов, но я скопил всего двадцать три...

Майк не смог сдержать улыбку:

— Фрэнки, в том месяце ты услышал по радио рекламу пшеничных хлопьев и мечтал найти в коробке хлопьев карточку с бейсболистом Лу Геригом. До этого ты мечтал получить планетарную карту Бака Роджерса...

— Только я их не получил, — ответил Фрэнки, — потому что для этого надо было сначала еще что-то другое купить. Для карточки с Лу Геригом — коробку хлопьев, для планетарной карты — этикетку с банки какао. А для гармоники ничего такого покупать не надо. Ее можно просто сразу заказать, понимаешь?

— Фрэнки, а что в этом такого важного, что ты меня высвистывал среди ночи?

Фрэнки затараторил, не переводя дыхания:

— В конце лета будет большой конкурс и призы. Победители получают место в оркестре. А если попадешь в оркестр, дальше уже горя не знаешь. Их директор, Хокси, все оплатит: форму, новую гармонику, уроки музыки. Ну вообще все! Они и на гастроли на собственном автобусе ездят. И каждое лето для них устраивают летний «Гармонический лагерь», бесплатно! Шикарно, скажи? Спорим, мы с тобой могли бы к ним поступить!

Майк прочел подпись под фотографией в газете: «Филадельфийский оркестр губных гармоник под руководством Альберта Н. Хокси. Принимаются мальчики от десяти до четырнадцати лет».

— Фрэнки, тебе всего семь.

Фрэнки ткнул пальцем в мальчика на снимке, в первом ряду.

— Он с виду младше меня!

Майк пригляделся. Фрэнки сказал правду: мальчику на вид было лет пять.

— Тут написано, что он — талисман оркестра. Наверное, чей-нибудь младший брат, немножко умеет играть и хорошо смотрится в форменном костюме.

— Ну ты-то мог бы попробовать! Если тебя примут, может, мне тогда позволят быть талисманом.

Майк покачал головой.

— Думаешь, Пенниуэзер меня отпустит на прослушивание? И как ты собираешься заказывать гармонику с доставкой, чтобы она не узнала? И

даже если мы добудем гармонику, Пенниуэзер не позволит ее оставить себе. Наши она первым делом отняла.

— Я все рассчитал, — ответил Фрэнки. — Младшие дежурят по доставке почты. Мы ходим по двое к почтовому ящику у ворот и приносим почту ей в кабинет. Я договорюсь, мне передадут гармонику, и я ее спрячу. Мы с тобой будем упражняться по очереди, когда работаем в поле. Пенниуэзер не услышит.

Фрэнки снова потыкал пальцем в газету:

— Здесь пишут, что Хокси даже находит приемные семьи для мальчишек, у кого нет родных... Если они играют хорошо. Давай сбежим и попробуем поступить в августе... До того как... До сентября.

Фрэнки нахмурился, уставившись в газетную страницу.

У Майка горло перехватило. Мог бы и догадаться, что Фрэнки узнает о планах Пенниуэзер. Новости в приюте передаются по цепочке, как ведра с водой на пожаре.

— Значит, ты уже слышал, что она хочет отделаться от младших и взять на их место мальчишек из Хатауэя, а меня отправит работать на ферму?

Фрэнки серьезно посмотрел на Майка и кивнул.

Майк обхватил его рукой за плечи.

— Насчет оркестра это ты здорово придумал. — Он заглянул в напечатанный рядом с фотографией бланк заявки. — «Официальный инструмент „Волшебных гармоник“ — губная гармоника фирмы Хонера. Ты тоже можешь стать музыкантом! Учебная брошюра прилагается». Фрэнки, у меня всего центов тридцать. Придется подождать, пока накопим, сколько нужно.

Фрэнки протянул Майку газету.

— Спрячешь ее у себя и мои деньги тоже? А то у нас Эдди, через две койки от меня, подворовывает.

Фрэнки вытащил из кармана горсть мелочи.

— Конечно, я их для тебя сберегу.

Майк помог Фрэнки встать.

Уже перекинув ногу через подоконник, Фрэнки обернулся к брату:

— Это был очень-очень важный случай!

Майк в ответ кивнул:

— Я понял, мелюзга. Пока!

Он дождался, когда Фрэнки свистнет в знак того, что благополучно спустился.

Потом Майк вернулся к себе и, присев на койку, вчитался в

дополнение мелким шрифтом на бланке заявки.

«Доставка может занять от четырех до шести недель».

Он обеими руками потер лицо. Пока они скопят деньги, отправят письмо с заявкой и дождутся гармоника, будет уже слишком поздно. Фрэнки отправят в государственный приют.

Майк вытащил из распоротого шва в матрасе плоскую металлическую коробочку. Ее оставил мальчик, который раньше занимал эту койку, а Майк нашел. К счастью, Пенниуэзер ее не обнаружила во время своих многочисленных обысков. Майк положил в коробку газетный лист и деньги, снова спрятал и вздохнул. Почему им с Фрэнки все никак не везет?

Он невольно посмотрел на пустую кровать Мышонка. Мышонок, наверное, уже в Нью-Йорке. Может, им с Фрэнки тоже убежать? Найти на вокзале Макалистера и поехать к Мышонку. Если все сделать по-умному, они успеют далеко удрать раньше, чем Пенниуэзер объявит их в розыск.

Но как это устроить? И когда?

Остаток недели Майк постоянно думал о побеге.

За несколько дней четверых младших распихали по приемным семьям. Пенниуэзер сбывала малышей, словно залежалый товар на дешевой распродаже: два по цене одного. Сколько времени у Майка осталось? Как далеко они успеют удрать, прежде чем Пенниуэзер спохватится и донесет о них властям? Что, если их поймают инспектор по делам несовершеннолетних?

В пятницу Майк драил лестницу, а вопросы давили на него тяжелым грузом.

Вдруг с нижнего этажа его окликнула миссис Годфри:

— Майкл, миссис Пенниуэзер срочно вызывает тебя в столовую. Твой брат уже там.

Майк выронил швабру и кубарем скатился с лестницы.

В столовую он прибежал совсем запыхавшись. Там какой-то человек в рабочем комбинезоне убирал в чемоданчик инструменты, а Пенниуэзер протирала пианино лимонным маслом. Рядом стояли в ряд три стула.

На скамеечке перед пианино сидел Фрэнки, болтая ногами.

Пенниуэзер оглянулась:

— Майкл, сядь, пожалуйста, рядом с братом.

Он сел. Фрэнки потянулся к его уху и зашептал:

— Пенниуэзер велела настроить пианино. Хочет, чтобы мы сыграли.

Майк вздохнул, стараясь успокоить отчаянно бьющееся сердце.

— И все?

Фрэнки кивнул:

— Она так сказала.

Значит, Фрэнки еще не отдают в приемную семью? Майк сам не знал, расстроился он или обрадовался.

Человек в комбинезоне закрыл чемоданчик.

— Все готово, миссис Пенниуэзер! Я и педали починил. Отличный звук у вашего инструмента. Платы не надо. Все для сироток!

Пенниуэзер одарила его улыбкой:

— Спасибо вам за вашу доброту!

Когда он ушел, она повернулась к Майку и Фрэнки, уперев руки в бока:

— Сейчас придут люди смотреть пианино. Они спрашивали, найдутся

ли у нас музыканты, чтобы проверить качество. Не понимаю, почему они сами не могут это сделать... Неважно, у нас только вы способны играть на этой бренчалке и не колотить по клавишам. Поварихи говорят, вы какую-то мелодию по вечерам после обеда исполняете, что у них прямо слезы наворачиваются на глаза. Сентиментальные дуры! Вот это и сыграйте. И смотрите, чтобы звучало не хуже, не то оба отправитесь в чулан!

Она отвернулась и снова принялась протирать крышку пианино.

Фрэнки подергал Майка за рукав и шепнул:

— Бабушка же как раз из-за пианино нас сюда устроила!

Майк наклонился к нему:

— Ш-ш-ш! Давай не будем злить Пенниуэзер.

Тут вошли двое мужчин в костюмах с жилетами. Тот, что повыше, седой, держал в руке портфель.

— Миссис Пенниуэзер, если не ошибаюсь? Я — мистер Голдинг, поверенный, а это мой помощник, мистер Говард.

Тот, что помоложе, ростом был такой же, как Майк, белобрысый и с веснушками.

— Я, кроме того, друг семьи клиента. Мне даны полномочия принять решение по этому делу.

Оба сняли шляпы.

— Здравствуйте, джентльмены! — кивнула Пенниуэзер. — Простите, я не совсем поняла — зачем в таком деле нужны юристы?

Мистер Голдинг нахмурился:

— Миссис Пенниуэзер, если мы придем к соглашению, то, безусловно, все нужно будет оформить по закону.

Пенниуэзер пожалала плечами. Вид у нее был озадаченный.

— Ну, так давайте приступим! Вот Майкл и Франклин Фланнери — наши лучшие музыканты, как вы и просили.

— Замечательно, — ответил мистер Голдинг. — Мы хотели бы послушать их игру.

— Конечно, конечно. — Пенниуэзер широким жестом указала на стулья. — Джентльмены, прошу садиться! Мальчики?

Майк и Фрэнки повернулись на скамеечке лицом к клавиатуре.

— «Прекрасная Америка», — шепнул Майк. — Ты вступаешь после «небе, долин», как я тебя учил. Вначале тихонько, медленно, как колыбельная, почти до самого конца...

— Знаю, — сказал Фрэнки. — А потом словно буря, до всеобщей судьбой, и там опять затихаем.

Он замер, держа руки над клавиатурой.

Майк начал играть. Через несколько тактов он кивнул Фрэнки, и тот вступил точно в нужный момент.

Майк поверить не мог, что это то же самое пианино. Ни одной фальшивой ноты. Не нужно разными уловками обходить ненужные диезы, потому что их нет. Правду сказал настройщик — звучание потрясающее. Майк впитывал эти звуки, словно ел что-то невероятно вкусное, и с каждым глотком вкуснее. Несколько минут не существовало ничего, кроме музыки. Ни тревог, ни Пенниуэзер, только он и Фрэнки. Почти можно поверить, что Майк снова оказался в бабушкиной гостиной. Воскресенье, они играют с открытым окном, чтобы соседи могли тоже услышать музыку и обрести капельку красоты в своей жизни.

Майк нажал педаль модератора, и аккорды заполнили всю комнату.

На последних тактах Майк вовсе перестал играть и дал Фрэнки самому закончить простую и нежную мелодию.

Майк оглянулся.

В дальнем конце комнаты выглядывали из кухни поварихи, утирая глаза.

Старшие мальчишки заглядывали в окна и гроздьями висели на подоконниках.

Младшие заглядывали в двери.

Пенниуэзер хмурилась, будто не верила своим ушам.

Мистер Голдинг изогнул бровь и переглянулся с мистером Говардом.

После того как Фрэнки закончил играть, надолго наступила тишина. Потом мальчишки захлопали и засвистели. Это продолжалось, пока Пенниуэзер не замахала на них руками и не прогнала вон.

Майк и Фрэнки снова повернулись лицом к взрослым.

Мистер Говард подался вперед:

— Майкл, сколько тебе лет?

— Одиннадцать, сэр.

— Кто тебя учил играть на пианино? — Голос у мистера Говарда был добрый.

— Моя... — Майк мотнул головой в сторону Фрэнки. — Наша бабушка. Она была учительница музыки.

— Майк играет лучше всех моих знакомых! — сказал Фрэнки.

Мистер Говард улыбнулся:

— А тебе, Франклин, сколько лет?

— Меня все зовут Фрэнки. Мне семь лет, сэр. Почти восемь. Я играю лучше всех своих знакомых, кроме Майка. А Майк — вертолаз!

Мистер Говард улыбнулся тому, как Фрэнки переиначил слово

«виртуоз».

— Фрэнки, ты прав. Он очень хорошо играет. И ты тоже. — Юрист перевел взгляд на Майка. — Ты делал аранжировку этой вещи?

— Да, сэр.

— Получилось красиво. Весьма. — Он кашлянул. — Давно вы с братом здесь?

— Пять месяцев и еще пару недель, — сказал Майк. — Мы раньше жили с бабушкой, а потом... Переехали сюда.

— Бабушка выбрала этот приют, потому что только здесь есть пианино, — вмешался Фрэнки. — Нам обязательно нужно пианино!

Пенниуэзер прервала его, хлопнув в ладоши:

— Джентльмены, может быть, вернемся к делу? Мальчики, вы свободны.

— Я бы предпочел, чтобы они остались, — сказал мистер Говард.

Пенниуэзер поджала губы:

— Не вижу смысла...

Мистер Голдинг ее перебил:

— Миссис Пенниуэзер, наша юридическая фирма представляет интересы Юнис Дау Стербридж. Она — дочь Томаса Дау. Вам знакомо это имя?

— Кому в Пенсильвании оно незнакомо? Мистер Дау был бизнесменом. Производство шин, кажется? Он умер в прошлом году, я читала в газетах. — Пенниуэзер скрестила руки на груди. — Он-то здесь при чем?

— После смерти мистера Дау его дочь осталась совсем одна, — сказал мистер Говард. — Ей нужно... Она хотела бы усыновить ребенка.

Глаза у миссис Пенниуэзер забегали.

— Я думала, вы приехали покупать пианино!

— Боже мой, нет! — сказал мистер Голдинг. — Прошу нас извинить, если мы нечаянно ввели вас в заблуждение. Мы спросили, есть ли у вас пианино и найдется ли в приюте ребенок, который мог бы на нем сыграть. Мы хотели проверить качество музыканта. Видите ли, нужен музыкальный ребенок.

Мистер Говард кивнул:

— Миссис Стербридж — талантливая пианистка, и вполне понятно, что ей хотелось бы найти ребенка тоже со склонностью к музыке. Мы готовы приступить к оформлению. Сегодня же.

Мысли у Майка в голове играли в чехарду.

Они хотят взять приемного ребенка? Сегодня?!

Миссис Стербридж — богатая женщина. Если она усыновит Фрэнки, у него будет дом. Безопасность. Всевозможные нужные вещи. Наверное, он будет учиться в частной школе. И Майк будет знать, где он. Для Фрэнки это шанс!

— Все бумаги составлены заранее. — Мистер Голдинг открыл свой портфель. — Я могу представить их в муниципалитет сегодня, во второй половине дня. Мы охотно сделаем пожертвование на нужды приюта. Ваше личное участие в этом деле также будет вознаграждено.

На губах Пенниуэзер заиграла улыбка:

— Приму с благодарностью... На сироток! Теперь, касательно усыновления. Мой вам совет — берите Франклина. О Майкле не беспокойтесь, он только порадует, что брату так исключительно повезло.

Она улыбнулась Майклу, но он понимал, что в этой улыбке — предостережение.

— Я не хочу без Майка! — сказал Фрэнки.

Майк его обнял.

— Я хотел бы поговорить с мальчиками отдельно, — сказал мистер Говард.

Пенниуэзер встала:

— Простите, этого я не могу позволить!

Мистер Говард тоже встал, а мистер Голдинг захлопнул портфель.

— В таком случае мы будем вынуждены обратиться в приют Хатауэй.

— Погодите! Джентльмены, не будем торопиться! Всегда можно сделать исключение.

Она вышла в свой кабинет.

Как только дверь за ней закрылась, Фрэнки выпалил:

— Нас нельзя разделять!

Майк посмотрел на мистера Голдинга, потом на мистера Говарда:

— Сэры, если вы хотите взять только одного, пусть лучше это будет Фрэнки. Он здесь один из младших. А меня миссис Пенниуэзер скоро отправит работать на ферму. Я возрастом еще не вышел, зато ростом вроде уже здоровый. Потому она и не хочет меня отпускать. А если я буду целый месяц работать на ферме, то не смогу присматривать за Фрэнки. А он еще

маленький.

— Майк, ты что? — Глаза Фрэнки наполнились слезами. — Мы же должны держаться вместе, забыл? И мы собирались накопить на гармонику и поступить в оркестр Хокси, и тогда он найдет нам приемную семью, и...

Тут Фрэнки разревелся.

Майк опустил на одно колено и притянул его к себе:

— Пожалуйста, в этот раз не устраивай ничего! Пойми, если ты с ними поедешь, я хоть буду знать, где тебя найти, и ты не попадешь в госприют.

Он с трудом проглотил комок в горле и посмотрел на мистера Голдинга, смаргивая слезы.

— Мне можно будет с ним переписываться и навещать иногда?

— Конечно, — сказал мистер Голдинг. — Я могу даже оговорить это в документах как неперемное условие.

Фрэнки, всхлипывая, замотал головой:

— Нет!

— И там наверняка есть пианино. — Майк оглянулся на мистера Говарда.

Тот кивнул:

— Там есть фортепиано, и на нем совершенно некому играть.

Майк погладил Фрэнки по плечу. Он знал, что так нужно, и все равно смотреть в несчастные глаза брата было невыносимо.

— Ну вот, я знал! Там есть фортепяно. И я буду в гости приезжать. Все будет хорошо, обещаю!

Майк посмотрел на мистера Говарда, взглядом прося о помощи.

Тот отвернулся и отошел к окну. Через минуту вернулся, моргая. Глаза у него блестели. Он прочистил горло и сказал, обращаясь к мистеру Голдингу:

— Не слишком перспективное местечко здесь, верно?

— Верно, — ответил мистер Голдинг. — И репутация у него — хуже некуда. Но как это ни печально, мистер Говард, время поджимает. Это уже пятый приют за две недели, и ни один ребенок из тех, что мы просмотрели, даже отдаленно не может сравниться с этими мальчиками. Они вежливые, обаятельные и, насколько я понял, необычайно талантливые. Если один из них годится, давайте оформлять.

Мистер Говард заходил взад-вперед, уперев руки в бока.

Дверь в кабинет открылась. Пенниюзер снова вошла в комнату.

— Джентльмены?

— Насколько мы поняли, Майка скоро отправят работать на ферму? — сказал мистер Говард.

— Правильно, — ответила Пенниуэзер.

— Превращать ребенка в наемного работника незаконно.

— В наше время, мистер Говард, это называется «трудовое воспитание». Если фермер или владелец небольшого предприятия берет ребенка на воспитание, меня не касается, как этот ребенок отработывает расходы на свое содержание. Называйте как хотите: «найм», «усыновление», «временная приемная семья» — мне все едино.

Фрэнки поднял залитую слезами мордашку, глядя на Майка:

— Я не хочу без тебя!

Майк нацепил на лицо улыбку:

— Ты будешь жить в красивом доме. А я приеду в гости, и мы вместе сыграем на фортепьяно. Там и деревья наверняка есть, чтобы лазить, и сад большой, и кормежка хорошая. Вот увидишь, там и какао дают, и пшеничные хлопья. Будешь ходить в школу...

— Не надо мне какао и хлопьев не надо! Я с тобой хочу! — рыдал Фрэнки, уткнувшись в локоть Майка.

Майк почувствовал, как его решимость дрогнула. Он встал на колени перед Фрэнки и стиснул его в объятиях.

Мистер Говард запустил обе руки себе в волосы. Потом подошел к мистеру Голдингу и что-то зашептал ему на ухо.

— В этом деле вы представляете интересы клиента, — сказал мистер Голдинг. — Вы окончательно решили?

— Да, — сказал мистер Говард.

— Очень хорошо, — сказал мистер Голдинг.

Затем он обратился к Пенниуэзер:

— Пойдемте к вам в кабинет, оформим бумаги.

— Я думаю, вы останетесь довольны Франклином, — заулыбалась Пенниуэзер. — А заодно обсудим пожертвование в пользу несчастных сироток, о котором вы говорили, и мое маленькое вознаграждение.

Мистер Голдинг улыбнулся в ответ.

— О, миссис Пенниуэзер, по-моему, вы нас недооцениваете! Мы все делаем с размахом.

Мистер Голдинг остановил черный «Форд» на Амариллис-драйв, где особняки стояли поодаль от проезжей части и друг от друга.

Когда они вышли из машины, мистер Голдинг крикнул вслед:

— Удачи, мистер Говард! А я сейчас прямо в муниципалитет и очень рад, что не мне предстоит сообщить ей новость!

Он погудел на прощанье и уехал.

Фрэнки ему помахал.

Мистер Говард, улыбаясь, покачал головой и открыл кованую чугунную калитку.

В конце длинной аллеи стоял карамельного цвета дом с белой окантовкой дверей и окон и кое-где красными деталями. Вдоль дома шла терраса, огороженная решеткой из деревянных планок. Слева на углу дома высилась двухэтажная круглая башенка с остроконечной крышей, увенчанной флюгером.

Фрэнки застыл, разинув рот.

— Прелесть, правда? — Мистер Говард взял его за руку. — Архитектурный стиль королевы Анны. Внутри надо бы кое-что осовременить, но дом — просто красавец.

— Много народу здесь живет? — спросил Фрэнки.

Мистер Говард засмеялся:

— Всего одна женщина. А теперь еще и вы с Майклом.

Майк окинул взглядом зеленые газоны, старый вяз чуть в стороне и аккуратно подстриженные кусты.

— Майк, мы здесь будем жить! — сказал Фрэнки, сияя улыбкой от уха до уха.

Он выпустил руку мистера Говарда и вприпрыжку помчался к дому.

— Нас усыновят, а не просто на время возьмут!

Майк хотел бы радоваться вместе с ним, но интуиция подсказывала, что все получилось очень уж легко и просто. Всего за несколько часов их обоих вместе с нехитрыми пожитками забрали из приюта и привезли сюда. Попасть на время в приемную семью — одно дело, а усыновление — совсем другое. Это значит войти в семью навсегда. Но никто не станет усыновлять ребенка, которого ни разу не видел.

Бабушка всегда говорила — если что-то слишком хорошо, так что даже не верится, это скорее всего жульничество. Однажды на рынке она

показала Майку, что красивые, блестящие от воска яблоки на верху корзины часто скрывают под собой гнилье. Что, если этот дом — такое вот блестящее яблоко и тоже что-то скрывает?

Возле дома у клумбы стоял на коленях темнокожий человек. Когда они подошли, он выпрямился, отложив совок, и стало видно, какой он рослый и крепкий.

Мистер Говард приветственно ему помахал.

— День добрый, мистер Поттер! Это новые подопечные миссис Стербридж — Майкл и Франклин.

Мистер Поттер посмотрел на мальчишек, вытер руки о зеленый фартук и кивнул:

— Рад познакомиться.

Мистер Говард объяснил:

— Мистер Поттер — здешний садовник и шофер миссис Стербридж. Он следит, чтобы ее «Паккард» был всегда исправен и на ходу. Его жена, миссис Поттер, тоже работает здесь, экономкой. Мистер Поттер, не зайдете ли в дом? Я всем представлю мальчишек.

Мистер Поттер покачал головой:

— Лучше я займусь геранями. Оно безопасней будет. Мистер Говард, сэр, ну и заварили вы кашу!

И он подмигнул мальчишкам.

— Какую кашу? — спросил Фрэнки.

Мистер Говард улыбнулся:

— Он просто хочет сказать, что теперь здесь многое изменится.

Майк и Фрэнки поднялись по ступенькам вслед за мистером Говардом. Он позвонил в звонок.

— Ну, мальчики, вперед!

Дверь открыла служанка в сером платье с белым передником и наколкой на голове в виде полумесяца. Ее темные волосы, точно в цвет кожи, были стянуты в тугий узел на затылке.

— Здравствуйте, миссис Поттер! — сказал мистер Говард. — Вот это Майкл, а это Франклин. Мальчики, познакомьтесь, миссис Поттер ведет здешнее хозяйство.

Миссис Поттер подняла брови, пристально глядя на мистера Говарда.

— Ничего не говорите! — предупредил он. — Да, мальчики, двое. Где она?

— В библиотеке, сэр. Осмелюсь сказать, вы храбрец.

...«Рад, что не мне предстоит сообщить ей новость»... «Оно безопасней будет»... «Ну и заварили вы кашу»... «Вы храбрец»...

Почему здесь все говорят загадками? Их с Фрэнки усыновили. Разве миссис Стербридж не будет рада их видеть?

Они вошли в дом вслед за мистером Говардом и остановились в прихожей размером со всю бабушкину квартиру. Пол был похож на шахматную доску — выложен квадратными плитами из белого и черного мрамора. Слева шла изогнутая широкая лестница с темными деревянными перилами.

— Ух ты! — прошептал Фрэнки, задрал голову и показывая пальцем на золоченую люстру, с которой в три ряда свисали хрустальные каплевидные подвески. — У нее, наверное, куча денег!

— Ш-ш-ш, — остановил его Майк, хотя и сам то же самое подумал.

Вот, значит, как живут богатые. Раньше Майк никогда не считал себя бедным, но он не знал другой жизни. У бабушки им хватало еды и было где спать. Бабушка их любила, а все остальное было неважно. Она часто говорила — не нужно ей никакого роскошества, было бы только фортепьяно и оба ее мальчика. Если бы сейчас она была с ними, сказала бы, что здешняя обстановка ничего не значит — главное, чтобы у хозяйки душа была так же красива, как ее дом.

— Майкл, Франклин, ждите здесь. — Мистер Говард указал на банкетку с мягким сиденьем, а сам ушел, прикрыв за собой двустворчатые двери.

Миссис Поттер ушла в другую сторону, качая головой:

— Ох, будет гроза, верно вам говорю!

Майк сел на банкетку, а Фрэнки поднялся по лестнице, примерно до середины пролета.

— Мальчишки? — взвизгнул за неплотно прикрытой дверью женский голос. — Я вам поручила найти мне одну девочку, а вы привели двоих мальчишек? Да как вы могли?!

У Майка даже живот подвело. Он покосился на Фрэнки — слышал ли? Но Фрэнки был занят — водил рукой по перилам.

— Ты меня назначила своим представителем, и я принял решение! — произнес за дверью мистер Говард. — И это решение правильное. Бумаги уже поданы к оформлению. У меня не хватило духу разлучить братьев. Надеюсь, ты меня понимаешь! К тому же с двумя проще. Они смогут общаться друг с другом. Ступай, познакомься с ними. Они ждут в холле.

Снова раздался пронзительный голос:

— Что ты наделал?!

— Я всего лишь сделал то, что было необходимо, — ответил мистер Говард. — И с чем ты тянула до последнего.

— Я не думала, что до этого дойдет. Я стараюсь, как могу!

— Боюсь, времени уже не осталось, — сказал мистер Говард.

Что-то ударило о стену. Зазвенело бьющееся стекло.

Фрэнки метнулся с лестницы поближе к Майку.

— Все хорошо, Фрэнки, — шепнул Майк.

По крайней мере, он на это надеялся изо всех сил.

Она хотела девочку, а мистер Говард привез их с Фрэнки. Если ей это так важно, почему не поехала выбирать ребенка сама? Что-то тут не то.

Майк посмотрел брату прямо в глаза:

— Смотри поаккуратней тут. Надо вести себя хорошо. Мы же не хотим ее разозлить, понимаешь?

Фрэнки не успел ответить. Мистер Говард вышел из библиотеки и остановился у дверей. Вслед за ним появилась женщина. Губы у нее были плотно сжаты, лицо покраснелось — то ли от гнева, то ли от слез, Майк не мог определить, хотя разглядел даже ярко-желтые искорки в карих глазах. Кудрявые каштановые волосы были коротко острижены. Одета она была в черное платье чуть ниже колен и в туфлях на каблуках казалась такого же роста, как Майк, только стройная и тоненькая, будто ива. Ее окружал ванильный аромат пудры. По глазам Фрэнки Майк увидел, что малыш сражен наповал.

— Майкл, Франклин, познакомьтесь: это Юнис Дау Стербридж, — сказал мистер Говард.

Майк склонил голову:

— Спасибо, мэм, что усыновили нас!

А Фрэнки выпалил:

— Вы — наша новая мама? Вы такая красивая, мы даже не ожидали, и пахнете приятно, не то что миссис Пенниуэзер!

Глаза миссис Стербридж наполнились слезами. Она скривилась, точно увидела какую-то дохлую зверушку в канаве, и бросилась бежать вверх по лестнице.

На самом верху перегнулась через перила и крикнула:

— Отведите их к миссис Поттер, сейчас же!

И скрылась в коридоре верхнего этажа. Через несколько секунд они услышали, как хлопнула дверь с такой силой, что подвески на люстре задребезжали.

— Хотите верьте, хотите нет, могло быть намного хуже, — сказал мистер Говард.

В ванне на львиных лапах плавал кусочек мыла. Над водой поднимался пар.

Миссис Поттер стояла перед Майком и Фрэнки, скрестив руки на груди. Вид у нее был недовольный.

Майк уже видел такое выражение в бабушкиных глазах — каждую субботу, когда их заставляли купаться, надо не надо.

— Сейчас я выйду, а вы разденетесь и по очереди вымоетесь в ванне с ног до головы. Одежду сложите в корзину. Остальное завтра постираю.

— У нас нет другой одежды, — подал голос Фрэнки.

Майк уставился себе под ноги. Щеки у него горели.

— Была, когда мы у бабушки жили, получше этой...

— Только в приюте Бишопа все потерялось, — объяснил Фрэнки.

— Значит, я сегодня попозже постираю то, что было на вас, — ответила миссис Поттер. — Хорошо хозяйка недавно купила новомодную сушилку, как нарочно на такой случай. Свежестью благоухать вещи не будут, но хоть будут чистыми. Пойду попрошу у мистера Говарда ночные сорочки для вас. Повешу на дверь с наружной стороны. Как вымоетесь — заберете.

— А мистер Говард тут близко живет? — спросил Майк.

— Близко. На той же улице. Его отец был поверенным мистера Дау. Мистер Дау — это отец нашей хозяйки, но это, я думаю, вы и так знаете. А теперь мистер Говард работает на хозяйку. Да он скорее родич, а не юрист. Знает ее еще с пеленок.

Фрэнки начал расстегивать рубашку.

— Почему вы ее зовете хозяйкой?

— Мы с мистером Поттером служим здесь с тех пор, как она родилась. По-другому и не называли ее никогда.

— Она добрая или вредная? — спросил Фрэнки.

Миссис Поттер протянула им по мочалке.

— Она сама на себя не похожа с тех пор, как умер мистер Дау, земля ему пухом. С прошлого года, значит. Ну а чего же и ожидать, как подумаешь, сколько на нее свалилось? Но в глубине души она все равно добрая, вот что я скажу.

— Мы ей не понравились. Может, когда отмоемся, понравимся больше? — спросил Фрэнки.

— Поживем — увидим, — сказала миссис Поттер. — Много тут всяких «если бы да кабы» намешалось, поди разбери.

Майк помог Фрэнки расстегнуть рубашку. Если бы да кабы. Если бы они были девочками... Если бы не были оборванцами... Если бы не были такими бедными... Тогда, может быть, они бы ей и понравились?

— Миссис Поттер, а вы здесь живете? — спросил Фрэнки.

Она кивнула:

— Мы с мистером Поттером живем в коттедже на краю сада.

— У вас есть мальчики, такие как я? — спросил Фрэнки.

Она рассмеялась:

— Нет. У нас взрослая дочка, она живет в Атлантик-Сити. Считаю вместе с хозяйкой росла. Сейчас учительницей работает. Мы с ней видимся при всякой возможности.

— А мистер Поттер любит играть в шашки? — спросил Фрэнки.

— Знаешь, любит! И мистер Говард тоже любит. Ну что, ты решил меня совсем замучить вопросами?

— Он просто разволновался, — сказал Майк. — Мы и не мечтали, что будем жить в таком красивом доме. И что нам позволят остаться вместе.

Лицо миссис Поттер смягчилось:

— Сегодня у всех день сюрпризов. А теперь полезайте в ванну! На обед будет курица с картошкой, но раз уж вам не в чем выйти к столу, я вам принесу еду на подносе.

— На подносе? — восхитился Фрэнки. — Мне никогда в жизни не приносили еду на подносе!

Миссис Поттер явно с трудом сдерживала улыбку:

— Когда помоетесь, я вам покажу вашу комнату в башенке.

Фрэнки вытаращил глаза:

— Мы будем жить в башенке?

— Сначала купаться!

Миссис Поттер вышла и закрыла за собой дверь.

— Она хорошая, — сказал Фрэнки.

Майк кивнул. Миссис Поттер была похожа на бабушку: деловитая и строгая и в то же время заботливая, как курица-наседка.

Вечером Майк лежал, откинувшись на подушки, в широкой кровати с четырьмя столбиками.

Башенкой называли комнату на втором этаже, под остроконечной крышей. У стены стоял комод красного дерева, на паркетном полу лежали плетеные коврики, а на широком подоконнике — вышитые подушки. Совсем

не то что у Бишопа.

Приоткрылась дверь, и в комнату шмыгнул Фрэнки в ночной сорочке мистера Говарда, с подвернутыми рукавами. Он запрыгнул на кровать к Майку.

— Зубы почистил?

Фрэнки кивнул, заползая под одеяло.

Майк выключил ночник у кровати.

Где-то застрекотал сверчок.

— Ужас как тихо, — сказал Фрэнки.

— Я как раз о том же думал.

— Майк, мне страшно!

— Хочешь, оставлю свет?

— Не-а. Я не темноты боюсь. — Фрэнки придвинулся ближе и закинул руку Майку на грудь. — Я знаешь чего боюсь? Вот закрою глаза, а когда проснусь, мы опять окажемся в приюте.

— Я понимаю, — сказал Майк. — Но мы проснемся здесь, честное слово.

Майк лежал и смотрел в темноту. В голове крутились мысли обо всем, что он видел и слышал сегодня.

...«Талантливая пианистка»... «Ей нужно усыновить ребенка»... «Всего лишь сделал то, что было необходимо»... «Времени уже не осталось»... «Сама на себя не похожа»... «Сколько на нее свалилось»... «Если бы да кабы»...

Фрэнки стал дышать ровнее, и Майк понял, что брат уснул. Он бережно переложил руку Фрэнки поудобнее и подоткнул ему одеяло. От мелюзги пахло мылом и обеденной курицей. И курица была не в противной подливке, а поджаристая и хрустящая.

Что, если это и правда сон?

Майк на всякий случай старался не закрывать глаза. Но не смог.

Майк не сразу понял, где это он.

Он сел и заморгал, разглядывая комнату. Постепенно он вспомнил, что было вчера. Рядом заворочался Фрэнки, но так и не проснулся.

Одежда, в которой они приехали, постиранная и аккуратно сложенная, лежала на низенькой скамье в ногах кровати. Майк оделся и пошел на нижний этаж. Там было еще совсем тихо.

Двустворчатые двери в библиотеку стояли открытые настежь. Майк зашел внутрь. Там было темно, как в пещере, все окна плотно закрыты деревянными ставнями. Майк рассматривал отделанные деревянными панелями стены, абажуры с бахромой, большой письменный стол в углу. Потом его взгляд упал на стеллажи с книгами от пола до потолка, с передвижной лесенкой, чтобы можно было добраться до верхних полок. На круглом столике стояла целая коллекция метрономов.

Где же пианино?

Майк вернулся в прихожую и подошел к еще одной двустворчатой двери — напротив библиотеки. Приоткрыл одну створку и ахнул.

Утренний свет лился в огромные окна. В воздухе плясали крошечные пылинки. По углам стояли пальмы в кадках, а посередине комнаты — великолепный концертный рояль. Майк в жизни не видел такого потрясающего музыкального инструмента.

В нем было, наверное, футов девять ^[16] от клавиатуры до другого конца. Однажды бабушка взяла Майка с собой в магазин — покупать ноты, и там был кабинетный рояль. Хозяин магазина разрешил Майку сыграть. Звуки так и выпрыгивали изнутри инструмента и разлетались по всей комнате. Какая же мощь должна скрываться в этом большом рояле?

Майк провел рукой по блестящему черному боку. Поднял крышку и укрепил на подпорке. Надолго замер, любуясь хитроумными внутренностями рояля: струнами разной толщины для басовых и высоких нот, колками для настройки, декой и молоточками. Потом сел на скамеечку перед клавиатурой, стиснул кулаки, снова разжал и пошевелил пальцами. Мистер Говард ведь говорил, что на рояле нужно играть? Их с Фрэнки потому и выбрали, что они были лучшими музыкантами в приюте? Может, миссис Стербридж приятно будет услышать музыку. Вдруг это одно из тех самых «если бы да кабы»?

На пюпитре стояли ноты. Майк полистал их и нашел Ноктюрн № 20

Шопена. Задержал руки на весу, чувствуя, как их будто магнитом притягивает к клавишам.

Он сыграл вступительные аккорды. Насыщенное звучание наполнило всю комнату. Ни у одного инструмента, на котором ему приходилось играть, не было такого звука. Высокие ноты казались ярче и веселее, чем у других, низкие — мрачнее, более зловещими.

Майк несколько раз начинал играть и сбивался. Поначалу выходило неуверенно, скованно. Потом он целиком погрузился в музыку. Вспомнил, как бабушка учила его играть этот ноктюрн. Майку тогда было девять. Закончив первый пассаж, он словно наяву услышал ее голос: «Еще раз! Только сперва я открою окошко, пусть соседи слышат, как ты играешь».

Майк целиком отдался печальной мелодии. Намек на марш, тончайший мелодический узор и наконец финал, все медленнее, медленнее... До последней щемящей ноты. Ему казалось, бабушка сидит рядом, и мама тихонько напевает...

В себя его привел странный звук — не то вскрик, не то вздох. Майк поднял глаза.

В дверях, держась за сердце, стояла миссис Стербридж и смотрела так, словно увидела привидение.

Не успел Майк сказать и слова, в комнату вбежала миссис Поттер:

— Простите, хозяйка! Я не слышала, как он спустился!

Она схватила Майка за руку повыше локтя и потащила на кухню. Там усадила его за стол.

— Твоя музыка прямо за душу берет, но хоть и больно мне такое говорить — не подходи больше к роялю. Никогда к нему не прикасайся! — Ее глаза были полны сожаления. — Жаль, конечно. Такой чудесный инструмент пропадает! А как вспомнишь, целыми днями в доме музыка звучала...

— Я не понимаю, — сказал Майк. — Мистер Говард говорил...

Миссис Поттер махнула рукой.

— У нас тут много всякого непонятного. Ты привыкнешь. Так, иди-ка разбуди брата и приходите оба на кухню завтракать. Скоро придет мистер Говард, повезет вас в город — покупать одежду.

— А она с нами поедет?

Майк мог бы тогда извиниться за рояль и объяснить, что раньше они с Фрэнки были куда чище и приятнее на вид.

Миссис Поттер покачала головой:

— У нее свои планы. До обеда ее нельзя беспокоить. И к тому же она пока еще не расположена с вами, мальчишками, общаться. Иди уж...

Майк пошел вверх, за Фрэнки. Если она не хочет с ними общаться, зачем тогда усыновила?

И сколько здесь еще непонятного?

Майк, держа за руку Фрэнки, старался не отставать от мистера Говарда. Тот быстрым шагом шел по Амариллис-драйв, насвистывая на ходу.

Он показал братьям свой дом на углу улицы. По сторонам от входа росли два громадных вяза, почти касаясь ветками друг друга.

— Дом той же эпохи, что у миссис Стербридж, и в том же стиле, но внутри я все переделал заново. — Он вытащил из кармана часы. — Прибавьте шаг, мальчишки! Если пройти напрямик через парк, мы еще можем поймать следующий трамвай.

Майк еле поспевал за ним. Через два квартала мистер Говард указал на площадь, где был разбит парк с беседкой посередине. Они бегом пробежали на другую сторону, к бульвару, и как раз успели вскочить в подошедший трамвай.

Через несколько остановок старинные особняки сменились более скромными современными домиками. Дома становились все выше, и, наконец, мистер Говард с мальчишками сошли в самой гуще и суете делового центра Филадельфии.

Здесь Майк почувствовал себя намного уютнее, хотя в узкие улочки не попадал прохладный ветер и потому здесь было жарко и влажно. Район был похож на тот, где жила бабушка: крылечки, выходящие прямо на тротуар, девочки прыгают через скакалку, мальчишки играют в мяч, сигналият легковушки и грузовики. Майк запрокинул голову, ища глазами окно с написанным от руки объявлением об уроках игры на фортепьяно, хоть и знал, что сейчас они совсем не в родных краях.

Когда мистер Говард провел их через вращающиеся двери универмага «Хайлендер», уличный шум как будто отрезало. В универмаге все было отполировано и начищено до блеска: стеклянные витрины, товары на полках, лица продавцов. Даже воздух пах дорого. Посетители были такие нарядные, словно все надели воскресную одежду. Майк провел руками по своему костюму. Он чувствовал себя замухрышкой.

— Мальчишки, поднимайтесь на третий этаж, в отдел для юных джентльменов! — сказал мистер Говард. — Я вас там встречу, но сперва мне нужно зайти к администратору по поводу кредита миссис Стербридж.

Майк и Фрэнки медленно шли мимо витрин с перчатками и шарфами, зонтиками, бумажниками, шляпами и парфюмерией. Фрэнки остановился

разинув рот перед витриной со стеклянными статуэтками. К ним немедленно подскочила продавщица и сурово нахмурилась.

Майк потянул Фрэнки к лифту.

— Третий этаж, — сказал он лифтеру.

Лифтер посмотрел на них свысока и хмыкнул. Потом провел рукой по лацканам синего форменного пиджака, словно стряхивая соринку.

— Мальчики, в нашем заведении нельзя носиться сломя голову.

— Мы не носились, — сказал Фрэнки.

— Намерены что-нибудь купить? — осведомился лифтер.

— Да, сэр, — ответил Майк. — В отделе для юных джентльменов.

Лифтер смерил их взглядом, затем помахал рукой продавцу. Тот подошел, и они принялись шептаться.

До Майка доносились обрывки фраз.

«Денег нет... Ясно, что у них на уме... Малолетние воришки».

Майк почувствовал, как горят щеки. Он знал, что лицо у него стало красным.

Продавец махнул еще несколькими коллегам и крепко ухватил Фрэнки за руку.

— Мальчики, позвольте проводить вас на выход. Полагаю, вы ошиблись магазином.

Фрэнки вырвался и прижался к Майку.

— Не трогайте!

Продавцы окружили их, широко расставив руки. Первый продавец поймал Майка за шиворот и, завернув ему руку за спину, поволок к двери.

Майк перепугался:

— Пустите! Что вы делаете?

С ним никогда еще так не обращались. Он стал отчаянно вырываться.

Продавец еще сильнее выкрутил ему руку и зашипел на ухо:

— Найдите себе другой магазин и там промышляйте!

Фрэнки закричал:

— Отстаньте! Пустите его! — и кинулся на продавца с кулаками.

— Вызовите полицию! — крикнул лифтер.

Тут загремел голос мистера Говарда:

— Немедленно отпустите мальчиков и отойдите в сторону! Иначе я сам вызову кого следует. И я говорю не о полиции, а о самом мистере Хайлендере!

Продавец сразу выпустил Майка и отскочил в сторону.

Майк дрожал всем телом. Слезы жгли глаза. Их приняли за воров? Майк в жизни чужого не тронул!

Мистер Говард положил руки им на плечи:

— Мальчики, вы в порядке?

— Они хотели нас выгнать! Хотели забрать Майка! — захныкал Фрэнки. — А мы ничего не сделали!

— Разберемся. — Мистер Говард обратился к продавцу: — Вызовите управляющего немедленно!

Мистер Говард сидел в кресле в отделе «Одежда для юных джентльменов». На коленях он держал Фрэнки, а Майк стоял рядом.

— Приношу свои извинения, мистер Говард! — сказал управляющий, коротышка с жиденькими усиками. — Произошло недоразумение. Откуда нам было знать, что мальчики с вами?

Мистер Говард выгнул бровь:

— Насколько я знаю, моя клиентка, миссис Стербридж, уже несколько лет пользуется услугами вашего магазина и за это время потратила немало денег в этом самом отделе.

— О да, сэр! Безусловно!

— Эти мальчики — ее воспитанники, — сказал мистер Говард. — Они чистоплотны и вежливы. Да, они бедно одеты, но разве это значит, что они — воры? Нет, это всего лишь значит, что им нужна новая одежда. Именно поэтому мы сюда и пришли. Они делали только то, что я им велел, а с ними обошлись совершенно недопустимым образом. Как вы считаете, сэр, мне следует сообщить об этом мистеру Хайлендеру?

— Ох, н-не-е-ет, мистер Говард, н-не надо! — Управляющий даже заикаться начал.

Он щелкнул пальцами, и к нему тут же подскочил молодой продавец.

— Чарльз вас обслужит. Нет никакой необходимости вспоминать об этом инциденте! Будьте уверены, я поговорю с нашими работниками. Специально созову собрание, даже не сомневайтесь!

— Ну хорошо, — сказал мистер Говард. — Мне нужен полный гардероб для каждого из этих юных джентльменов: четыре рубашки, три пары брюк, носки, трико, подтяжки и шапка — шерстяная или фетровая. Одна пара брюк и одна рубашка пусть будут на выход. И добавьте еще по жилету с галстуком. О, и ботинки тоже нужны! Две пары. Коричневые кожаные со шнурками на каждый день и черные оксфорды — на выход.

Фрэнки заулыбался во весь рот.

А Майк не мог улыбнуться в ответ. Лицо все еще горело от унижения. Он не поднимал глаз, идя за Чарльзом в примерочную. Неужели миссис Стербридж то же самое подумала, когда их увидела? Тоже решила, будто они — воришки?

— Мальчики, я пока посижу здесь, почитаю газету, — сказал мистер Говард. — Когда будете готовы, покажитесь!

За занавеской Майка слегка отпустило. Они с Фрэнки целый час примеряли всяческую одежду и бегали к мистеру Говарду — спросить его мнение. Оставаясь одни в примерочной, они строили другу другу рожи в зеркале. Когда все нужное было закуплено, мистер Говард, нагруженный пакетами и свертками, повел их снова на улицу.

— Мистер Говард, спасибо вам! — сказал Майк. — У нас никогда не было столько новой одежды сразу, и такой хорошей. И спасибо, что заступились за нас!

Мистер Говард улыбнулся:

— Не за что! Вы имеете полное право находиться в этом магазине, как и всякий другой. А за одежду скажите спасибо Юни.

— Обязательно скажу, сэр! Как только ее увижу.

— Юни? — Фрэнки наморщил нос.

— Ее имя Юнис, — объяснил мистер Говард. — Я начал ее звать Юни, еще когда мы были детьми.

— А как нам к ней обращаться? — спросил Фрэнки. — Я ее спросил, будет она нашей мамой? А ей не понравилось.

— М-да... Ну-ну... Дадим ей немного времени, — сказал мистер Говард. — Пока что можете говорить «мэм» или «миссис Стербридж».

Майк невольно все время поглядывал на свое отражение в витринах, мимо которых они проходили. Неужели это он? Совсем не похож на оборванца. Весь новенький, прямо шикарный, как будто ему самое место рядом с мистером Говардом.

Интересно, миссис Стербридж, или мэм, или как там полагается ее называть, тоже так подумает?

По пути к остановке трамвая Фрэнки забежал вперед и вдруг застыл перед какой-то витриной.

Потом обернулся и замахал руками, чтобы Майк с мистером Говардом шли скорее.

Майк подбежал к нему:

— Что, мелюзга?

— Это они! — Фрэнки показал пальцем на афишу в витрине музыкального магазина Уилкинсона. — Волшебные гармоники!

Фрэнки прижался носом к стеклу.

На афише были изображены шестьдесят или больше мальчиков, одетых в форму военного покроя, пелеринки и шляпы с перьями.

Из магазина вышел крошечный человечек в красном фартуке, с навощенными и подкрученными на старинный манер седыми усами.

— День добрый, джентльмены! — Он кивнул на афишу. — Эти ребята — просто нечто, правда? Знаменитый Филадельфийский оркестр губных гармоник! Мальчики, вы тоже хотите участвовать в конкурсе? Время еще есть!

— Что за конкурс? — заинтересовался мистер Говард.

— Общегородское состязание, состоится в августе. Тысячи мальчишек по всей Филадельфии берут уроки игры на губной гармонике! Множество призов, среди них музыкальные инструменты, а пятеро победителей смогут поступить в оркестр и вместе с ним отправиться в турне. Дамы — добровольные помощницы — собирают деньги на униформы и жилье для мальчиков, и даже на их обучение в колледже!

Фрэнки закивал, как будто главный знаток.

— Мы тоже хотели попробовать, чтобы вырваться из приюта, но теперь уже не надо, потому что нас усыновили!

— Ну, это чудесно! Хотя вы все равно можете участвовать, просто для своего удовольствия, — сказал мистер Уилкинсон.

— Так нужно купить официальную гармонику оркестра и надо быть старше десяти лет, если только ты не талисман. Видите? — Фрэнки показал самого младшего мальчика на афише.

— Верно, верно. Этот малыш у них недавно появился. Он не ездит на гастроли, выступает с оркестром только здесь, в городе. У них на этот счет строгие правила. Но он такой симпатяга в этой своей форме! — Владелец

магазина подмигнул Фрэнки. — И насчет гармоник ты правильно сказал. Допускается только модель «Марин Бенд» Хонера в тональности до мажор. Я как раз вчера получил партию со склада — разлетаются, как горячие пирожки! Всего шестьдесят пять центов за штуку.

Он вытащил из кармана фартука носовой платок в полосочку и вытер лоб:

— Кстати, о горячих пирожках — жара нынче, как в печке. Скоро совсем меня доконает...

Фрэнки, задрав голову, посмотрел на мистера Говарда.

— Нам бабушка подарила гармошки, а миссис Пенниуэзер их отобрала.

Мистер Говард улыбнулся:

— Мистер Уилкинсон, я думаю, конкурс нас не интересует, а вот две губные гармошки, пожалуй, будут как раз кстати.

— Сюда, пожалуйста!

Мистер Уилкинсон распахнул дверь, и прикрепленный к ней колокольчик мелодично звякнул.

Мистер Говард и Фрэнки подошли к прилавку около кассы.

— Осторожнее, тут под ногами котята бегают, — предупредил мистер Уилкинсон. — У нас их трое в магазине.

Майк прошелся по узкому центральному проходу, внимательно глядя под ноги и вдыхая запахи канифоли, лака и кожаных футляров. Он не успевал рассмотреть музыкальные инструменты, которые теснились повсюду: трубы в стеклянной витрине, виолончели, выстроившиеся по стойке смирно, подвешенные к потолку скрипки, тарелки, малые барабаны, большой барабан на подставке. Похоже на магазин, куда его водила бабушка покупать ноты. «Правда, чудо?! — говорила она. — Музыка только и ждет, когда ее выпустят на волю из всех этих инструментов». Майк улыбнулся, вспоминая — он все ждал, что из тубы или тромбона вылетит вереница черненьких нотных знаков.

К нему подбежал Фрэнки, держа в одной руке трехцветного котенка, а в другой — новенькую губную гармошку.

— Майк, смотри! К ней прилагается еще книжечка с песнями. Вот послушай! — Он подул в отверстия гармоник, пройдясь по всей гамме. — Правда, здорово звучит? Я взял последнюю у кассы, а тебе мистер Уилкинсон сказал подойти к дальнему прилавку и взять из коробки, которую он только что открыл.

Фрэнки вернулся к мистру Говарду, который разговаривал с мистером Уилкинсоном.

А Майк стал пробираться в глубь магазина и в конце концов нашел прилавок рядом с занавешенным входом в кладовую. На прилавке стояла большая вскрытая коробка, доверху наполненная узкими коробочками. Майк взял одну и открыл. Там лежала рядком дюжина картонных футляров. На крышке каждого была отпечатана фотография Оркестра морской пехоты США.

Майк зацепился взглядом за последний футляр. Ему показалось, что синяя каемка словно бы ярче других, фотография оркестра — четче. Майк взял коробочку в руки и — вот честное слово! — услышал тихий звук, словно где-то тоненько прозвенел колокольчик. Майк оглянулся. Наверное, это звякнул кассовый аппарат мистера Уилкинсона.

Майк достал из футляра губную гармошку, повертел в руках. Разглядел сбоку крошечную, нарисованную от руки красной краской заглавную букву «В». Поднес гармошку к губам, пробежался по гамме, а потом сыграл заключительные шесть тактов «Прекрасной Америки». Задержал дыхание, пока не отзвучала последняя нота, и все музыкальные инструменты в магазине словно отозвались долгим эхом.

Майк быстро обернулся, обвел глазами неподвижные инструменты. Вокруг — никого. Все тихо.

От духоты закружилась голова. Майк вытер пот со лба и вернул губную гармошку в коробочку. Сжав коробочку в руке, он пошел к кассе.

Его сопровождал целый хор звуков: гуденье кларнетов, шелест малого барабана, переливы скрипичных струн и низкий голос виолончели. Когда Майк проходил мимо труб, загремели фанфары.

Он глянул через плечо — в магазине все как обычно. Может, права была бабушка и музыка в самом деле рвется наружу из музыкальных инструментов? Или это какой-то хитрый фокус, придуманный мистером Уилкинсоном? У ног Майка вертелся котенок, трогая лапкой его щиколотки. С каждым шагом инструменты словно обступали его теснее, воздух загустел, и трудно было вдохнуть.

— Я уже расплатился, — сказал мистер Говард. — Вижу, ты выбрал себе гармонику.

Майк молча кивнул.

Мистер Уилкинсон подмигнул ему.

— Я всегда говорю — инструмент сам выбирает себе музыканта. Спасибо за покупку!

Они вышли, и дверь за ними захлопнулась. Дверной колокольчик прозвенел флейтой-пикколо.

Майк потер лоб.

Наверное, и его жара доконала. Даже губная гармошка в руке кажется горячей.

Он наклонился к Фрэнки:

— Там, в магазине, ты ничего странного не слышал?

— Ничего. А знаешь что? Мистер Говард говорит, мистер Поттер лучше всех играет на губной гармошке! А завтра у него выходной, и он, может быть, с нами позанимается!

Майк и Фрэнки играли на гармошках всю дорогу до трамвайной остановки.

Гармошка Майка звучала не так, как у Фрэнки. Звук у нее был какой-то такой... Невозможно объяснить. Как будто старше и вроде как более плавный. Майк играл подряд все песни, какие знал, и невольно шагал бодрее, и в сердце росло какое-то давно забытое чувство. Может быть, счастье?

К остановке, громко трезвоня, подъехал трамвай.

Мистер Говард улыбнулся:

— Пошли, мальчики! Пора домой.

Фрэнки стиснул руку Майка.

Майк посмотрел на его улыбающуюся мордашку и сжал руку брата в ответ.

Мистер Говард сказал «домой».

Может, им наконец-то повезет и все пойдет так, как надо?

Мистер Поттер умел заставить губную гармошку издавать такие звуки, словно поезд идет по рельсам, или ребенок плачет, или дождь хлещет на ветру.

В воскресенье Майк и Фрэнки устроились на скамейке в тенечке рядом с коттеджем Поттеров и заслушались, очарованные.

Майк, не отрываясь, следил взглядом за руками и ртом мистера Поттера и за движениями его головы, качающейся в такт музыке. Мелодии вроде были знакомые, но словно приправленные своеобразным повторяющимся ритмом. Они как будто переносили Майка в иное место и время. Что-то древнее, почвенное. Ритм-пульс то вступал, то замирал. Вопрос — ответ. Майк никогда ничего похожего не слышал.

Когда мистер Поттер прервался, Майк спросил:

— Что это за звучание?

Мистер Поттер кивнул, улыбаясь во весь рот.

— Цепляет, ага? Называется блюз.

— Почему? — спросил Фрэнки.

— Слышал, как говорят — блюзовое настроение? — отозвался мистер Поттер. — Это значит, человеку грустно или печальные мысли о жизни одолели. Блюз — это музыка обо всех жизненных испытаниях, которые оставляют след в сердце человека. О том, чего хочется, а нет. Блюз — это песня, которая просится жить.

— Но музыка не все время грустная, — сказал Майк.

— Ну да, в этих песнях всякого намешано, — кивнул мистер Поттер. — В том-то и дело. Сколько ни есть у человека, всегда в жизни найдешь еще много. И сколько бы грусти ни было в песне — всегда найдется столько же и другого. Вроде как «может быть, когда-нибудь станет лучше».

— А из всякой песни можно сделать блюз? — спросил Майк.

— Не из всякой. Но почти любая может звучать по-блюзовому.

Фрэнки засмеялся:

— По-блюзовому! Смешно!

— Это значит почти каждой песне можно придать аромат блюза.

Мистер Поттер поднес гармошку к губам и заиграл «Ты свети, моя звезда». Мелодия была та же, какую им пела мама, только с повторяющимися фразами. Под конец мистер Поттер заставил гармонику

рыдать в голос.

— Как вы это делаете? — спросил Майк.

— Легко! — усмехнулся мистер Поттер. — Берешь мелодию и разбираешь на части. Некоторые строчки подправляешь, потом посыпаешь порошочком из собственного нутра. Играешь так, будто выкладываешь на обозрение чувства, которые живут в твоей душе: радость, печаль, злость. Вот смотри, Майк: повторяй за мной.

Он сыграл два аккорда.

Майк повторил их.

Мистер Поттер сыграл одну ноту, чуть изменив ее в конце.

Майк и это повторил в точности.

Мистер Поттер играл каждую музыкальную фразу немножко иначе, чем предыдущую. Так они и перебрасывались нотами, будто словами — сперва мистер Поттер, за ним Майк. Потом пошли музыкальные фразы подлиннее — как будто целые предложения. Дальше — больше, словно пошел настоящий разговор.

Когда они остановились, Фрэнки захлопал в ладоши.

— Теперь я! — потребовал он.

Мистер Поттер начал все сначала. Для Фрэнки он играл музыкальные фразы попроще.

Когда Фрэнки ухватил суть, к ним присоединился Майк. Так они сидели под деревом, три губные гармошки разговаривали друг с другом, и после всего, что случилось за эти несколько дней, Майк решился впустить в свое сердце еще капельку счастья.

Из задней двери большого дома выглянула миссис Поттер. Она помахала Майку и Фрэнки, подзывая их к себе.

Фрэнки первым побежал к ней.

Мистер Поттер показал на гармошку Майка.

— Особенная она у тебя. Никогда не слышал такого звука.

Майк кивнул:

— Я... как-то необычно себя чувствую, когда на ней играю.

Мистер Поттер улыбнулся:

— Бывает такое. Словно весь мир становится ярче и как будто все возможно.

Майк его понял. Он и сам так чувствовал.

Майк показал мистеру Поттеру крошечную букву «В» с завитушками на боку гармоники.

— Что она значит?

— Не знаю. Не видал ничего похожего. У Фрэнки тоже такая есть?

Майк покачал головой:

— Нету, я проверял.

— Наверное, метка изготовителя. У тебя не только гармошка особенная, еще и талант от природы. Миссис Поттер все ахала, как ты играешь на рояле. Теперь я понимаю, о чем она толковала. Погоди-ка минутку...

Мистер Поттер скрылся в коттедже. Скоро он вернулся и вручил Майку толстую книгу, сплошь заполненную табулатурами для губной гармошки.

— Вот, могу одолжить на время. Тебе будет интересно. Завтра придешь, устроим еще джем-сейшн?

Майк снова кивнул:

— Да, сэр! Спасибо!

Он медленно пошел к дому, наигрывая мелодии, которые только что выучил. Какое-то движение привлекло его взгляд. Из окна второго этажа на него смотрела миссис Стербридж. Майк хотел ей помахать, но она уже исчезла, задернув занавеску.

У Майка так и не было случая извиниться за то, что без спросу играл на рояле. Она все еще сердится из-за этого? Или тут что-то другое?

Миссис Стербридж по-прежнему вела себя странно.

Две недели мальчишки, считай, ее и не видели.

Миссис Поттер следила за тем, чтобы они все время были чем-нибудь заняты: еда, игры, работа по дому. Фрэнки всюду бегал хвостом за мистером Поттером. Раз в несколько дней приходил мистер Говард, обедал вместе с ними, потом оставался поиграть в мяч в саду или в шашки на террасе. Он же водил их в парк по выходным. Она ни разу не ходила с ними.

Майк старался себя убедить, что это неважно. Хватит и того, что они с Фрэнки вместе. Но он видел, как мелюзга провожает миссис Стербридж взглядом, когда та быстрым шагом проходит мимо. Фрэнки отчаянно хотелось снова быть в семье. В глубине души Майк и сам об этом мечтал.

Утешение приносил блюз. Майк подолгу упражнялся с мистером Поттером, разбирал мелодии из книги и переделывал в блюзы все песни, какие знал. Музыка поднимала его ввысь, будто он стоял на плечах неведомого могучего существа. В душе просыпалась надежда, все казалось возможным, и музыка рвалась изнутри, словно сияние.

А в промежутках его одолевала растерянность. Что-то на Амарилис-драйв было сильно неладно.

Вечером накануне Четвертого июля ^[17] Майк сидел на краю кровати, листая страницы книги, которую дал ему мистер Поттер.

Вначале ему попалась мелодия «Спокойной ночи, дамы», затем «Потому что он хороший парень» и «О, Сюзанна!».

Фрэнки забрался на кровать рядом с ним.

— Сыграй мне, пожалуйста!

Майк заиграл «Старый дом в Кентукки».

— Здорово! — прошептал Фрэнки. Глаза у него уже закрывались. — Как ты думаешь, Майк, завтра...

Его веки сомкнулись, а лоб хмурился, как будто Фрэнки изо всех сил загадывал желание.

Майку не нужно было слышать окончание вопроса. Брат каждый вечер спрашивал одно и то же.

«Как ты думаешь, завтра она побудет с нами? Может, позволит обедать вместе с ней, а не отдельно в кухне?»

Майк разгладил пальцем морщинку у Фрэнки на лбу.

— Как ты думаешь, она поведет нас в парк смотреть фейерверки, потому что Четвертое июля же? — сквозь сон пробормотал Фрэнки. — Тем более что мистер Говард уехал?

— Конечно, мелюзга, — шепнул Майк. — Спи! Может, завтра все будет.

Четвертое июля наступило и прошло как всякий обычный день.

В следующую субботу Майк и Фрэнки ждали у себя в комнате, когда мистер Говард придет за ними, чтобы идти гулять в парк. Майк играл на губной гармошке.

Фрэнки рисовал что-то цветными карандашами, лежа на полу. Вдруг он встал и заглянул в зеркало над комодом.

— Как ты думаешь, Майк, может, мне надо постричься?

Майк отложил гармошку и внимательно посмотрел на Фрэнки.

— Разве что через пару недель. Пока что все нормально, по-моему.

— Как ты думаешь, я слишком шумный?

— Да нет! Фрэнки, ты чего?

— Просто мы здесь всем нравимся... Кроме нее. Я каждый день оставляю у ее двери цветы из сада, рисую для нее картинки и кладу на стол рядом с ее тарелкой. А она с нами даже разговаривать не хочет. Вот я и подумал — может, если мистер Говард сводит меня постричься или если я буду меньше шуметь...

Он пожал плечами.

— Слушай, я тебе уже сто раз говорил: ей надо к нам привыкнуть. Она не ожидала, что будут мальчишки. Тем более двое. Некоторые люди очень долго ко всему привыкают. Мы хотя бы не в приюте, да еще и вместе. Верно я говорю?

Фрэнки кивнул:

— Верно.

— Знаешь, мне иногда совестно становится. У других детей ничего нет, а у нас столько всего, — сказал Майк. — У тебя такое бывает?

Фрэнки снова кивнул:

— Я думаю про Джеймса. Он до сих пор у Бишопа, и ботинки ему жмут, а мне новые купили.

— Ага, и у меня то же самое. Я думаю про Мышонка. Он вообще живет на улице. Что он будет делать, когда наступят холода? А у меня тут одеял целый ворох. Я часто задумываюсь: почему мы сюда попали, а не кто-то другой? Мы везучие, мелюзга!

Фрэнки улыбнулся дрожащими губами.

Майк хотел бы сам верить своим словам. Да, им повезло, и все-таки слишком многое не сходилось. Миссис Поттер говорила, что они

привыкнут к непонятностям. Три недели прошло, но Майк так и не привык, и на душе у него было беспокойно. Его постоянно что-то грызло... Куда более трудный вопрос, чем рояль, на котором некому играть.

В комнату заглянула миссис Поттер:

— Мистер Говард пришел. Фрэнки, иди сюда, умоем тебя немножко.

— А она с нами пойдет? — спросил Фрэнки.

Майк заметил мелькнувшую в глазах миссис Поттер жалость.

Она чуть качнула головой, а потом нацепила на лицо улыбку:

— Не сегодня. Но в парке еще продают всякую всячину после праздника. Тебе понравится!

Она взяла Фрэнки за руку и повела умываться.

Из открытого окна доносились голоса. Майк подошел поближе. Внизу, у входа в дом, стояли миссис Стербридж и мистер Говард. Миссис Стербридж была одета на выход — как всегда в черном, в руках перчатки и сумочка.

Мистер Говард подбоченился:

— Едешь встречаться с Голдингом, сегодня? Почему бы тебе не поехать с нами?

— Я стараюсь исправить то, что наворотили.

— Юни, они хорошие ребята! И очень талантливые. Сама увидишь, если дашь им шанс.

Майк не расслышал, что миссис Стербридж сказала в ответ. Увидел только, как она опустила глаза.

Мистер Говард покачал головой:

— Я знаю, Юни, ты многое выстрадала. Этим мальчикам в жизни тоже пришлось нелегко. Прости, что сделал не то, что ты ожидала. Я старался, как мог, учитывая, что времени совсем не оставалось. Ты же знаешь... Твой отец всего лишь хотел, чтобы в доме были дети и музыка и чтобы ты вновь открыла свое сердце.

Тут она посмотрела в лицо мистеру Говарду:

— Что в том хорошего? Все, кто мне дорог, меня покидают!

— Неправда! Я всегда рядом с тобой. И на детской площадке, когда ты, совсем маленькая, потеряла маму. И когда ты вышла замуж за человека, которого не одобрял твой отец. Я был с тобой, когда малыш Генри... И твой отец... — Он задохнулся и на несколько секунд умолк. — Я никогда тебя не покидал. И сейчас я здесь. Но если ты пытаешься мне сказать, что я тебе не нужен, то, быть может, пора мне оставить все это в прошлом.

Он отвернулся и вошел в дом.

Она провожала его взглядом, потом подняла глаза и увидела, что Майк

смотрит на нее из окна.

У Майка запылали щеки. Она, наверное, рассердится, что он подслушивал? Но было непохоже, что она злится. Скорее, что вот-вот заплачет. Майк не успел моргнуть, как она, резко отвернувшись, быстрым шагом направилась к «Паккарду». Мистер Поттер открыл ей дверцу.

Машина уехала, а Майк остался. Теперь его мучили еще и новые вопросы.

Какое отношение имел ее покойный отец к их усыновлению?

Кто такой Генри?

И что она старается исправить?

Всю дорогу до парка мистер Говард молчал, даже не насвистывал, и походка его была совсем не такой бодрой, как обычно.

Когда они проходили мимо его дома, Фрэнки спросил:

— А вы лазали на эти деревья?

Мистер Говард покачал головой.

— В детстве только. Но вы можете на них лазать, когда захотите.

— Майк не полезет, он боится высоты.

— Правда, Майк?

Майк кивнул.

— А я пауков боюсь, — объявил Фрэнки. — А вы чего боитесь, сэр?

— Эх, Фрэнки... Я боюсь потерять все, что в жизни любил. — Он посмотрел на Фрэнки и Майка. — Еще я боюсь потерять то, что только начинаю любить.

— Нас, например? — спросил Фрэнки.

Мистер Говард улыбнулся, но улыбка вышла грустная.

У Майка больно сжалось сердце.

— Понимаете, я надеялся, что когда-нибудь, может быть, мы с Юни...

Мистер Говард нахмурился.

— Поженитесь? — подсказал Фрэнки.

Мистер Говард покраснел. Даже веснушки ярче выступили на лице.

— Вы ее любите? — спросил Фрэнки.

Мистер Говард развел руками:

— Возможно, это уже не имеет значения. Мне на работе предлагают в конце года перевестись в отделение фирмы в Сан-Франциско. Я пока не ответил ни да, ни нет.

Фрэнки схватил его за руку:

— Пожалуйста, не уезжайте!

— Я не могу обещать, что останусь. Все зависит от того, как пойдут дела.

Майк никак не мог догадаться, что же такое должно произойти, чтобы мистер Говард остался?

В парке Фрэнки сразу побежал вперед и стал играть в мяч с какими-то мальчишками. Майк с мистером Говардом сели на скамейку.

Что с ними станет, если мистер Говард уедет? Не будет субботних походов в парк, не будет игры в мяч на лужайке перед домом, не будет

шашек после обеда. Без него дом начнет казаться еще больше, а их жизнь сделается совсем пустой, ведь миссис Стербридж с ними даже и не разговаривает почти.

Майк вдохнул поглубже. Главный вопрос жег его изнутри. Он заставил себя спросить:

— Мистер Говард, сэра! Почему миссис Стербридж нас усыновила? Мы ее всего пару раз видели с тех пор, как здесь живем. Вроде мы теперь и одеты прилично, а ей все равно не нравимся.

Мистер Говард снял шляпу и уставился на нее, как будто в шляпе хранились все ответы.

— Вероятно, так может показаться... Я думаю, ты уже достаточно взрослый, все поймешь, и ты вправе знать. Видишь ли, Майкл, вы с Фрэнки — последняя воля ее отца.

— В смысле он так распорядился перед смертью?

Мистер Говард откинулся на спинку скамейки.

— Не совсем. Понимаешь... Когда Юни было двадцать лет, она вышла замуж за скрипача. Познакомилась с ним в Нью-Йорке, на благотворительном концерте. Он уезжал на гастроли за границу, и она целыми месяцами жила у своего отца, в большом доме. Муж то появлялся, то снова исчезал. Через несколько лет у них родился сын. Генри. Дом преобразился, когда по нему сперва ковылял, а потом носился малыш. Всегда веселый, счастливый, такой живой. Он стал для Юни и ее отца светом в окошке. Они с мистером Дау немножко его избаловали.

— В отделе одежды для молодых джентльменов! — вспомнил Майк. — А где сейчас Генри?

— Однажды муж Юни против ее воли взял сына с собой на озеро, тут неподалеку. Генри было всего три годика, он не умел плавать. Муж Юни за ним не уследил. Встретил знакомых, отвлекся... Произошло несчастье. Генри утонул.

Все вдруг стало ясно.

Майк прошептал:

— Вот почему она не хотела приемных детей... Особенно мальчиков.

Мистер Говард смотрел куда-то вдаль.

— Она так и не простила мужа. Они еще несколько лет жили вместе, но он почти не бывал дома, транжирил ее деньги... В конце концов они развелись. Юни закрылась от мира. Почти не выходила из дома.

— Но у нее остался папа, — сказал Майк.

— Да, пять лет он у нее был. В инвалидном кресле. Полиомиелит. Она за ним ухаживала, это придавало хоть какой-то смысл ее жизни. Но

мистеру Дау становилось все хуже, и он беспокоился, что Юни так больше и не заведет семью. Он всего лишь хотел, чтобы она вновь смогла радоваться и любить. Он втайне изменил завещание. Поставил условие: она получит наследство, только если в течение года после его смерти начнет процедуру усыновления или удочерения. Желательно, чтобы ребенок был музыкально одарен. В противном случае все имущество достанется благотворительным фондам, в том числе и дом. Юни уже много лет не выступала в оркестре, так что, если бы она не выполнила условие, осталась бы совсем без средств к существованию.

— Она удивилась? — спросил Майк.

— Это еще слабо сказано! Удивилась, рассердилась, возмутилась, а ко всему прочему еще и горевала об отце. Сперва она заявила, что не оскорбит память о Генри, заменив его другим ребенком. Старалась опротестовать завещание, но отец у нее был человек умный. Завещание составлено по всем правилам, не подкопаешься. Она все тянула время, и только когда до установленного срока осталось всего несколько недель, поручила мне найти ребенка, чтобы формально выполнить условие... Выиграть еще немного времени.

Мистер Говард смущенно посмотрел на Майку, будто просил прощения.

— Я думал, нас уже насовсем усыновили.

— Бумаги поданы на оформление. Но они получают юридическую силу только через три месяца. Вас усыновили на второй неделе июня. На вторую неделю сентября все будет решено окончательно и бесповоротно.

У Майка даже живот заболел. Так вот о чем она говорила: «Я стараюсь исправить то, что наворотили». Вот почему они ее почти не видят! Она не хочет с ними общаться. Она все силы кладет на то, чтобы от них избавиться.

— Майк, ты в порядке?

Майк медленно проговорил:

— Значит, нас сюда привезли, чтобы юристы смогли за три месяца придумать, как бы нас разусыновить?

Мистер Говард нервно крутил шляпу в руках.

— Прости...

Он положил руку Майку на плечо.

Майк шарахнулся в сторону.

Задыхаясь, он с трудом вытолкнул слова:

— Мистер Говард, скажите только одно: когда она отправит нас обратно? Мне обязательно надо знать!

— По завещанию от нее требуется взять только одного приемного ребенка. Вероятно, она могла бы вернуть вас обоих в приют и найти кого-нибудь другого. Главное, чтобы процедура оформления была начата. Но вряд ли это случится.

У Майка было такое чувство, как будто он долго карабкался на отвесную скалу, а когда добрался до вершины, сорвался и упал вниз.

— Значит, она может каждые три месяца начинать усыновление другого ребенка? Пусть он думает, что всегда будет жить в красивом доме, есть вкусную еду, носить хорошую одежду и ходить с вами гулять в парк? А потом, когда он уже начнет надеяться, что в кои-то веки что-то в его жизни случилось хорошее, она отправит его назад, к Бишопу?

— Майк, я думаю, до этого не дойдет.

Мысли беспорядочно металась у Майка в голове. Слова вырвались как будто сами собой:

— Я должен позаботиться о Фрэнки! С сентября у Бишопы больше не будут держать младших, а ему нельзя в государственный приют! Нельзя — и все! Там малыши умирают! — Майк сжал кулаки. — Вы же всё знали, почему вы нас выбрали? Может, нашлась бы другая семья! Такая, где нас любят...

Он запнулся. Горло перехватило.

— Майк, послушай меня! Когда я познакомился с тобой и Фрэнки, я сразу понял, что вы особенные. У меня у самого брат погиб на войне. Я бы все отдал, чтобы его вернуть. Я не мог разлучить вас. В тот день у Бишопы мне стало ясно, что миссис Пенниуэзер именно этого и хочет. Я подумал — если привезу вас сюда, вы с Фрэнки будете в безопасности хотя бы на лето. Надеюсь, что и дольше.

Майк низко опустил голову.

— Я знал, что все получилось слишком хорошо. Так не бывает.

Мистер Говард ответил тихо:

— В конце концов все будет хорошо, по-настоящему. Я в это верю. — Он протяжно вздохнул. — Знаешь, Майк, она не всегда была такой — замкнутой, надменной. Горе ее изменило. Она была такой любящей матерью... Рядом с Генри ее счастье просто переливалось через край. Она могла... может!.. быть совершенно удивительной. И такая талантливая! Она ведь была пианисткой, выступала с концертами. Когда она выходила на сцену, словно весь мир замирал, и у меня сердце останавливалось. Признаюсь, я рисковал, когда привез сюда вас с Фрэнки. Но я все еще считаю, что поступил правильно. Разве нельзя надеяться на лучшее?

Майк промолчал. Как он мог надеяться на лучшее, когда худшее

казалось куда более вероятным?

Мистер Говард вздохнул и хлопнул Майка по плечу:

— Я бы сам вас усыновил, если бы по закону одинокий холостяк мог это сделать. К сожалению, это не разрешается.

Он встал и пошел к торговцу, который стоял рядом со своей тележкой. Мистер Говард купил три порции эскимо на палочке — «Хорошее настроение» — и позвал Фрэнки.

Фрэнки вскарабкался на скамейку, улыбаясь от уха до уха. Щеки у него покраснелись от игры.

— Спасибо, мистер Говард!

Он стал быстро слизывать капли тающего мороженого. Потом посмотрел на Майка:

— А ты почему не ешь? Что случилось?

— Ничего, мелюзга.

Майк не собирался расстраивать Фрэнки, пугая его государственным приютом. И вообще, это его работа — беспокоиться.

Фрэнки доел мороженое и стал клянчить, чтобы мистер Говард покачал его на качелях.

Майк остался сидеть на скамейке, глядя, как шоколад постепенно сползает с мороженого. Он вытянул руку над газоном, и мороженое шлепнулось на траву: сперва глазурь, потом серединка.

Ночью Майк не мог уснуть.

Время тянулось бесконечно, и такими же бесконечными казались их беды. В голове стоял туман. Майк следил, как пятна света ползут по потолку — это луна заглядывала между ветвями вяза. Майк вскочил и стал ходить по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Он чувствовал себя таким же беспомощным, как в приюте. Посмотрел на Фрэнки — малыш крепко спал, спокойный и накормленный, и улыбнулся во сне.

Майк, взяв губную гармошку, облокотился о подоконник и выглянул наружу. В небе сияла Полярная звезда. Майк начал тихонько, медленно наигрывать «Дом, милый дом». Он скучал по бабушке. Вот бы снова стать маленьким, сидеть рядом с ней за пианино, пока она занимается с учениками. Что же делать? Бабушка говорила, для них обязательно найдется хороший человек. Так где он, этот хороший человек? И как быть Майку?

Он начал песню сначала. Разобрал на части мелодию, как научил его мистер Поттер, и приправил терзаниями своей души. В голове у него звучали слова мистера Поттера:

«Блюз — это музыка о том, чего хочется, а нету... Сколько ни есть у человека, всегда в жизни найдешь еще много... Вроде как, может быть, когда-нибудь станет лучше».

Туман в голове начал рассеиваться.

Фрэнки нужна семья. Миссис Стербридж обязана выполнить волю своего покойного отца. Для этого хватит и одного ребенка. Она и собиралась взять одного. Если Майк скроется с глаз долой, захочет она оставить себе Фрэнки?

Майк повертел в руках гармошку, переполненный музыкой и новой мыслью. Металлические накладки блеснули в лунном свете. Майк обвел пальцем букву «В».

Он закрыл глаза. Куда же ему деваться?

Вернуться к Бишопу и работать на ферме или совсем сбежать? Фрэнки это уничтожит. А вот если придумать что-нибудь другое... Например, поступить в оркестр губных гармоник — тогда мелюзга за него только порадует.

Майк отошел от окна. Он достал из ящика комода свою жестяную коробку. Вынул газетную статью и провел пальцем по заголовку:

«Волшебные гармоники Хокси». Нашел на странице нужный абзац.

«Оркестр поддерживает группа дам — добровольных помощниц. Особо одаренных детей в случае необходимости помещают в приемные семьи, так что они живут в домашней обстановке и в то же время вливаются в коллектив оркестра и пользуются всеми преимуществами общения в музыкальном сообществе».

Если Майка примут, можно пока и не говорить Фрэнки, что он собирается жить в другой семье. А там наступит сентябрь, пора будет идти в школу. Майк притворится, будто только и мечтал об оркестре. Пообещает приезжать домой в перерывах между гастролями. Он что угодно наобещает, лишь бы брату жилось хорошо.

Убедить Фрэнки будет нетрудно. Чтобы все получилось, нужно еще, чтобы его приняли. И чтобы она смогла снова открыть свое сердце.

Как там говорил Мышонок?

«У всех есть сердце. Только иногда приходится потрудиться, пока его найдешь... если хочешь от взрослых что-то получить или выведать, надо подойти и попросить вежливо».

Майк снова забрался в постель, обнял Фрэнки, защищая от всех бед, и заснул с привычной тяжестью на душе, перебирая в уме все, что может пойти не так.

Майк был рад, что придумал хоть какой-то план, только осуществить его оказалось неожиданно трудно.

Всю неделю он караулил миссис Стербридж, но увидеть ее удавалось только мельком. Когда она была дома, то сидела у себя в комнате или в библиотеке, закрыв дверь и велел ни в коем случае ее не беспокоить. Если она была в саду и Майк выходил из дома, она сейчас же возвращалась в дом. Спускалась только после того, как Майк и Фрэнки вечером уходили к себе.

Когда он спрашивал миссис Поттер, где она, та качала головой и всякий раз отвечала:

— Опять с юристами встречается.

К субботнему утру Майк совсем извелся. Была уже середина июля. Слишком быстро проходит лето! Скоро времени совсем не останется.

Незадолго до того, как пришел мистер Говард вести их в парк, Майк решился. Сделал глубокий вдох и постучался в дверь библиотеки.

— Войдите!

Майк вошел. Она сидела за столом с авторучкой в руке.

— Да?

— Мэм, я... я... — Майк задохнулся.

Он потрогал нагрудный карман, где лежала гармоника, и как будто стало немножко легче.

— Что такое, Майкл? Я очень занята. Скоро мне нужно будет уехать по делу, а я еще должна успеть...

Майк уставился в пол. Грудь сдавило словно железным обручем. Слова в голове смешались в кашу.

— Я знаю, почему нас к вам привезли, — кое-как выговорил он. — Мистер Говард рассказал про завещание вашего папы. И что вам пришлось нас взять к себе. И про вашего сына. Вы, наверное, поэтому не хотели мальчиков.

Она нахмурилась. Отложила авторучку.

— Мистеру Говарду не следовало это обсуждать. Я с ним поговорю.

— Он не виноват. Я его прямо в лоб спросил, зачем мы здесь. Я знал, что тут что-то не то. По вам же видно, что мы вам не нужны. — Он глубоко вздохнул. — Я хочу знать: то, что про вас говорят миссис Поттер и мистер Говард, — правда?

Она изогнула бровь:

— И что же они говорят?

— Миссис Поттер сказала, что в глубине души вы добрая, при том что на вас столько всего свалилось. Наверное, это значит, что на вас свалилось очень много грусти и вашему сердцу трудно выбраться из-под этой тяжести. Когда я грустил, потому что мама умерла, бабушка говорила: горе тяжелее всего нести в одиночку. Так что я понимаю.

Она стояла к нему в профиль и хмурилась, глядя в сад. Уже сердится?

Память о словах Мышонка заставила его продолжить. «Попроси вежливо — почти всегда получишь то, чего хочешь».

— А мистер Говард сказал, что вы любящая мать, и когда вы были со своим сыном, счастье переливалось через край. Он еще сказал, что вы талантливая и удивительная. Так вот, если это все правда, я хотел спросить... Может, вы согласитесь оставить у себя Фрэнки? Понимаете, если вы нас отправите опять к Бишопу, Фрэнки переведут в государственный приют, а там и водяная крыса не выживет. Я даже думать не могу, что с ним там будет. Он маленький совсем, ему нужно, чтобы кто-нибудь о нем заботился. Мне-то повезло, я маму помню... — Майк прикусил щеку изнутри, чтобы не заплакать. — А Фрэнки не помнит.

Он сделал еще один глубокий вдох, но голос все равно сорвался:

— Бабушка... Она нам была почти как мама, но теперь ее тоже нет. А Фрэнки нужна мама. Я видел, как он на вас смотрит. Все надеется, что вы его заметите. Поэтому и картинки для вас рисует, и цветы оставляет у вашей двери, и каждый вечер меня спрашивает — может, завтра вы захотите с ним побыть.

Она медленно повернулась к нему лицом, качая головой.

Майк заторопился высказать все, что вертелось в голове:

— Честное слово, он не будет стараться занять место вашего сына! И ему необязательно звать вас мамой. Может, вы ему будете вроде как тетя? У нас никогда не было тети.

Майк сам не знал, откуда слова взялись:

— Мистер Говард объяснил, вам необходимо усыновить только одного ребенка. Я много думал. Я могу уйти. Попробую поступить в оркестр Хокси «Волшебные гармоники». Там, если ты бездомный, тебя могут устроить в семью. Мистер Поттер говорит, я хорошо играю. Может, меня и примут. Тогда я буду жить во временной семье, а когда вырасту, пойду в армию. Вам не надо обо мне беспокоиться. Вы бы только позаботились о Фрэнки!

Она прошептала:

— А ты сам этого хочешь, Майкл?

— Если Фрэнки из-за этого можно будет остаться — тогда да, хочу. А если не поступлю в оркестр — отправьте меня назад к Бишопу. Только разрешите иногда навещать Фрэнки! Мне обязательно нужно хоть изредка с ним видеться... И ему со мной тоже. — Майк провел рукой по глазам. — Если он будет жить у вас, пусть я буду опять у Бишопы, или работать где-нибудь на ферме, или в оркестре — главное, мне будет спокойно, потому что он пристроен и никто его не обижает.

Миссис Стербридж прижала ко рту ладонь.

Ее тошнит от его слов? Но Майк уже не мог остановиться:

— Фрэнки очень привязался к мистеру и миссис Поттер. А мистер Говард ему прямо как отец, а у Фрэнки никогда отца не было... Ну, то есть это если мистер Говард не переедет в Сан-Франциско. Он не хочет уезжать. Если вы только скажете слово, он здесь останется навсегда. Он... Он вас любит.

У нее в глазах блестели слезы.

Тут раздался звонок в дверь.

— Это мистер Говард, приехал с нами погулять в парке, — сказал Майк.

Она кивнула и прошептала:

— Тогда иди.

— Мэм, ему здесь было бы хорошо, как нигде. Здесь всякому было бы хорошо! Бабушка говорила, красивый дом ничего не значит, лишь бы у хозяев этого дома душа была такая же красивая. Так если это все правда, что вы добрая и удивительная... Можно Фрэнки с вами останется?

Она отвернулась к окну и застыла, словно статуя. Но Майк видел сбоку, что по щеке у нее катятся слезы.

Знать бы еще, что они означают.

По дороге в парк Майк никак не мог избавиться от ощущения, что он забыл что-то важное.

Что же? Он потрогал макушку — шапка здесь. Сунул руку в карман — гармоника на месте. Может, забыл что-то сказать? Он так и не понял, захотела миссис Стербридж оставить у себя Фрэнки или он только сделал еще хуже. Надо было извиниться за то, что довел ее до слез? Или за свое нахальство? Или хотя бы предупредить миссис Поттер, что хозяйка расстроилась?

— Мистер Говард, сэр, я сбегаю домой на минуточку, — сказал Майк. — Я кое-что сделать забыл.

— Ты уверен? — спросил мистер Говард.

Майк улыбнулся, чтобы его успокоить, кивнул и побежал обратно.

— До скорого! — крикнул он на бегу.

Подбегая к дому, он заметил, что «Паккард» все еще стоит у входа. Разве мистер Поттер не повез миссис Стербридж на деловую встречу?

Он осторожно заглянул на кухню. Мистер Поттер сидел за столом, склонив голову к плечу, и, чуть усмехаясь, смотрел в пространство. Миссис Поттер застыла у раковины, держась за сердце.

Заметив Майка, она приложила к губам указательный палец, показывая, чтобы он не шумел.

Что случилось? Почему нужна тишина?

И вдруг он понял.

Рояль!

Кто-то играл Ноктюрн Шопена номер двадцать — тот самый, что Майк играл в свое первое утро здесь. Только сейчас играли с невероятным мастерством. Неужели это она?

Майка словно потянуло вперед. Он осторожно вышел в холл.

Дверь в музыкальную комнату была приоткрыта. Майк спрятался за ней и заглянул в щелочку.

Миссис Стербридж сидела за роялем, прямая и элегантная, только голова и руки тянулись к клавиатуре, наполняя комнату музыкой. Майк дышал этой музыкой, он почти задышался от тех чувств, что жили в ней. Правильно сказал мистер Говард — весь мир замер. Майк закрыл глаза, погружаясь в мелодию.

И вдруг очнулся от ужасного грохота. Он снова заглянул в комнату.

Миссис Стербридж в ярости колотила по клавишам. Этот звук отозвался у него знакомой дрожью в костях.

Майк словно вернулся в бабушкину гостиную, он снова бил по клавишам, выпуская свое горе из сердца через пальцы наружу. Он сморгнул слезы. Эта боль была ему знакома.

Миссис Стербридж встала и, размахнувшись, выбила подпорку. Крышка рояля с оглушительным стуком упала. Миссис Стербридж снова рухнула на скамеечку и уронила голову на клавиатуру, пряча лицо в сгибе локтя. Плечи у нее тряслись от рыданий, и клавиши в ответ издавали рваные, диссонирующие ноты.

Майк прижался к стене. Глаза щипало. Мимо пробежала миссис Поттер, а он все не мог сдвинуться с места. Так и стоял столбом, когда миссис Поттер провела мимо него свою хозяйку, обмякшую, словно тряпичная кукла, и, поддерживая за талию, повела ее вверх.

Это все он виноват? Видно, он просил слишком много.

Почти целую неделю миссис Поттер курсировала между кухней и комнатой миссис Стербридж. Носила ей еду на подносе и шикала на всех, потому что хозяйке нужен покой.

Майка мучила совесть. Он так никому и не рассказал о том разговоре. Хотел попросить прощения, но не знал, как и когда это сделать.

Букетики цветов, которые Фрэнки оставлял у ее двери, засыхали один за другим. Возле ее места на обеденном столе копились его рисунки. Приходил мистер Говард — миссис Стербридж не захотела его видеть. Он уныло играл в мяч с Фрэнки или сидел на террасе и играл в шашки, неизменно позволяя мелюзге выигрывать.

В четверг миссис Поттер сказала, что, если хозяйка в ближайшие дни не придет в себя, она вызовет доктора. Майк пришел в отчаяние. Что, если ее отправят в больницу? С горя он все рассказал мистеру Говарду. А мистер Говард только похлопал его по плечу и сказал, что Майк ей дал самое лучшее лекарство. Майк не понял, о чем это он.

Поздно вечером он наконец-то услышал в библиотеке голоса. Похоже было, что разговаривают миссис Стербридж и мистер Говард, только очень тихо — слов не разберешь. Она что-то решила насчет него и Фрэнки? У Майка снова тугой узел скрутился в животе.

На следующий вечер, когда Майк и Фрэнки уже собирались ложиться спать, кто-то постучался к ним в комнату. Майк открыл дверь, думая, что там миссис Поттер, и очень удивился, когда увидел миссис Стербридж. Она была в халате, поверх него закутана в шаль. Глаза у нее были усталые.

— Майкл, можно тебя на минуточку? Хочу с тобой поговорить.

Он вышел в коридор, закрыл за собой дверь и выпалил:

— Мэм, я извиниться хотел за тот раз... Простите, если я вас расстроил...

Она подняла руку, качая головой:

— Не нужно извиняться. Я много думала о твоей просьбе. Я совсем не учитывала ваши с Фрэнки... обстоятельства... Сейчас я... Я понимаю... — Она нахмурилась, перебирая пальцами бахрому шали. — Я пришла сказать: если ты действительно этого хочешь, я не против. Но я хочу, чтобы ты знал, чем бы ни закончилось у тебя с оркестром...

Дверь приоткрылась. Фрэнки с надеждой смотрел на них:

— А со мной вы тоже хотите поговорить?

Ее взгляд смягчился:

— Я как раз хотела сказать тебе спасибо за чудесные цветы и рисунки.

Она посмотрела Майку в глаза и кивнула.

«Чем бы ни закончилось у тебя с оркестром»...

Она в любом случае позволит Фрэнки остаться!

Майк прошептал:

— Спасибо.

В субботу перед обедом Фрэнки ворвался в их с Майком комнату, вытаращив глаза:

— Миссис Поттер сказала, чтобы мы через пятнадцать минут пришли в библиотеку! Мистер Говард придет к обеду. И знаешь что? Ей уже лучше, она будет обедать с нами в столовой! Миссис Поттер говорит, давно пора. Ой, и еще нам надо навести марафет. Это значит, надеть чистую рубашку, причесаться и вообще.

Майк засмеялся и помог Фрэнки расчесать волосы. Кажется, дело наконец-то пошло на лад. Он замечал и другие перемены после того разговора с миссис Стербридж. Вчера мистер Поттер привязал к ветке вяза в саду качели. В библиотеке отворили ставни, и теперь комнату заливал солнечный свет. Один из рисунков Фрэнки повесили на стену в кухне. А сегодня утром приходил настройщик роялей.

Подгоняя Фрэнки к лестнице, Майк с затаенной радостью увидел у мелюзги улыбку во все лицо. Счастье знать, что Фрэнки устроен — и в то же время тяжело на сердце, как представишь, что дальше придется жить одному, без брата. Наверное, Фрэнки нужен ему не меньше, чем он сам нужен Фрэнки?

Когда они вошли в библиотеку, мистер Говард поднялся с дивана, где сидел рядом с миссис Стербридж. Она, одетая в синее платье, словно помолодела и похорошела.

— Мальчики, мы рады вас видеть! — сказал мистер Говард.

Миссис Стербридж кивнула:

— Майкл, Франклин, входите, присядьте на пару минут перед обедом!

Она жестом предложила им два стула напротив дивана.

Мистер Говард показал газету, сложенную так, что был виден заголовок: «НАЧИНАЕТСЯ КОНКУРС ГУБНЫХ ГАРМОНИК». Ниже была помещена фотография оркестра Хокси.

— Помните, мистер Уилкинсон из музыкального магазина рассказывал о конкурсе? Я был приятно удивлен, когда Юни позвонила мне и рассказала, что прочла статью о нем в сегодняшней газете. Майк, она

считает, что ты мог бы этим заняться, если хочешь.

Фрэнки выпалил, запинаясь от волнения:

— Мэм... То есть миссис Стербридж! Оркестр губных гармошек? Майку можно пойти на прослушивание? Правда?

Она кивнула:

— Мистер Поттер считает, что у него большой талант. И заодно ему будет чем заняться до того, как... До сентября. И еще, Франклин. Вы с Майклом можете называть меня тетя Юни.

Франклин обернулся к Майку:

— Слышал — нам можно звать ее тетя Юни!

Майк знал, что вряд ли станет называть ее тетей Юни. Он хотел бы радоваться... Поступить в оркестр — замечательное приключение. Но в голове звучали только слова: «до сентября». А в сентябре он должен уехать.

Мистер Говард сказал:

— Давайте послушаем статью.

Он прочистил горло и начал читать:

«Начиная с июня более пяти тысяч детей, мальчиков и девочек, записались в классы по обучению игре на губной гармонике. Они готовы показать свои достижения на конкурсе, который будет проходить в крупных церквях Филадельфии, в отделениях Ассоциации христианской молодежи и просто в домах местных жителей».

— Больше пяти тысяч... — Майк даже рот разинул.

Он не представлял, что участников так много.

Фрэнки присвистнул, услышав эту цифру.

А мистер Говард читал дальше:

«Первый тур конкурса состоится десятого августа. Каждый участник исполнит одно обязательное произведение и одно по своему выбору. Судьи определяют, кто войдет в полуфинал».

— Где мне проходить конкурс? — спросил Майк.

— Сейчас посмотрим, — ответил мистер Говард. — Тут есть список. Та-ак... Ближе всего отделение АХМ в центре города.

— А потом что? — Майк подался вперед.

Мистер Говард снова стал читать:

«Неделю спустя для полуфиналистов состоится второй тур в Баптистском храме. В финале двадцать участников будут выступать в приемной мэра в здании муниципалитета. На следующий день после финала Альберт Хокси и его знаменитый Филадельфийский оркестр губных гармоник, выступавший перед такими выдающимися деятелями, как Чарльз Линдберг ^[18] и королева Румынии, дадут концерт для местных

жителей, также в муниципалитете. Музыкальные волшебники не устают радовать слушателей всех возрастов. Финалисты конкурса и их родственники займут на концерте почетные места в зрительном зале».

— Что такое «почетные места»? — спросил Фрэнки.

— Лучшие места в первом ряду, — ответила миссис Стербридж.

Мистер Говард вновь продолжил:

«В течение еще нескольких дней судьи обсудят мастерство финалистов и по почте известят победителей. Среди призов музыкальные инструменты, подарочные сертификаты на покупку одежды у местных торговцев и самый желанный приз: приглашение вступить в знаменитый оркестр».

Фрэнки взмолился:

— Майк, скажи «да»! Пожалуйста! Если ты пройдешь в финал, мы будем почетными гостями на концерте! А не пройдешь — ничего страшного. Хоть не на лучших местах, но мы все равно сможем их увидеть! — Он взмахнул рукой. — Волшебные гармоники Хокси!

Фрэнки скрестил пальцы, глаза его светились надеждой.

Миссис Стербридж поймала взгляд Майка и кивнула.

— Хорошо, Фрэнки, — сказал Майк. — Я попробую.

Фрэнки повис у него на шее.

— Ур-р-ра-а-а!

— Какое обязательное произведение для первого тура? — спросила миссис Стербридж.

Мистер Говард перевернул газетную страницу.

— «Старый дом в Кентукки».

— Майк эту песню вдоль и поперек знает! Она была в учебной книжечке, которая прилагается к нашим гармошкам! — сказал Фрэнки.

— А что возьмешь по выбору? — спросила миссис Стербридж.

— Я могу сыграть «Колыбельную» Брамса или, например, «Прекрасную Америку», — сказал Майк.

— «Прекрасная Америка» — очень хорошо, — сказала миссис Стербридж. — Патриотические песни всегда трогают слушателей. Мистер Говард говорил мне, что, когда вы с Фрэнки играли эту мелодию в приюте, всем очень нравилось.

— Поварихи утирали глаза посудными полотенцами, — сказал мистер Говард.

— Я не очень уверен, как некоторые пассажи переделать для губной гармошки, — сказал Майк.

— Завтра с утра сядем за рояль и посмотрим, как можно переложить эту мелодию. — Миссис Стербридж улыбнулась. — Я уже попросила

помощи у мистера Поттера. Он сказал, что для него честь — обучать тебя. Сейчас, Майкл, я тебе скажу один секрет. Чтобы добиться успеха на любом конкурсе, нужно выступить так, чтобы тебя обязательно заметили. Неважно, простую мелодию ты играешь или сложную — важно, чтобы она запомнилась слушателям. А для этого нужно очень много упражняться. Но об этом мы поговорим позже. Я чую аромат жаркого миссис Поттер. Умираю от голода! Пойдем обедать?

Она встала. Фрэнки подбежал к ней и подал согнутую в локте руку.

Мистер Говард подмигнул Майку:

— Я говорил — надо надеяться на лучшее. Чудеса случаются!

Но Майк знал, что никакое это не чудо.

Просто они с миссис Стербридж заключили деловое соглашение, и она выполняет свою часть сделки.

Следующие три недели каждое утро Майк садился за рояль рядом с миссис Стербридж, и она помогала ему переложить для губной гармошки и разучить «Прекрасную Америку».

Она предложила ему начать с собственной аранжировки, потом исполнить второй куплет в стиле блюза, а закончить, как он сам когда-то учил Фрэнки, как можно проще, без лишних завитушек. Тогда, сказала она, его выступление выйдет запоминающимся.

Во второй половине дня он занимался с мистером Поттером. Тот помогал с блюзовой частью. Майку совсем нетрудно было всей душой прочувствовать грусть. Он знал, чего он хочет, а этого нет. Если блюз — это песня, которая просится жить, то второй куплет «Прекрасной Америки» в исполнении Майка — это была отчаянная мольба о родном доме.

* * *

Накануне первого прослушивания Майк с утра спустился вниз и, как обычно, застал миссис Стербридж за роялем. Он сел рядом и вытащил из кармана гармошку.

Миссис Стербридж погрозила ему пальцем.

— Сегодня никаких репетиций! Ты уже более чем готов. Давай просто поиграем. — Улыбаясь, она одной рукой указала на клавиатуру, а в другую взяла нотную тетрадь. — Что выберет мой ученик — Брамса? Или Бетховена?

Майк покраснел. Она правда сказала «мой ученик»? Это, конечно, ничего не значит, а все-таки...

— Бетховена, — ответил Майк.

Миссис Стербридж поставила ноты на пюпитр.

— Знаешь «К Элизе»?

Он кивнул:

— Один раз играл на утреннике. Давно не повторял. Середина у меня не очень хорошо выходит.

Она погладила его по плечу:

— Ничего, играй в своем темпе. Остановишься, когда захочешь. Давай вместе!

Майк начал играть, сосредоточенно глядя в ноты. Миссис Стербридж сыграла среднюю часть, а Майк — окончание.

— Теперь давай ты скрипичный ключ, а я — басовый.

Они начали снова. На этот раз Майк играл за правую руку, а миссис Стербридж — за левую. Когда их руки сталкивались, она смеялась, и он тоже. Во весь голос.

Хотелось, чтобы это не кончалось.

— Теперь вы! — попросил Майк.

Ее руки летали над клавишами. Доиграв до конца, она со смехом обняла его за плечи. Майк понимал, что это просто минутный порыв — но было приятно чувствовать себя у нее под крылом и знать, что она о нем заботится. Пусть хоть ненадолго.

На следующий день Майк с легкостью прошел первый тур конкурса в местном отделении АХМ.

Через неделю в Баптистской церкви состоялся второй тур, и Майк прошел в финал.

И вот еще неделю спустя он идет по длинному коридору в здании муниципалитета к приемной мэра. Самому не верится, что он в финале и что лето уже кончается.

Тетя Юни, мистер Говард и Фрэнки шли за ним до самой двери с надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ ФИНАЛИСТОВ».

— Почему нам туда нельзя? — спросил Фрэнки.

— Последний тур — закрытое прослушивание, — объяснила тетя Юни. — Мы увидим Майкла, когда он выйдет.

Фрэнки посмотрел на него, задрав голову:

— Удачи, Майк!

Майк потрепал брата по волосам:

— Спасибо, мелюзга!

Мистер Говард пожал ему руку и отступил на шаг со словами:

— Я буду надеяться на лучшее.

Тетя Юни коснулась его локтя.

— Я слышала, на что ты способен. По-моему, ты необыкновенно одарен. Мистер Поттер тобой гордится. — Она улыбнулась. — Надо было мне раньше тебе сказать... Все, о чем ты меня просил тогда в библиотеке, — все это разрешилось. Понимаешь?

— Да, мэм, — сказал он. — Спасибо, что сдержали слово насчет Фрэнки.

— Дело не только в том, что я обещала насчет Фрэнки. Речь и о тебе тоже.

— Я понимаю, — ответил Майк.

И он действительно понимал. Она выполнила обещание — дала ему возможность участвовать в конкурсе. Завтра концерт, а на следующей неделе он получит письмо с сообщением, принят он в оркестр или нет. Этим определится, нужно ли ему будет вернуться в приют.

Тетя Юни, мистер Говард и Фрэнки пошли прочь, взявшись за руки. Майк смотрел им вслед, и сердце у него ныло. Он глубоко вздохнул и запретил себе мечтать о том, чего не может получить. Нужно было

сосредоточиться на конкурсе.

Какой-то мальчишка пробежал мимо него к двери.

— Эй! — крикнул он. — Ты — тот рыжий, о котором все говорят? Я тебя видел в полуфинале. Удачи!

— Спасибо, тебе тоже, — ответил Майк.

Он придержал дверь, не давая ей закрыться, и вслед за тем мальчишкой вошел в комнату, где нужно было ждать своей очереди.

Финалисты толпились в каждом углу. Звучали гаммы и отдельные ноты губных гармошек, и обрывки «Старого дома в Кентукки». Дама с лентой общества добровольных помощниц через плечо раздавала расписание прослушиваний. Мальчишки болтали друг с другом.

— Тебе какое время назначили? Чем позже, тем лучше, тогда тебя хорошо запомнят.

— Не-а, позже — хуже. Сильнее успеешь перетрусить.

— Меня мама заставила надеть воскресную рубашку и галстук бабочкой, чтобы произвести хорошее впечатление.

— Ты, главное, сыграй хорошо.

Майк проглядел листок, который сунули ему в руки. Ему предстояло выступать последним.

Дама с лентой хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание.

— Начинаем! Ждете, пока вас вызовут, и проходите в соседнюю комнату. Там сидят судьи. Играете вначале обязательное произведение, затем по выбору. Выходите с другой стороны. Родные будут вас ждать в главном вестибюле. Судьи вынесут решение в понедельник. Победителям сообщат по почте на следующей неделе, а в субботу результаты объявят в журнале «Инквайрер».

Она заглянула в бумаги.

— Еще одно. Концерт состоится завтра вечером. Если у вас есть старые губные гармошки и вы не против пожертвовать их на благотворительность, приносите их с собой.

Майк нашел стул, сел и погладил нагрудный карман, где лежала гармоника. Она казалась ему старым другом. Благодаря ей он смог спасти Фрэнки и даже сам хоть ненадолго сблизился с тетей Юни. Все это сделал маленький музыкальный инструмент. Каким чудом Майк и гармоника нашли друг друга? Может, прав был мистер Уилкинсон — гармоника сама его выбрала?

Дверь в приемную открылась. Еще одна добровольная помощница улыбнулась участникам конкурса и объявила первую фамилию.

Все разговоры сразу стихли. Мальчик встал, перешагнул порог, и дверь

за ним закрылась.

Мальчишки снова стали переговариваться.

— Что это за благотворительность?

— Собирают старые губные гармошки, чинят и отправляют по почте в Калифорнию, детям бедняков.

— Хокси постоянно что-нибудь такое делает. Он добряк, его разжалобить ничего не стоит.

— Сироток жалеет. В оркестре их полно. Если у тебя нет мамы с папой — считай, дорога в оркестр открыта. А у меня оба родителя живы, вот невезение.

— Не говори так! — выкрикнул Майк и сам себе удивился.

Потом прибавил тише:

— Твое счастье, что у тебя есть семья.

Одного за другим финалистов вызывали в приемную, а Майк все ждал.

Он уже думал, что ему станет плохо, когда наконец объявили его фамилию.

Майк вошел в комнату с деревянными панелями по стенам — она напомнила ему библиотеку тети Юни.

За длинным столом сидели семеро судей. Перед каждым лежали карандаш и бумага. Добровольная помощница представила их: директор городского оркестра, директор общественного хора, музыкальный критик журнала «Филадельфия Инквайрер», владелец местного театра, мэр Филадельфии и Альберт Н. Хокси.

Хокси был одет в униформу оркестра. Плотный, щекастый, с зачесанными назад волнистыми волосами, он выглядел образцовым добрым начальником.

— Ты — Майкл Фланнери?

— Да, сэр.

— Ну что ж, сынок, послушаем, что ты умеешь. Удачи! Можешь начинать.

Майк поднес к губам гармонику и заиграл обязательное произведение. Играл, как учила тетя Юни — без всякой импровизации и как можно правильнее технически. Закончив, сделал короткую паузу, обвел взглядом судей и начал «Прекрасную Америку».

Первый куплет сыграл медленно и нежно, будто колыбельную. Второй — в стиле блюза, с трелями, переливами и ритмическими украшениями. Майку было нетрудно раскрыть в музыке свои жизненные испытания. Закрыв глаза, он вернулся в прошлое: снова впервые оказывался на Амариллис-драйв, ехал в телеге с Мышонком, валялся на койке в общей уютной спальне, разглядывая трещины в краске на потолке, стоял у бабушкиного окна, дожидаясь новостей из больницы, и слушал, как мама поет им с Фрэнки.

Третий куплет он сыграл, как они раньше играли с Фрэнки — сперва словно буря поднимается, а когда доходит до «всеобщей судьбой» — все медленнее, тише, спокойнее, как можно проще и прозрачней.

Наконец он опустил руку с гармоникой и посмотрел на судей. А они смотрели на него во все глаза. Майк смущенно переступил с ноги на ногу. Он что, плохо сыграл? Кто-то из судей прокашлялся. Потом все они застрочили в своих листках.

Мистер Хокси обошел вокруг стола и потряс Майку руку:

— Спасибо, Майкл! Впечатляющее исполнение. Когда будешь

уходить, не забудь взять билеты на завтрашний концерт. Письмо с результатами ты получишь на следующей неделе. Удачи тебе! Ты очень многообещающий кандидат.

Майк покраснел, на этот раз от гордости:

— Спасибо, сэр!

Дома мистер и миссис Поттер ждали их на кухне с тортом.

— Надо отпраздновать, — сказала тетя Юни.

— Мы же еще не знаем, приняли Майка или нет, — сказал Фрэнки.

— Когда я была маленькой, — сказала тетя Юни, — мой папа обязательно устраивал угощение после каждого важного прослушивания, и непременно до объявления результатов. Он говорил, что торт дается прежде всего за старание.

Мистер Говард улыбнулся:

— Ну, если за старание, тогда ты, Юни, тоже заслужила торт.

Она улыбнулась ему в ответ.

Мистер Говард потер руки:

— Ну, мальчики, сейчас будет объеденье! Миссис Поттер печет потрясающий шоколадный торт!

— Это точно, — сказал мистер Поттер.

Миссис Поттер поставила перед Фрэнки тарелочку с большим куском торта.

— Ух ты! — воскрился он. — А что получит Майк, если поступит в оркестр?

Майк выпалил:

— Получу право снова начать упражняться. Правильно, тетечка?

Фрэнки захихикал:

— Тетечка?!

Все засмеялись.

Майк почувствовал, как горят щеки. Слова само собой выскочило. Она не обиделась? Он осторожно покосился на нее, а она улыбнулась и кивнула, как будто все идет как надо.

Примут его в оркестр или нет, скоро он должен со всеми с ними расстаться. Майк откусил побольше торта, чтобы ни о чем другом не думать.

Он обвел взглядом кухню, задерживаясь на каждом. Вот мистер Говард протянул руку и смахнул крошки от торта с рукава тети Юни. А она вытерла салфеткой измазанную в шоколадной глазури щеку Фрэнки. Фрэнки посмотрел на Майка и улыбнулся, показывая коричневые от шоколада зубы.

Мистер и миссис Поттер посмеивались, глядя на Фрэнки.

Майк старался все это запомнить: смех, веселье, запах шоколадного торта, который испекли в награду за старание.

Он закрыл глаза, желая сохранить в памяти эту минуту, чтобы всегда помнить — она была в его жизни.

В воскресенье, наряжаясь перед концертом, Фрэнки засыпал Майка вопросами.

— Как ты думаешь, они будут в пелеринках? Как эти высокие шляпы у них не сваливаются? А какие песни будут играть? Наши места точно в первом ряду?

— Фрэнки, — сказал Майк, — ты меня совсем изведешь вопросами, как изводишь миссис Поттер. Нам собираться надо, а ты отвлекаешь. Да, наши места в первом ряду. И не забывай, во время концерта нельзя меня ни о чем спрашивать! Надо вести себя прилично.

— Знаю, знаю. Майк, а если тебя примут, ты вступишь в оркестр?

— Мы уже десять раз об этом говорили. Ты правильно сказал, если не примут — ничего страшного. А если примут, надо будет подумать.

— Наверное, тетя Юни тебе позволит, если ты не слишком часто будешь уезжать.

Майк отвел глаза:

— Ага. Наверное, позволит. Но мы все равно ничего не узнаем, пока не придет письмо.

Миссис Поттер принесла им накрахмаленные и отглаженные белые рубашки.

— Пора! Хозяйка ждет внизу, чтобы завязать вам галстуки. Мистер Говард уже здесь. А мистер Поттер подал машину к крыльцу. Майкл, ни о чем не думай и наслаждайся концертом. Ты целый месяц упражнялся в поте лица — теперь можно просто послушать хорошую музыку.

— Спасибо, миссис Поттер!

Когда они шли к машине, тетя Юни вдруг схватилась за голову.

— Шляпку забыла!

— Я принесу, — вызвался Майк.

— Спасибо! В библиотеке, на столе, фетровая шляпка-клош. Только осторожней, не уколись о булавку!

Майк бегом побежал в библиотеку. На письменном столе лежала шляпка в виде колокольчика, тулью украшала булавка с жемчужинкой. Майк осторожно взял ее в руки.

Под шляпкой лежала стопка бумаг, и сверху всех — письмо из конторы мистера Голдинга. В глаза бросились красные буквы штемпеля:

ЗАЯВКА ОДОБРЕНА

Майк прочел первое предложение.

«Ваша заявка на отмену процедуры усыновления Майкла Фланнери и Франклина Фланнери одобрена; для ее вступления в силу необходимо не позднее пятнадцатого сентября 1935 года прислать данную бумагу с нотариально заверенной подписью».

Она отменила усыновление? Это было как удар под дых.

Она все врала?

Майка трясло. Он схватился за стол.

Как же он ничего не заметил? Они ведь с ней договорились! Она сама сказала, что «все разрешилось»! А все эти уроки за роялем, торт, ласковые слова? А как же Фрэнки? Она как будто привязалась к нему, полюбила даже.

Неужели Майк так сильно в ней ошибся?

Что он за дурак! Все обман, лишь бы выиграть три месяца. Она никого из них не собиралась оставить насовсем.

На улице загудела машина.

В библиотеку заглянула миссис Поттер:

— Майкл, поторопись! Все тебя ждут. Да у тебя ни кровинки в лице! Тебе нехорошо?

Майк молча схватил шляпку и выбежал за дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Совершенно ошарашенный, он забрался на заднее сиденье и протянул миссис Стербридж шляпку как ни в чем не бывало. Он не укололся о булавку, зато больно колело в груди.

Машина покатила по Амариллис-драйв. Когда проезжали мимо парка, Майк уставился на скамейку, где мистер Говард посоветовал ему надеяться на лучшее. Говорил — в конце концов все будет хорошо по-настоящему. Говорил — вряд ли до этого дойдет. А вот дошло. Майк смотрел в окно, и в голове у него было пусто.

— Майк? Что-то ты притих, — сказал мистер Говард.

Он тоже знал?

— Устал просто. — Майк отвернулся, стараясь привести мысли в порядок.

Если его и примут в оркестр, все равно ему нельзя поступать, ведь тогда Фрэнки некуда будет деваться, кроме как в государственный приют. А если не примут — их обоих отправят назад, к Бишопу. Но этого тоже

нельзя допускать, по той же самой причине.

Что делать?

Сначала мелькнувшая в голове мысль показалась дурацкой.

Но к тому времени, как они заняли свои места у самой сцены вместе с двадцатью другими финалистами и их семьями, мысль успела укорениться.

В глубине зрительного зала распахнулись двери. Филадельфийский оркестр губных гармоник строевым шагом двинулся по проходу колонной по два. Все в них было великолепно: синяя форма, как у кадетов, блестящие пуговицы, шляпы, до блеска начищенные ботинки. Оркестранты промаршировали к сцене, размахивая руками в такт шагам. В левой руке каждый держал сверкающую губную гармошку. У самой сцены они разделились: одна колонна свернула направо, другая — налево. Музыканты поднялись на сцену по лесенкам с обеих сторон и заняли свои места на возвышении.

Тогда на сцену вышел мистер Альберт Н. Хокси. Зал взорвался аплодисментами, а ведь оркестр еще не сыграл ни одной ноты. Мистер Хокси взмахнул дирижерской палочкой. Мощный звук наполнил весь театр — словно разом вступили все инструменты симфонического оркестра. Играли бодрый марш, который специально для них написал композитор Джон Филип Суза.

Они и в самом деле были потрясающе талантливые. Майк слушал, чувствуя одновременно сожаление и решимость. Он знал, что у него не будет возможности поступить к ним в оркестр.

Музыка росла, ширилась, и вместе с ней рос его новый план.

Майк встал среди ночи, оделся, сложил в чемоданчик свои вещи и вещи Фрэнки.

Взял одежду, несколько книг, жестяную коробку, привезенную из приюта, и губные гармошки. Свою он сунул в нагрудный карман. Посмотрел на Фрэнки — тот мирно спал. Тяжело забирать его из дома, где ему было так хорошо. А что делать?

Майк дождался половины пятого утра, чтобы Фрэнки хоть немного отдохнул. Впереди долгий день, и неизвестно еще, когда и где они будут спать в следующий раз.

Он легонько потряс брата за плечо и шепнул:

— Просыпайся!

Фрэнки пробормотал, не открывая глаз:

— Я устал...

Майк осторожно усадил его.

— Фрэнки, я понимаю, еще очень рано, только нам нужно уходить. Одевайся!

Фрэнки с трудом приоткрыл веки.

— Уходить? Куда? Надолго?

— Насовсем.

Фрэнки протер глаза и сел прямее.

— Почему? Мне здесь нравится. Я не хочу уходить!

— Ш-ш! Мне тоже здесь нравится, — прошептал Майк. — Но это неважно. Слушай, вчера перед концертом я увидел у тети Юни на столе бумаги. Она хочет отправить нас назад, к Бишопу.

Фрэнки замотал головой.

— Нет! Она бы не стала...

Майк обнял брата:

— Я тебе не вру.

— Но... Мы теперь ей нравимся! — захныкал Фрэнки. — Майк, я же вижу. Она нас любит.

Майк прижал его к себе:

— Я тоже так думал. Но ей, видно, не нужны дети. Бумага от юристов, там написано, что она отменила усыновление.

— Не хочу опять к Бишопу!

— Не волнуйся, мы туда не поедem. Мы же не хотим разлучаться,

правда? Уйдем, пока она не вернула нас туда.

Он через голову стащил с Фрэнки ночную рубашку и сунул ему в руки одежду.

— Давай, одевайся!

Фрэнки обхватил его за шею:

— А как же мистер и миссис Поттер и мистер Говард?

Мальш расплакался.

Майк стал его укачивать, сам глотая слезы.

— Я... Я им записку написал, о том, что мы уходим. И что для нас это лето было лучшее в жизни. Они поймут. Может, когда-нибудь мы их навестим. А сейчас надо идти. Мы с тобой заодно, правда?

Фрэнки кивнул, уткнувшись Майку в шею. Потом шмыгнул носом, слез с кровати и начал одеваться.

— А... куда мы пойдём?

— На вокзал. Ты же давно хотел покататься на поезде, да?

Фрэнки кивнул. Его широко раскрытые глаза блестели от слез.

— Куда поедём?

— В Нью-Йорк.

Фрэнки икнул.

Он спросил дрожащим голосом:

— Мы пойдём в Карнеги-холл и будем есть ростбиф с мороженым?

— Может быть.

Майк подошел к окну:

— По лестнице нельзя. Вдруг услышат, когда будем отпирать дверь. — Он показал на вяз, растущий возле дома. — Как ты думаешь, я смогу по нему спуститься?

Фрэнки кивнул:

— Запросто.

Майк открыл окно и посмотрел вниз, борясь с тошнотой. Сбросил на траву чемодан, потом попятился и кивнул Фрэнки, чтобы лез первым.

Фрэнки нехотя вскарабкался на подоконник. Обернулся назад.

— Мне нравилась наша комната...

Он ухватился за нависающую ветку.

— Крепкая. Вот смотри, как я буду спускаться!

Фрэнки шагнул на другую ветку, сел на нее верхом и, понемногу перемещаясь, придвинулся ближе к стволу. Там встал на ноги и полез вниз, с ветки на ветку.

Майк заставил себя смотреть, не отводя глаз. Фрэнки повис на самой нижней ветке, болтая ногами, и прыгнул на землю.

Майк в последний раз оглянулся. Шепнул:

— Эх, мелюзга, мне тоже нравилась наша комната.

Перекинул ногу через подоконник и ухватился за ветку. Потом, как делал Фрэнки, перешагнул на другую, растущую чуть ниже, сел и стал двигаться к стволу. Добравшись, крепко обхватил ствол и зажмурился.

Фрэнки снизу шептал:

— Не смотри вниз! Голова закружится. Ногой нашаривай следующую ветку!

Майк глубоко вздохнул и открыл глаза. Прямо перед его носом была шершавая древесная кора. Сердце гулко стучало. Он вытянул ногу и нащупал ветку. Перебирая руками по стволу, вытянул вниз вторую ногу. Ветерок шевелил листья. Нога никак не могла найти опору.

Майк невольно глянул вниз. Он и не думал, что находится так высоко. Голову повело, он качнулся, ухватился за ближайшую ветку. Губная гармошка выскользнула из кармана и шлепнулась в развилку тонких ветвей. Майк решил, что сможет до нее дотянуться. Он наклонился, протянул руку и ухватил гармошку.

Но тут потерял равновесие и полетел вниз.

В несколько мгновений до удара о землю ветер выдул тихий аккорд из гармошки, зажатой у него в руке.

Потом из него разом вышибло весь воздух.

Лежа на спине, он смотрел в ночь и не мог пошевелиться. Не мог заговорить. Мог только ждать и надеяться, что сумеет снова вдохнуть.

Над ним в темноте узловатые ветки вяза тянулись к небу, словно ведьминские скрюченные пальцы. И все-таки в этот странный, словно застывший миг Майк увидел в вышине звезды — крошечные точки света, мелькающие между шелестящими листьями.

Грудь сдавило.

Над ним возникло перепуганное лицо Фрэнки. Малыш звал его по имени, но голос брата заглушила мелодия — кто-то играл на виолончели «Колыбельную» Брамса.

Потом и она затихла...

Теперь Майк слышал только птичий щебет, журчание ручья по камням и свист ветра среди сухих деревьев.

Часть 3

Декабрь 1942
Южная Калифорния
Соединенные Штаты Америки

СТАРАЯ ДРУЖБА

На слова Роберта Бернса^[19]

6 7 7 7 8–8 7 -8
Как мож-но друж-бу по-за-быть

8 7 7 8 9 -10
И не гру-стить о ней?

— 10 9 8 8 7–8 7 -8
Да кем же э-то на-до быть,

8 7–6 -6 6 7
Что-бы за-быть о ней?

— 10 9 8 8 7–8 7 -8
За на-ше вре-мя, ста-ри-на,

— 10 9 8 8 9 -10
За друж-бу и за нас

— 10 9 8 8 7–8 7 -8
Мы чар-ку доб-ро-го ви-на

8 -8 7–6 -6 6 7
Под-ни-мем в доб-рый час!

В поселке Ла-Колония — горстке беленых домиков на самом краю округа Фресно — Айви Мария Лопес шла с мамой на почту, надеясь получить письмо.

Одной рукой мама стискивала у горла толстый вязаный свитер, в другой держала пустую корзину для выстиранного белья.

Айви плелась нога за ногу, играя на губной гармошке. Она нарочно отстала, чтобы мама не услышала музыку, и все равно старалась играть потише. На следующей неделе выступление их класса должны были передавать по радио. Она еще не рассказала маме с папой главный сюрприз. Мисс Дельгадо, их учительница, выбрала ее солисткой!

— Айви, давай-ка побыстрее! — позвала мама. — Нужно успеть на почту и белье собрать, пока не стемнело. И пока дождь не пошел, — прибавила она, глянув на небо.

Айви догнала ее и тоже посмотрела вверх. Над головой нависли хмурые свинцово-серые тучи. Айви сунула губную гармошку в карман куртки. *Его* серой шерстяной куртки с потайным карманчиком, застегивающимся на «молнию», чтобы мелочь не высыпалась.

— Мам, а можно оказаться внутри песни?

— Ерунда какая!

— Когда я играю на губной гармошке, мелодия меня как будто уносит. Куда-то далеко-далеко.

Впереди пять раз прогудел грузовик.

— Ох, Айви! — простонала мама. — Не до твоих глупостей сейчас! Почту как раз привезли. Теперь придется ждать, пока объявят фамилии. Ты иди на почту, а я соберу белье.

— Можно я потом пойду погулять с Арасели? — спросила Айви. — Я ей обещала.

— А уроки тебе делать не надо? Ты же знаешь, как папа на это смотрит...

Айви помотала головой:

— Мисс Дельгадо говорит, у нас сейчас одно домашнее задание — разучивать песни к выступлению на той неделе. — Она широко раскинула руки. — В передаче «Семейный час Колгейт» выступают пятиклассники, классный руководитель — мисс Дельгадо!

Мама рассеянно улыбнулась:

— Да-да, я знаю.

— Как ты думаешь, у нас в Ла-Колонии все будут слушать? И даже не только во Фресно люди услышат? А как ты думаешь, нас потом еще пригласят выступать на радио?

Мама нахмурилась:

— Айви, вечно ты спрашиваешь всякую чепуху. Не зря папа говорит, что ты витаешь в облаках. Спустись на землю!

И она отвернулась, глядя в сторону почты.

Айви понимала, что у мамы слишком много забот, и все-таки было обидно. И вообще, выступать на радио с губной гармошкой — никакая не чепуха! Вот Фернандо в старших классах играл в баскетбол. Мама с папой не называли это чепухой. Они ходили на каждый его матч.

Айви постаралась затолкать обиду поглубже. Когда они услышат ее сольное выступление по радио, они поймут то, что уже знает мисс Дельгадо: в ней, Айви, тоже есть что-то хорошее и необыкновенное.

— Если будут письма, занеси их домой, перед тем как пойдешь к Арасели!

— Хорошо.

Айви, привстав на цыпочки, быстро поцеловала маму в щеку. Глядя, как мама идет, оперев корзину о бедро, к закутку, где весь поселок сушил белье, она невольно подумала — как они с Фернандо похожи на маму. Высокие, худые, большеглазые, с густыми темными волосами. Папа у них совсем наоборот: низенький, кругленький, лысый, а когда улыбается, глаза превращаются в щелочки. Айви потрогала свои длинные косы. Может, теперь, когда Фернандо обрили голову, он стал больше похож на папу?

Кто-то поблизости играл на гитаре песню «Тихая ночь, святая ночь» [20]. Айви на ходу поднесла к губам гармонику и подхватила мелодию. В окнах домов мерцали рождественские огоньки. В небе клубились темные тучи. Налетел ветер. В воображении Айви смешались вместе разноцветные сполохи, нежная песня и принесенный ветром запах влажной земли. Закрыв глаза, она унеслась куда-то в иную эпоху. Она была странником в драгоценных одеждах, бредущим вслед за караваном по бесконечной пустыне под звездным небом.

...Люди спят... даль чиста...

Когда песня закончилась, Айви, очнувшись, увидела, что их соседки, миссис Перес с невесткой, слушают и кивают. Люди всегда слушали, как она играет на губной гармошке. Они уважали ее за талант. Айви надеялась, что мама с папой тоже станут принимать ее всерьез, после того как услышат по радио.

На почте она протиснулась через толпу к прилавку и стала ждать, пока начальница почты откроет мешок с письмами. На стенах висели плакаты с призывом записываться в армию: «ВСТУПАЙТЕ В КОРПУС МЕДСЕСТЕР!», «АРМИЯ В НЕБЕСАХ!», «К ОРУЖИЮ! ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА!», «ВПЕРЕД С МОРСКОЙ ПЕХОТОЙ!» Кажется, вооруженным силам Соединенных Штатов каждый гражданин старше восемнадцати зачем-нибудь да нужен. Хотя Фернандо и без плакатов рвался на фронт.

Когда начали объявлять фамилии, Айви подмечала голодные глаза матерей и молодых жен.

— Альберто Морено. Мартина Альварадо. Мария Пенья. Хосе Эрнандес. Елена Гусман. Виктор Лопес...

У Айви стукнуло сердце:

— Здесь!

Она высоко подняла руку и схватила пухлый адресованный папе конверт с наклеенным на него целым рядом трехцентовых марок. Сразу посмотрела обратный адрес, и в груди кольнуло разочарованием: не от Фернандо. От брата уже целый месяц не приходило писем, и с каждым днем родители волновались все сильнее.

Айви дождалась, пока начальница почты встряхнула мешок и сказала:

— Это все, друзья мои. Кто сегодня не получил — может, получите завтра.

Айви заторопилась домой. Папа сидел за кухонным столом. При виде конверта у него загорелись глаза:

— Письмо?

Айви положила конверт на стол:

— Прости, пап, это не от Нандо.

Она повернулась к двери.

— Постой! Ты куда так спешишь? На улице почти стемнело.

— Я к Арасели. Мама разрешила.

— Поскорее возвращайся!

Он помахал ей рукой и развернул письмо.

Еще не дойдя до двери, Айви услышала, как он зовет маму.

— Лус! Лус!

Мама выбежала из спальни:

— Виктор, что такое?

Айви замерла, взявшись за ручку двери.

— Мне пишет кузен Гильермо. Случилось чудо, которого мы так ждали! Ферма в округе Ориндж, недалеко от Лос-Анджелеса. Гильермо обо

всем договорился, прислал бумаги.

У Айви глухо стукнуло сердце.

— Нет...

Был хорошо слышен папин голос:

— Владельцу требуется человек с опытом управления фермой и хорошо знакомый с ирригацией. Как раз для меня! Тебе тоже записка есть, от его жены Бертины. И документы, чтобы Айви записать в школу. И подробные инструкции от владельца. Айви Мария! Иди сюда, у нас тут новости!

Айви не хотела слушать дальше.

Она рывком распахнула дверь и бросилась бежать.

Где же Арасели?

Айви ходила взад-вперед под перечными деревьями, где они обычно встречались. По-зимнему голые ветки были похожи на тощие руки со сжатыми кулаками. На лицо то и дело попадали мелкие ледяные капли дождя.

— Приходи скорее... — шептала Айви.

Арасели была ее лучшей и первой подругой. Трудно заводить друзей, когда постоянно переезжаешь. Баттонвиллоу, Модесто, Сельма, Шафтер и другие города, чьи названия она давно забыла. Все изменилось, когда они переехали во Фресно. Впервые папа проработал на одном месте год. Целый год!

Арасели приехала в Ла-Колонию на той же неделе, что и Айви. Хоть Арасели училась в классе на год старше, девочки были необыкновенно похожи: черные ресницы, длинные темные косы, ослепительные улыбки. Многие думали, что они сестры.

Вскоре выяснилось, что у них и кроме внешности много общего. Арасели тоже раньше жила в самых разных городах центральной Калифорнии — даже иногда в тех же, что и Айви, только в другое время. Обе любили читать, играть в бабки и могли проскакать через скакалку в стиле дабл-датч^[21] сто раз подряд без единой ошибки.

Айви выдохнула в губную гармошку. Прозвучала одинокая, тоскливая нота.

— Айви!

Она быстро обернулась.

Арасели бежала к ней. Фиолетовая вязанная крючком шапка была натянута на самые уши. Подруга чмокнула Айви в щеку, держа одну руку за спиной.

— Прости, я опоздала. Мама послала в магазин.

Айви спросила, стараясь говорить весело:

— Новая шапка?

— Мама связала. И... — Улыбаясь, она показала то, что прятала за спиной. — Я ее попросила сделать для тебя тоже!

У нее в руке была точно такая же фиолетовая вязанная шапка.

Айви сразу ее надела.

— Как я выгляжу?

— Так же, как я! — захихикала Арасели. — Теперь нас никто не отличит!

Айви тоже засмеялась, но радость мешалась с грустью, и она расплакалась.

— Что случилось?

— Я... Я уезжаю!

Арасели даже сморщилась, не веря своим ушам.

— Не может быть! Когда? Куда?

— Наверное, скоро. Куда-то недалеко от Лос-Анджелеса.

Айви устала в землю. Хрупкие сухие листья перекатывались через ее туфли, шепча прощальные слова. Айви разворошила их ногой.

Арасели бросилась ее обнимать:

— Не плачь! Мы все равно будем дружить! И потом, если не твоя семья, так моя скоро уехала бы. Папа говорит, из Ла-Колонии все уезжают рано или поздно, если хотят пробиться в жизни.

Айви постаралась улыбнуться, шмыгая носом. Лучше бы позже, а не раньше...

— Давай пообещаем, что будем переписываться каждую неделю, — предложила Арасели. — Два раза в неделю. Три!

Она опустила глаза:

— Ты же меня не забудешь?

Айви замотала головой:

— Никогда!

Несколько толстых капель дождя шмякнулись в пыль, а потом вдруг хлынуло как из ведра.

— Бежим! — крикнула Арасели.

Девчонки с визгом помчались под крышу домика на углу. Отсюда им надо было идти в разные стороны. Они взялись за руки, стоя друг против друга, но Айви не могла прыгать и смеяться, как они обычно делали, прощаясь.

Арасели поцеловала ее в щеку.

— До завтра!

Она перебежала через дорогу к своему дому и остановилась на пороге, озаренная светом из открытой двери.

Айви старалась получше запомнить эту картину: ее лучшая подруга в фиолетовой шапке машет рукой и шлет ей воздушные поцелуи. Айви тоже послала воздушный поцелуй, притворяясь, что они расстанутся ненадолго.

Потом она побежала домой под проливным дождем.

Айви захлопнула дверь, отсекая шум дождя.

В тепле сразу после ледяного холода руки и ноги закололи тысячи иголочек. Снимая куртку и шапку, Айви услышала, как в кухне разговаривают мама и папа.

— Как же Нандо? — спросила мама.

— Я сегодня же ему напишу, — сказал папа. — А после войны он вернется в настоящий дом. Собственный дом — наконец-то, Лус! Нельзя упускать такой случай. Прости, что приходится уезжать вот так сразу.

Айви нахмурилась и заглянула в кухню:

— Когда?

Мама смущенно посмотрела на Айви, словно просила прощения:

— Завтра утром.

Айви застыла.

— Завтра? А как же мои друзья и мисс Дельгадо?

Вдруг она сообразила все значение этой новости и от расстройства выпалила свою тайну:

— А выступление на радио? Я буду солировать! Хотела устроить вам сюрприз!

Папа потер ладонями лысину.

— Айви, такой случай раз в жизни бывает. А у тебя еще будет возможность выступить. Может быть, в новой школе...

Он развел руками, словно умоляя понять.

У Айви защипало глаза. Она сморгнула слезы. Если бы Фернандо был дома и у него был намечен баскетбольный матч, папа наверняка подождал бы с отъездом! Айви страшно хотелось высказать это вслух, но она сдержалась. Мама не одобрила бы, что она кивает на Фернандо, пока брат воюет где-то там далеко. А папа — это папа. Раз он сказал — завтра, значит, завтра. Он не переменит решения, если только Айви не найдет вескую причину.

— Тогда мне нужно будет предупредить мисс Дельгадо, что я не смогу солировать. Она на меня рассчитывает. И Арасели думает, что мы завтра встретимся.

Мамины глаза были полны сожаления, но голос звучал твердо:

— Ничего не поделаешь. Гильермо и Бертина должны уехать. Отец Бертины заболел, а все ее братья на войне. Придется им переехать в Техас, помогать семье. А ферму нельзя оставлять без присмотра. Так что, ты понимаешь, все очень срочно.

— Ты можешь написать записки мисс Дельгадо и Арасели. Занесем на почту, когда будем уезжать.

— Это совсем не то что сказать самой! Арасели — моя лучшая подруга! А мисс Дельгадо — моя любимая учительница. Самая замечательная!

— Я понимаю. — Мама обняла Айви. — Но у тебя еще будут другие учителя и другие подруги. У нас будут дом и сад, можно разводить цветы. И стиральная машина, представляешь? Не придется больше таскать белье через весь поселок. Мне достанется работа Бертины — помогать соседям со стиркой. Она уже договорилась.

— У меня под началом будет участок в шестьдесят акров! — сказал папа, размахивая конвертом. — Счастье, что Гильермо замолвил за меня словечко. Нам очень повезло.

Айви молча смотрела на папу. Она словно заледенела.

— Айви, есть шанс, что мы там останемся насовсем, — сказал папа. — Мы об этом всегда мечтали. Ты будешь ходить в новую школу — очень хорошую, там прекрасные учителя. И погода — никакого сравнения! Там все будет намного лучше, вот увидишь.

— Мне поручили играть соло! Я столько занималась!

Папа взмахнул руками:

— Айви! Тут речь о серьезных вещах, а ты со своими... капризами!

Папины слова ее сразили. Почему он так свысока относится к ее игре на губной гармонике? И почему не может раз в жизни поменять решение? Айви уставилась в пол, кусая губы, чтобы не заплакать.

В Ла-Колонии у нее наконец появились люди, для которых она что-то значит. Арасели, мисс Дельгадо, соседи. Никто из них не считает ее увлечение чепухой или капризом. А теперь все, что для нее важно, отбросили в сторону, словно мусор на обочине дороги. И ради чего? Разве этот очередной переезд будет хоть чем-то отличаться от всех прочих?

Папа тяжело вздохнул:

— Айви, ты хочешь, чтобы мы остались еще на шесть дней, когда там фруктовые деревья стоят без полива, и дом нас ждет, и есть возможность поселиться навсегда? И все это лишь бы поиграть две минуты на губной гармошке?

Мысли в голове закружились вихрем. Ответ просился на язык, но тут Айви вспомнила, что обещала Фернандо быть стойким солдатиком и помогать маме с папой, пока он воюет. Это же значит, что она должна радовать маму с папой, даже если самой от этого будет плохо?

— Не хочу, — прошептала она.

— Сейчас нам с мамой нужно поговорить с моим начальством и попрощаться кое с кем. Вернемся через час и начнем собирать вещи.

Папа погладил ее по плечу, и они ушли.

Айви пошла в комнату, которая была их общей с Фернандо, пока брат не ушел на войну. На одной кровати уже стояли пустые коробки. На другой лежал открытый чемодан. Айви принялась швырять туда одежду. В конце следующей недели начнутся рождественские каникулы. Другие родители ждут, пока у детей не кончатся занятия в школе, а ее папа — нет. Ему обязательно нужно ехать сейчас же. Айви села на кровать и наконец дала волю слезам.

«Там будет лучше». Папа вечно ищет какое-то загадочное место под названием «Лучше». Раньше Фресно было лучше. А теперь это всего лишь предыдущее место жительства.

Она знала, что будет после их отъезда. Несколько дней все будут обсуждать новость, как будто она жжет им рты, словно острый перец серрано. А через неделю-другую память об Айви Марии Лопес поблекнет, будто она никогда и не жила здесь... Не была тут своей целый долгий год.

Сонным пасмурным утром папа, зевая, впихнул свое пузцо за руль грузовика. Мама села рядом с ним, в середине, а Айви прислонилась головой к окну со стороны пассажирского сиденья.

Возле почты они остановились.

Айви, глотая слезы, выскочила из кабины и бросила в щель почтового ящика письма к мисс Дельгадо и Арасели. Несколько слезинок все-таки скатились по щекам. Прежде чем вернуться в машину, Айви в последний раз оглянулась на Ла-Колонию, размытым пятном виднеющуюся в плотном тумане.

Папа медленно повел грузовик к Девяносто девятому шоссе, всматриваясь в крохотный участок дороги, который можно было кое-как разглядеть.

— Мы приехали во Фресно в прошлом году, в декабре. Тогда был туман, и сейчас туман. Ничего не изменилось.

Айви молча смотрела прямо перед собой. Как папа может такое говорить, хоть речь и о погоде? Изменилось все, и Айви в том числе. Она могла даже точно назвать день, когда ее жизнь поменялась — три месяца назад.

Восьмое сентября началось, как любой другой первый день в новой школе: новая учительница, новый класс, нервная дрожь в животе.

Фернандо, как всегда, захотел проводить ее в школу. Он держал Айви за руку, пока они шли по проселочной дороге: с одной стороны — виноградники, с другой — миндальные деревья.

— Пусть все видят, что у тебя есть старший брат, который может тебя защитить! — сказал Фернандо. — И еще мне нужно тебе кое-что рассказать. Ты секреты хранить умеешь?

Айви кивнула:

— Обожаю секреты!

— Сегодня очень важный день. Знаешь, почему?

— Потому что сегодня твой день рождения! И мой первый день в пятом классе!

— Не только. Помнишь, что случилось в прошлом декабре, сразу после того, как мы приехали во Фресно?

— Кто же такое забудет? — ответила Айви. — Перл-Харбор.

Тогда было воскресенье, они только вышли из церкви Богоматери

Чудес, как вдруг к ним подбежал человек, вопя и размахивая руками. Японские бомбардировщики атаковали американские военные корабли на Гавайях. Папа спешно погнал все семейство домой. Остаток дня они провели возле радиоприемника.

Фернандо крепче сжал ей руку.

— Помнишь, на другой день президент Рузвельт объявил войну, и я хотел записаться добровольцем?

Айви снова кивнула. Фернандо с папой каждый вечер слушали новости. Уже тогда у Фернандо горели глаза: он рвался хоть что-нибудь сделать.

— Да, но мама сказала, война кончится раньше, чем ты достигнешь призывного возраста...

И тут Айви поняла, о чем он говорил. Она остановилась посреди дороги. Сегодня ему исполняется восемнадцать!

— Нандо?

Он встал перед ней на одно колено, крепко держа за руки, и посмотрел прямо в глаза:

— Мы с двумя друзьями сегодня пойдем записываться в армию. Но мне нужна твоя помощь. Я не знаю, сколько времени это займет. Не хочу, чтобы мама с папой беспокоились. Если они спросят, скажешь им, что я пошел проводить знакомого на поезд? Это не вранье. Мы по дороге правда проводим одного человека на вокзал. И еще скажи, что я вернусь к ужину. Сможешь?

Айви не понравился такой секрет. От него оставался кислый привкус. Но она кивнула.

— А когда ты уедешь?

— Недели через три, наверное.

Брат обнял Айви, и они пошли дальше.

— Я им вечером скажу. А до тех пор ни слова, поняла?

Остаток пути до школы Айви молчала, стараясь представить, что это будет значить для их семьи. Вроде Фернандо и его друзья говорили, кто-то из их знакомых пробовал записаться, но их не приняли — посчитали негодными к службе. Может, с Фернандо получится так же? Все-таки война для взрослых крепких мужчин, для солдат, а не мальчишек, которые дразнят своих сестер, дергают их за косички и играют с ними в прятки. Фернандо тихий, добрый. Он любит разбирать всякую технику и снова собирать, чтобы понять, как она работает. Он постоянно что-то чинит и часто просит Айви помочь — подавать ему разные инструменты. Он — мастер, а не боец. Наверняка в армии скоро поймут, что он не создан для

войны.

Все же секрет мучил ее весь день.

Новая учительница, мисс Дельгадо, оказалась круглолицей, розовощекой, с коротко стриженными кудряшками. Пока она рассаживала всех по партам, рассказывала о школьных правилах и вела уроки, Айви с тревогой думала о том, как мама и папа воспримут новость о Фернандо. Рассердятся? Расстроятся? Могут они ему запретить вступать в армию?

За час до окончания занятий Айви все еще думала о Фернандо, глядя в окно, как три белки скачут по деревьям. Мисс Дельгадо хлопнула в ладоши, чтобы ученики обратили внимание, и велела всем сесть на пол.

Учительница держала на коленях коробку.

— У меня для вас сюрприз. Наша местная радиостанция ведет сбор денег на поддержку армии и на помощь нашей школе. — Она показала всем книжечку для марок. — Нужно заполнить военными марками эту книжечку, и тогда наш класс пригласят выступить на радио!

Все так и вытаращили глаза.

— Военные марки по десять центов за штуку можно купить во многих магазинах, — объяснила мисс Дельгадо. — Когда в общей сумме наберется больше восемнадцати долларов, их можно превратить в облигацию, а через десять лет она будет стоить двадцать пять долларов на нужды нашей школы.

— Что будем петь? — спросил кто-то.

Мисс Дельгадо покачала головой.

— Другие классы будут петь, а мы приготовим кое-что необыкновенное! — Она вынула из коробки блестящую губную гармонику. — Эти гармоники нам пожертвовали. Они отреставрированы, как новенькие. Каждый может взять себе одну насовсем. Играть я вас научу. Надеюсь, у нас получится прекрасная музыка!

Все захлопали и закричали «ура».

Мисс Дельгадо по очереди вызывала учеников, они подходили к ней и выбирали себе гармонику. Когда пришла очередь Айви, она заглянула в коробку. Предвечернее солнце светило в окно, и в его лучах одна гармоника блеснула особенно ярко. Резьба на крышке казалась глубже и четче других, и даже как-то затейливей. Айви взяла эту гармонику.

Вернувшись на свое место, стала разглядывать внимательней и увидела сбоку малюсенькую красную букву «В». А на других тоже есть буквы? Может, у прежнего владельца гармошки имя начиналось на букву «В»?

Мисс Дельгадо объяснила, как вдыхать и выдыхать в отверстия, чтобы

получались звуки разной высоты. Каждому выдала книжечку «Самоучитель игры на губной гармонике» и научила разбирать табулатуру для песни «Ты свети, звезда моя»^[22]. Скоро в комнате поднялся страшный шум. Мисс Дельгадо постучала указкой по классной доске.

— Попробуем вместе!

Айви сосредоточилась на условных обозначениях над словами в книжечке. С первой же фразы ее гармоника выделилась в общем хоре. «Высоко ты надо мной»... Звонко и чисто, нежная мелодия проникает прямо в душу... «Как алмаз во тьме ночной»... Айви закрыла глаза и почувствовала, что плывет по черному ночному небу среди сверкающих кристаллов... Другие ученики один за другим смолкли, и теперь Айви играла одна. Она открыла глаза и, поняв, что все на нее смотрят, тоже перестала играть.

— Айви, ты училась играть на каком-нибудь музыкальном инструменте? — спросила мисс Дельгадо.

Айви, смутившись, покачала головой.

— Ты играешь просто чудесно! У тебя настоящий талант к музыке. Я думаю, ты смогла бы освоить практически любой инструмент.

У Айви щеки загорелись от гордости.

Мисс Дельгадо обратилась ко всему классу:

— Разучивайте мелодию дома! И начинайте копить центы на покупку военных марок!

Но в голове у Айви звучали только слова учительницы, сказанные перед этим: «У тебя настоящий талант к музыке».

Возможно, мисс Дельгадо и сама не знала, что заронила зерно, которое проклюнулось и продолжало расти. У мамы талант к шитью и садоводству. У папы к ирригации и управлению фермой. У Фернандо талант разбираться в технике и в том, как что работает. А теперь у Айви тоже есть талант! Или, может, он всегда у нее был? Просто ждал, пока его кто-нибудь заметит?

После уроков она шла домой и радовалась, что может отвлечься мыслями о том, как покажет маме с папой губную гармошку, расскажет о радиопередаче и о книжках с марками, — лишь бы не думать о секрете Фернандо, пока мама готовит праздничный ужин по случаю его дня рождения.

Когда Фернандо наконец пришел домой, он как будто стал выше ростом.

С порога объявил:

— Я записался в армию! Хочу защищать нашу страну от Германии, Италии и Японии. Это мой долг американца!

Папа хлопал его по спине с гордостью и в то же время с покорностью судьбе. Мама плакала. Фернандо обнял ее и пообещал, что все будет хорошо, но она все никак не могла успокоиться. Тогда Фернандо, чтобы разрядить атмосферу, попросил Айви сыграть песню, которую она выучила в школе. Нежные, чистые звуки поразили всех, и даже у мамы высохли слезы.

Следующие три недели Фернандо каждый вечер просил ее поиграть на губной гармошке.

— Ну пожалуйста, Айви! Плачу по центу за концерт и обещаю не дергать тебя за косички!

Айви с радостью выполняла просьбу. Ей самой было удивительно, как быстро она заучивала песни. Почти и не приходилось подглядывать в книжку. Она упражнялась каждую свободную минуту и чем больше играла, тем больше воодушевлялась. Губная гармошка подарила ей неведомое раньше чувство, что она чего-то да стоит.

Счастливые вечера, чудесные воспоминания: все сидят за обеденным столом, Фернандо восхищенно слушает музыку и даже сам подпевает, мама с папой не торопятся допить кофе, смеются, иногда хлопают и тоже начинают петь. Вся семья вместе.

Вечером накануне того дня, когда Фернандо и двое его друзей уезжали проходить базовый курс боевой подготовки, брат принес Айви свою куртку.

— Можешь поносить, пока я не вернусь.

— Нандо, на улице восемьдесят градусов! [\[23\]](#)

Он накинул куртку ей на плечи.

— Зимой скажешь мне спасибо, когда будешь зубами стучать от холода! Помнишь, что ты всегда делаешь в холод, если с тебя ночью свалится одеяло?

Она кивнула:

— Тебя зову. А ты всегда встаешь и мое одеяло поправляешь.

— Теперь уже не смогу, меня не будет рядом. Так что грейся моей курткой! И в постель в ней ложись, уж она точно на пол не свалится.

Айви захихикала:

— А что, и буду носить! Только не в постель.

Фернандо ее обнял:

— Неважно, я просто хочу, чтобы ты всегда знала — я все равно о тебе забочусь и оберегаю тебя, хоть и издалека.

Его отъезд словно стал реальнее и давил на плечи обоим.

— Кто будет все чинить, пока ты где-то там далеко? — спросила она.

— Придется тебе, Айви, все чинить и исправлять. Будь стойким солдатиком, помогай маме с папой.

— Так я чинить не умею. И инструментов у меня нет.

— Чинить можно по-разному. Когда я уеду, наша семья немножко сломается. Ты ее починишь. Я на тебя рассчитываю! Ты у нас умница. Учись хорошо, тогда у мамы с папой будет одной заботой меньше. У тебя и правда талант. Сама видела — твоя игра на губной гармошке дарила нам радость и сняла тяжесть с души. Не бросай музыку! Маме с папой будет очень нужно немножко радости в жизни. Ты заботливая, а маме с папой будут нужны твоя любовь и поддержка, особенно если письма от меня будут долго идти. Или если со мной что-нибудь случится. Видишь, у тебя есть инструменты. Сделаешь это для меня, хорошо? Будешь все чинить, чтобы наша семья не развалилась?

Он протянул ей мизинец, чтобы скрепить обещание.

Она зацепила его мизинец своим.

— С тобой же ничего не случится, правда?

— Постараюсь, чтобы не случилось. — Фернандо протянул ей на ладони монетку в один цент. — Сыграешь еще разок, пока я здесь?

Она спрятала монетку в застегивающийся на «молнию» карман куртки и стала играть «Через холм, через долину по дороге мы пылим» [24]. Айви мысленно видела темную чашу, где Фернандо продирается сквозь колючие заросли, одинокий, испуганный, и никак не может найти выход. А за ним по пятам движется грозная тень. От страха Айви начала задыхаться. Она выронила гармонику, и та со стуком упала на ступеньку.

— Береги себя, Нандо! — сказала Айви, ткнувшись головой ему в руки.

После обучения друзья Фернандо приехали домой на побывку — наголо обритые, загорелые, с окрепшими мускулами. А Фернандо не приехал. Он отправился сразу продолжать боевую подготовку. В армии все-таки решили, что он вполне годен для войны.

Теперь Айви и ее семья жили, как многие другие — от письма до письма.

Тем временем класс Айви заполнил всю книжечку марками, и их пригласили выступить в передаче «Семейный час Колгейт». Они собирались все вместе исполнить песню «Старая дружба» на стихи Роберта Бернса, а затем должно было последовать соло — «Прекрасная Америка». Когда мисс Дельгадо выбрала Айви в солистки, та расплакалась от волнения и поскорее написала об этом Фернандо.

Грузовик уже три часа тащился по Девяносто девятому шоссе. Туман

все еще был густой, как суп, и задние огни идущих впереди машин едва виднелись размытыми красными пятнами.

Папа переключился на более низкую передачу, и мотор натужно взревел, начиная медленный подъем в гору.

— Долго еще? — спросила Айви.

— Несколько часов. Сперва нужно перевалить через горный хребет, потом еще проехать через Лос-Анджелес. Скоро остановимся, разомнем ноги.

Дорога шла вверх. Туман поредел, вокруг посветлело.

И вдруг словно кто-то сорвал с них серое покрывало — впереди распахнулось ослепительно-синее небо. Горы задрали кверху носы, сверкая в лучах солнца.

В одном папа прав.

Погода здесь гораздо лучше.

— Айви, смотри! Это, наверное, твоя новая школа, — сказала мама.

День уже клонился к вечеру. Папа наконец свернул с автострады на длинную прямую дорогу — она тянулась вдаль, до самого горизонта, с одной стороны — апельсиновые деревья, с другой — лимонные. На въезде в маленький городок папа сбавил ход и вскоре остановился перед одноэтажным белым зданием с вывеской: «Школа имени Линкольна».

По углам просторного школьного двора росли группы пальм. Здание окружал аккуратно подстриженный газон. На клумбах под окнами росла герань, а вдоль дорожки, ведущей к входу, — розовые кусты. Некоторые уже начали цвести.

— Здесь куда красивее, правда? Столько зелени! — сказал папа, опуская стекло в окне и выставив наружу локоть.

В кабину хлынул цитрусовый аромат.

— Не то что там, в долине, зимой — сплошная серость. А тут солнце и цветы, даже в декабре!

С этим Айви не могла поспорить.

Поперек двух окон была наклеена надпись: «ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ КЛАСС, ИДЕТ ПРИЕМ В ШКОЛЬНЫЙ ОРКЕСТР! НАЧИНАЕМ В ЯНВАРЕ».

— Оркестр? — сказала Айви.

Ни в одной ее предыдущей школе не было своего оркестра. От самого этого слова, как и от всей школы, веяло красотой и ухоженностью. Наверное, ученики, которые вступают в оркестр, уже брали раньше уроки музыки, и у них дома есть музыкальные инструменты. И все-таки оркестр!

Папа повел машину дальше. Айви, вывернув шею, смотрела назад, разглядывая школьный двор: расчерченная квадратами асфальтовая площадка для игры в мяч и в классики и баскетбольный щит с корзиной. А дальше огороженное сеткой травяное поле для бейсбола и кикбола.

— Это точно моя школа? Ты уверен?

Папа похлопал по конверту, лежащему на приборной доске.

— Гильермо и Беттина подали твои документы в школу Линкольна, а на вывеске как раз это и написано.

Усмехаясь, он подтолкнул Айви локтем.

Она невольно улыбнулась в ответ.

Еще через несколько миль папа свернул на проселочную дорогу.

Дорога шла через рощу апельсиновых деревьев.

— Приехали!

Он показал вперед — там деревья расступались, и посреди открытого пространства стоял дощатый дом. На широком крыльце два старых кресла-качалки как будто приглашали поскорее в них усесться. Створки дверей гаража чуть-чуть не сходились в середине. И дом, и гараж явно нуждались в покраске, но они были намного больше и приятней их домика во Фресно.

Семья выбралась из грузовика и, слегка размяв ноги, отправилась знакомиться с местностью. Задний двор был огорожен заборчиком из штакетника, который словно никак не мог решить, в какую сторону наклониться. Сбоку от дома, на самом солнцепеке стояли два столба с перекладинами в виде буквы «Т», между ними были натянуты бельевые веревки. Клумбы густо заросли ирисами, их листья пожелтели и побурели.

Папа вынул из конверта нарисованную от руки карту. Сверился с ней и показал на рощицу апельсиновых деревьев.

— За рощей можно увидеть вдаль дом хозяина фермы.

— У него дети есть? — спросила Айви.

— Мальчик, чуть постарше Фернандо, служит в морской пехоте. И две девочки, примерно твоего возраста. Но их сейчас здесь нет...

У Айви радостно забило сердце. Девочки ее возраста! Может, они подружатся? Конечно, она ни с кем не будет дружить так, как с Арасели, и все-таки хорошо, если будет хоть какая-то компания.

— Пап, они скоро вернутся? Они уехали на каникулы? Мы будем ходить в одну и ту же школу?

Папой с мамой переглянулись и ничего не ответили. Папа стал отвязывать чемодан Айви. Принимая у него чемодан, она чувствовала, что папа что-то недоговаривает. Вот только что?

Пока она собиралась еще о чем-то спросить, мама взяла ее за руку и повела к дому. Они поднялись на затянутое противомоскитной сеткой заднее крыльцо. В уголке приткнулась круглая стиральная машина. Сбоку у нее болтался электрический провод, а сверху была приделана выжималка для белья — как будто две громадные скалки, одна над другой.

Мама улыбнулась:

— Больше не придется стирать в тазу! Какая роскошь!

Они обошли весь дом, комнату за комнатой.

— Здесь есть все, что нужно, — сказала мама. — Стол, стулья, кровати, диван в гостиной. Остальное мы привезли с собой. Обставлено просто, но все чистое. Уютно!

Здесь и правда было уютно. Айви невольно заметила, как певуче

звучит мамин голос. Может быть, здесь маме будет хорошо и она меньше будет волноваться за Фернандо? Айви и самой стало чуть легче на душе.

В самой маленькой из трех спален стояла узкая железная кровать с матрасом. Стены были оклеены выцветшими обоями с узором из виноградных лоз и крохотных розовых бутончиков.

Мама сказала:

— А это твоя комната!

— Моя собственная?!

Айви всегда жила в одной комнате с Фернандо. Она попробовала представить, как это — иметь собственную отдельную комнату, где не втиснуты две кровати рядом, и на тумбочке не теснятся баскетбольные кубки Фернандо, и не надо ни с кем делить полки в шкафу.

— Мама, тебе же нужна комната для шитья?

Мама улыбнулась:

— Я пока, до возвращения Фернандо, поставлю машинку в его комнате. Мне будет приятно шить среди его вещей.

Папа втащил в дом комодик на три ящика. Поставил около стены и похлопал Айви по плечу. Уходя за следующими вещами, он улыбнулся:

— Я же говорил, что здесь будет лучше!

Айви прошлась по комнате, присела на кровать, попрыгала на матрасе, сунула голову в шкаф и полюбовалась в окно на бесконечные ряды апельсиновых деревьев. Потом вспомнила про новую школу. Очень хотелось поверить папе, особенно когда слышишь, как мама напевает в кухне, а папа насвистывает, перетаскивая коробки, — родители уже много месяцев ничему так не радовались. Айви тоже позволила себе чуточку порадоваться. У нее никогда еще не было своей отдельной комнаты.

Вынув из кармана губную гармошку, она сыграла мелодию на слова: «Плывем, плывем, по бурным волнам...» ^[25] Мысленно она перенеслась на собственный маленький остров посреди зеленого, как листва, океана, где в волнах плещутся кругленькие толстобочие золотые рыбки.

Айви распаковала свою одежду, повесила в шкаф куртку Фернандо и положила на комод губную гармошку и книжку с упражнениями. Тут кто-то постучал во входную дверь.

Может, это дочери хозяина вернулись?

Айви побежала к двери и распахнула ее, как раз когда мама выглянула из кухни.

На крыльце стояли женщина с девочкой. Женщина в воскресном платье, хотя был четверг, в шляпке, похожей на перевернутую лодочку, и в твидовом пальто. В руках у нее была сложенная черная ткань. Девочка была ровесницей Айви! В синем платье и пальтишке, волосы зачесаны набок и перехвачены синей лентой. Черноволосая, очень бледная, с глазами цвета темно-зеленых листьев, она была похожа на фарфоровую куколку с витрины игрушечного магазина.

За спиной у них виднелся припаркованный у обочины «Бьюик». Рядом с машиной стоял плотный мужчина с коротко стриженными волосами песочного цвета. Руки он заложил за спину, растопырив локти и широко расставив ноги, словно солдат.

— Здравствуйте, — сказала мама.

— Добрый день! Я — Джойс Уорд, — сказала женщина. — Это моя дочь Сьюзен. А вы... — Она заглянула в бумажку, которую держала в руке. — Миссис Лопес?

— Да, я Лус Лопес, — ответила мама.

— Бертина говорила, что вы должны скоро приехать. Мы возвращались из города, увидели ваш грузовик и решили заглянуть. Она вам написала? Насчет стирки и глажки?

— Да-да! — сказала мама. — По средам я забираю белье к себе, по пятницам привожу к вам постиранное и заканчиваю с глажкой.

— Все верно. Вы не против?

— Что вы! Какой адрес?

— Чуть дальше по дороге, только свернуть на Блэнчард-лейн. Высокий белый дом с зеленой крышей. Наши поля граничат друг с другом, но вам удобнее будет объехать кругом. У меня прямо камень с души упал! Я уж и не знала, что буду делать без Бертины. Понимаете, у меня артрит, мне тяжело ворочать утюг. А стирка так быстро накапливается!

— Если хотите, я могу и раньше среды заехать, что-нибудь забрать.

— Правда? — обрадовалась миссис Уорд. — Вы бы мне очень помогли!

Мама улыбнулась:

— Конечно! Завтра днем...

Айви тихонько кашлянула.

Мама положила ей руку на плечо:

— Это моя дочка Айви. Наш сын Фернандо сейчас в армии.

Айви заметила, что лицо миссис Уорд застыло.

— Мы будем молиться за него.

— Спасибо! — сказала мама. — Я хотела спросить... Айви пойдет в школу Линкольна, в пятый класс. Мне нужно завтра сдать документы. Вы не знаете, где она будет садиться на автобус?

— Как раз напротив вашего дома, — сказала миссис Уорд. — Сьюзен забирают в восемь часов, а ваша остановка — следующая. Если завтра вы занесете бумаги в школу, я думаю, она сможет в понедельник начать учиться. До рождественских каникул всего неделя осталась, но по крайней мере она освоится, познакомится с одноклассниками. Вы, наверное, видели школу, когда ехали сюда.

Сьюзен шагнула к Айви и улыбнулась:

— Я тоже в пятом классе! Будем каждый день видеться.

Айви улыбнулась и кивнула в ответ. Как хорошо в первый день в новой школе увидеть знакомое лицо! Она еще ни разу не приходила в новую школу без Фернандо.

— Я тебе займу место в автобусе, — сказала Сьюзен.

Миссис Уорд передала маме черную ткань.

— Это вам! Муж у меня военный в отставке, он председатель окружного отделения гражданской обороны. Это шторы на окна, для затемнения. Их нужно плотно задергивать, когда включаете свет в доме.

— Чтобы японцы не могли нас бомбить, — подхватила Сьюзен. — Если хоть лучик света пробьется, они из самолетов увидят Калифорнию.

Айви схватила маму за руку. Здесь опасно?

Сьюзен, как видно, заметила ее страх.

— Не бойся! — сказала она. — Папа говорит, мы в полной безопасности, если все будут плотно задергивать шторы.

— Может быть, вам будет интересно... — сказала миссис Уорд. — Я участвую в работе общества Красного Креста, мы собираемся по воскресеньям во второй половине дня, делаем повязки для войск. Нам всегда нужны волонтеры.

Мама кивнула:

— С удовольствием поучаствую!

Миссис Уорд оглянулась на машину и понизила голос:

— Приводите с собой Айви, когда будете к нам приходить! Будет Сьюзен с кем поиграть.

У Сьюзен загорелись глаза:

— Приходи завтра со своей мамой, обещаешь?

Айви кивнула:

— Хорошо.

Миссис Уорд снова оглянулась. Мистер Уорд нетерпеливо прохаживался взад-вперед возле «Бьюика». Почему он не подошел познакомиться?

Миссис Уорд взяла Сьюзен за руку:

— Мы, наверное, пойдем.

Айви смотрела, как они идут к машине.

Мистер Уорд открыл жене переднюю дверцу, потом заднюю — для Сьюзен. Когда они обе сели в машину, он захлопнул дверцы, подбоченился и коротко кивнул издали маме и Айви. При этом он сурово хмурился.

Когда они уехали, Айви сказала:

— Мам, какой-то мистер Уорд неприветливый.

— Да, — согласилась мама. — Но нельзя судить по внешности. Когда у человека такое лицо, за этим обычно кроется какая-то причина, просто мы о ней не знаем.

Айви проводила машину взглядом. Интересно, что кроется за поведением мистера Уорда?

— Почему мне нельзя поехать с мамой в школу? — спросила Айви на следующее утро, идя рядом с папой к апельсиновой роще.

— Айви Мария, мы уже все это обсудили, — сказал папа.

— Но почему я должна идти с тобой к дому хозяина фермы? Ты же говорил, его дочек сейчас здесь нет. Разве не важнее мне познакомиться с новой учительницей?

— Мама только занесет твои бумаги в канцелярию и уточнит, можно ли тебе прийти на занятия в понедельник. Учителя и ученики все будут на уроке. А потом у мамы еще дела, и неизвестно, когда она освободится. Я хотел взять тебя с собой, чтобы кое-что объяснить...

Айви вытащила из кармана куртки Фернандо губную гармошку и заиграла «Страна моя» [\[26\]](#).

Не доиграв, отняла гармошку от губ и спросила:

— Пап, как ты думаешь, учительница в новой школе будет такая же хорошая, как мисс Дельгадо? Мисс Дельгадо была как будто королева в прекрасном замке. А мы были ее подданные, и она каждый день открывала сундук с сокровищами и дарила нам разные драгоценности...

Папа нахмурился:

— Айви, хватит выдумывать! Ты уже не маленькая. И прекрати меня перебивать! Разве ты не слышала, я сказал, что мне нужно кое-что объяснить? Убери-ка свою игрушку!

Айви кольнула обида. Она спрятала гармонику в карман.

— Прости, пап. Что ты хотел объяснить?

Папа молчал, пока они не вышли из рощи. Тогда он широким жестом указал на заброшенный с виду дом. Газон перед домом побурел — его давно не поливали. Цветы засохли, клумбы заросли сорняками. Двери и окна были забиты досками. Деревянная терраса вдоль передней и боковой стен дома была покрыта толстым слоем грязи и пыли.

— Пап, что тут случилось?

— Помнишь, прошлой весной во Фресно все дети-японцы из твоего класса перестали ходить в школу?

Айви кивнула:

— Мисс Дельгадо сказала, их отправили жить в специальный лагерь, потому что у нас война с японцами.

Еще вчера в классе не было ни одной свободной парты, а на другой

день хорошо если половина учеников осталась.

— То же самое случилось с хозяином фермы и его семьей, — сказал папа. — Они японцы, их фамилия Ямамото. Правительство называет их «врагами Соединенных Штатов». В Калифорнии сотни таких ферм пустуют, потому что хозяев отправили в лагерь. Если не оплачивать счета каждый месяц, владельцы потеряют все. Поэтому я и здесь.

— Чтобы спасти их ферму? — спросила Айви.

Папа кивнул:

— Пока мистер Ямамото отсутствует, я буду управлять фермой вместо него. Буду оплачивать счета, платить самому себе жалованье, а доходы хранить до его возвращения. За это, когда кончится война, мистер Ямамото оставит меня управляющим, а тот дом и участок земли, на котором он стоит, передаст мне. В полную собственность. — Папа произнес эти слова как молитву.

В собственность! Это значит, можно больше не уезжать, даже и через год. А здесь столько хорошего, с чем не захочется расставаться: школа, где есть свой оркестр, отдельная комната, свой дом, куда сможет вернуться Фернандо. Может быть, даже появятся подруги.

— Через несколько недель сын мистера Ямамото, Кеннет, получит разрешение привезти мне официальные бумаги, — продолжал папа. — Если ему понравится, как я забочусь о ферме, мы подпишем соглашение, которое закрепит надежду на лучшее для обеих наших семей. Как видишь, наше будущее тесно связано с их будущим.

— Если их сыну можно приехать сюда из лагеря, почему остальным нельзя?

Папа покачал головой.

— Кеннет не в лагере. Он — офицер морской пехоты. Переводчик. Ему дадут короткий отпуск, чтобы уладить дела отца.

— Получается, его родители и сестры — враги Америки, а он — нет?

Папа покачал головой:

— Я вообще не представляю, как они могут быть нашими врагами. Семья владеет этой фермой уже сорок лет. Мистер Ямамото сражался за Соединенные Штаты во время Первой мировой.

— Тогда почему их отправили в лагерь?

— Хороший вопрос, Айви, но не на каждый хороший вопрос найдется хороший ответ.

Папа двинулся вокруг дома, Айви — за ним. В голове у нее крутилось еще много вопросов.

— А что будет с теми японскими фермерами, которые не найдут

никого вроде тебя, чтобы заботиться об их фермах?

— Банк продаст фермы по цене намного ниже их настоящей стоимости. Желающих купить по дешевке землю полным-полно. Например, наш сосед, мистер Уорд, купил уже три участка в окрестностях. Он и ферму мистера Ямамото предлагал купить, но тот отказался.

Может, это и есть причина, которая кроется за поведением мистера Уорда? Он хочет купить ферму Ямамото, но не может. Наверное, он сердится, что папа приехал эту ферму спасти?

Позади дома когда-то был большой огород. Засохшие побеги томатов с гниющими плодами цеплялись за проволочные рамы. За огородом стоял дощатый сарай с окошком.

Папа вытащил из внутреннего кармана пиджака письмо Гильермо и вытряхнул себе на ладонь большое кольцо с дюжиной ключей и еще два кольца поменьше, по одному ключу на каждом.

— Дубликаты для дома и сарая.

Он перепробовал несколько ключей, пока наконец висячий замок на двери сарая не открылся. Папа потянул на себя дверь, и одна из петель отвалилась.

— Завтра починю, — сказал папа.

Он стал пересчитывать лопаты, грабли и тяпки. Айви тоже заглянула в сарай. Там на стене висели на гвоздях широкополые соломенные шляпы. В деревянном ящике лежали пакетики с семенами. Но больше всего Айви очаровала маленькая тачка. Там лежали игрушечные совочки, детские панамки и крошечные глиняные горшочки, вложенные один в другой. Айви представила, как две маленькие девочки ходят по пятам за своим папой и сажают в саду цветы и овощи. Может быть, они так и не увидели, как все это выросло.

Закончив осмотр, папа снова кое-как запер сарай и направился к дому. Когда они подошли к задней двери, Айви ахнула. Кто-то краской намалевал на двери слова:

Япошки! Желтые враги!

— Папа, ужас какой!

Папа втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Не нравятся мне такие слова.

— Папа, их сыну будет неприятно это видеть! Давай закрасим!

— Молодец, правильный подход. Так мы и сделаем. Надо бы и внутрь дома заглянуть, но пока все осмотрим, слишком долго получится. Может,

мама на той неделе сможет это сделать.

— А зачем осматривать?

— Когда дом долго стоит запертый, всегда лучше проверить, не протекают ли трубы, не завелись ли мыши и плотно ли закрыты окна — а то как бы белки или птицы внутрь не пролезли.

Папа покачал головой, глядя на изуродованную дверь.

Айви провела пальцем по злобной надписи.

— Пап, кто мог такое сделать?

— Многие, наверное. Я читал в газете — где-то подожгли здание, в котором был японский храм. В другом месте побили окна японской прачечной. Что примечательно, эти здания до сих пор принадлежат японцам. Так же, как эта ферма. Люди знают, что мистер Ямамото ее не продал.

— Пап, а для тебя это не опасно? — встревожилась Айви. — Люди не будут на тебя сердиться за то, что ты здесь работаешь?

— Вряд ли. Фермеров-то не хватает. Знаешь, как нас нынче называет правительство? — Папа гордо расправил плечи. — Солдаты продовольствия! Мы должны выращивать еду не только для всей страны, но и для военных. Поэтому правительство призывает всех разводить огороды, чтобы уменьшить нагрузку на фермеров. Во время войны все американцы — своего рода солдаты. Даже американские японцы у себя в лагере обязаны работать на полях.

— Пап, а разве эти Ямамото не могли быть солдатами продовольствия на своей ферме?

Папа вздохнул и ничего не ответил. Он молча вынул из конверта фотографию и стал ее рассматривать.

Айви вытянула шею и тоже взглянула. На снимке были мистер и миссис Ямамото с детьми. Они стояли перед церковью. На мистере Ямамото были очки в черной оправе, на его жене — платье с белым кружевным воротником. Кеннет был уже чуточку выше отца. Две девочки с пажеской стрижкой и ровненькими челочками были в нарядных платьях и туфельках с перемычкой. Младшая повернула голову к сестре, улыбаясь и сжимая в руках любимую куклу. Айви не знала, как выглядят враги, но наверняка не так, как эта семья.

Она показала на куклу:

— Как ты думаешь, ей разрешили взять ее с собой?

— Наверное. Им позволяют взять, что можно унести в руках, но не больше. А наша работа — сохранить остальное до их возвращения.

Айви вдруг стало стыдно. Она еще жаловалась, что ей пришлось

внезапно уехать из Фресно! По крайней мере, она приехала в уютный дом, который может когда-нибудь стать их собственным. А девочки Ямамото отправились в лагерь с тем, что можно унести в руках.

Айви с папой снова обошли дом и остановились у стены, которую от земли до кровли закрывала прибитая гвоздями решетка из деревянных планок. По решетке беспорядочно вился плющ. Побегги торчали в разные стороны.

Айви нахмурилась:

— Пап, его надо бы подстричь.

— Я тоже так думаю, но мистер Ямамото в письме просил, чтобы я дал плющу разрастись как можно пышнее. Он, конечно, с причудами, но сразу видно, что ферму любит. Я сделаю, как он просит.

— Папа, с заколоченными окнами дом такой грустный и пристыженный, как собака, когда ее ругают.

— Да, — сказал папа. — Дом очень грустный.

Они прошли по дорожке к деревянному домику из трех стен. У задней стены стояла шаткая скамейка, а перед ней — покоробленный стол.

— Это автобусная остановка? — спросила Айви.

Папа покачал головой.

— Это торговый ларек миссис Ямамото. Она весной продавала апельсины, а летом — овощи.

Пока папа осматривал ларек, Айви достала из кармана гармонику и заиграла «Спляшем, Пегги, спляшем!» ^[27]. Она оглянулась на дом и мысленно перенеслась в прошлое: свежепокрашенный дом, кружевные занавески на окнах. На зеленой лужайке устроен пикник, расстелено старое одеяло. Девочки Ямамото танцуют, держась за руки вместе с куклой. Они танцевали, пока голова не закружилась, а потом, хохоча, повалились на траву.

Айви отняла от губ гармонику. Она точно подружилась бы с сестрами Ямамото... Если бы их не услали отсюда.

Дом семьи Уорд был как будто из сказки.

Большой, белый, с островерхой крышей, да еще и двухэтажный. Вдоль всей веранды шла зеленая деревянная решетка, а карнизы и наличники на окнах украшены затейливой резьбой. Чистенький и благопристойный, дом стоял посреди зеленого сада, где на аккуратных клумбах росла герань. Здесь не было ни единого сухого листка или завядшего цветочка — не то что у Ямамото. В окне были выставлены два флажка, оба белые, с красной каймой и звездой в центре. Одна звезда — синяя, другая — золотая.

— Мама, какой дом красивый! — сказала Айви, вылезая из грузовика.

Они приехали забрать белье для глажки.

— Чудо, правда? — подхватила мама.

Подходя к двери, Айви шепнула:

— Что, если мистер Уорд тоже дома?

— Веди себя вежливо, только и всего. И помни, не все бывает таким, как кажется на первый взгляд. Я уверена, на самом деле он совсем не такой нелюдимый.

Айви позвонила.

Снаружи был слышен переливчатый звон, а потом шаги. Дверь открылась. На пороге, улыбаясь во весь рот, стояла Сьюзен. Волосы у нее были заплетены в косички, из-под зеленого свитера выглядывал белый кружевной воротник блузки. Айви провела рукой по куртке Фернандо и грубым хлопчатобумажным рабочим штанам. Надо было одеться понаряднее...

— Входите! — сказала Сьюзен. — Мама велела передать, что скоро придет. Она сейчас в гараже. Айви, посмотри на мои волосы! Я причесалась, как ты!

Айви вслед за мамой вошла в прихожую, стараясь не слишком заметно глазеть на окружающую роскошь. Дубовая лестница вела на второй этаж. В гостиной стояли винного цвета диваны с ножками в виде львиных лап. Рождественская елка макушкой упиралась в потолок и вся была увешана стеклянными шариками и другими игрушками, а на самом верху сверкал златокудрый ангел.

Айви в жизни не видела таких чудес. У этой Сьюзен есть все: красивый дом, потрясающая одежда и хорошенькое личико.

— Хочешь посмотреть мою комнату? — спросила Сьюзен.

Айви кивнула, оглянувшись на маму.

— Лучше, может, побудь здесь со мной, — сказала мама.

— Ну пожалуйста, миссис Лопес! — сказала Сьюзен. — Дочка Бертины всегда приходила ко мне в комнату, а ей всего пять лет.

— Только ненадолго, — смилостивилась мама.

Сьюзен повела Айви на второй этаж, в комнату втрое больше, чем у нее. Там были белый комод и туалетный столик, тумбочка — тоже белая и кровать с пологом, застеленная белым бархатистым покрывалом. За приоткрытой дверцей шкафа виднелся целый ряд платьев. Комната выглядела как картинка из каталога торговой фирмы «Сирс» — Айви и Фернандо часами просиживали над ним и мечтали, что они хотели бы купить, будь у них деньги. Радость по поводу собственной отдельной комнаты вдруг как-то поблекла.

Сьюзен хоть понимает, как ей повезло? После заброшенного дома Ямамото и собственной скромной комнатки с выцветшими обоями казалось несправедливым, что у Сьюзен столько всего есть.

Сьюзен показала пальцем на выглядывающую из кармана Айви губную гармошку.

— Сыграешь что-нибудь?

Айви задавила в себе зависть и ответила:

— Конечно!

Она заиграла рождественскую песенку «Джингл-беллз».

Когда она закончила, Сьюзен захлопала в ладоши:

— Здорово!

— Спасибо. Я должна была выступать по радио, играть соло, только мы сюда переехали.

Снова кольнуло разочарованием.

— Ух ты, по радио! Тебе надо записаться в наш оркестр! — сказала Сьюзен. — Туда берут всех желающих из пятого и шестого класса. В следующий четверг после школы будет вводное собрание, а занятия начнутся после каникул, в январе. Я буду играть на флейте. У тебя наверняка тоже получится!

— Если бы... Флейты у меня нет. И я никогда не училась музыке.

— Это ничего, что флейты нет! Директор оркестра, мистер Дэниэлс, даст тебе флейту на время и научит играть. Мы все три месяца учимся, а потом начинаются общие репетиции. Выступление в июне. У меня братья играли на кларнете, поэтому я знаю. — Сьюзен улыбнулась. — Если ты тоже вступишь, мы сможем заниматься вместе по четвергам после уроков!

Мисс Дельгадо говорила, что Айви могла бы освоить любой

музыкальный инструмент, если бы захотела. А она очень хотела попробовать.

— Я спрошу родителей.

— Если они позволят, моя мама могла бы тебя подвозить по четвергам, а то мы будем задерживаться позже автобуса. — Сьюзен кивнула на губную гармошку. — Я никогда раньше на такой не играла. Это трудно?

— Если у тебя гармошка есть, могу научить.

— В комнате братьев. Пошли!

Она провела Айви дальше по коридору, в комнату еще больше размером. Вся мебель — парные кровати, тумбочки и письменные столы — была сделана из сосны, с резным узором. На каждой тумбочке стояло по фотографии солдата в форме. На рамке одной из них висели медали.

Сьюзен, роясь в верхнем ящике тумбочки, кивнула на снимки.

— Это мои братья, Дональд и Том. Том сейчас в армии, водит танк, а Дональд...

Она нахмурилась, задвинула ящик, открыла следующий и вытащила губную гармошку.

— Я знала, что она где-то здесь!

Айви улыбнулась:

— У меня дома есть самоучитель. Хочешь принесу?

С нижнего этажа донеслись голоса мамы и миссис Уорд.

— Я пойду, наверное, — сказала Айви.

— Давай встретимся завтра между апельсиновыми рощами? Ты иди прямо через ту, что позади твоего дома, до самой дороги. Там стоит старая телега. — Она помахала губной гармошкой. — Сможешь провести первый урок! В два?

Айви кивнула:

— Давай!

— Обещаешь? — спросила Сьюзен, как будто не поверила.

— Обещаю!

Айви побежала вниз по лестнице.

Сьюзен спустилась за ней и махала с крыльца все время, пока Айви с мамой усаживались в грузовик и пока грузовик медленно выезжал задним ходом на дорогу.

— Сьюзен, кажется, славная, — сказала мама.

— Видела бы ты ее комнату! Как у принцессы. В шкафу платьев — битком! Мне бы хоть половину. У нее всё есть!

— Айви, не надо завидовать. Да, у нее многое есть, но это всего-навсего вещи. А по сути она такая же девочка, как и ты. Неплохо, что рядом

живет твоя ровесница и вы можете общаться.

— Не знаю, почему она хочет со мной дружить. У нее, наверное, куча подруг. Правда, моей лучшей подругой она стать не может, ведь это Арасели!

— Может быть, она хочет с тобой дружить, потому что ей нужен друг, — сказала мама. — Айви, лучшая подруга может быть не одна.

— Ох, мама, нет! Это место в моей душе занято Арасели.

Мама улыбнулась:

— Твоя душа больше, чем ты думаешь.

Айви смотрела, как удаляется от них дом с флагами в окошке.

— Мама, а что значат эти флажки?

— Каждая звезда означает солдата. Это в честь их сыновей, которые ушли на войну.

— Надо и нам такой флажок повесить! — сказала Айви. — В честь Фернандо. Только лучше золотую звезду, она красивее.

— Айви Мария, типун тебе на язык! Никогда такого не говори! — Мама перекрестилась, держа руль одной рукой.

— Почему? — спросила Айви.

— Золотая звезда означает, что солдат погиб на войне.

Хотя солнце в субботу пекло вовсю, Айви надела куртку Фернандо и фиолетовую вязаную шапку Арасели.

Накануне вечером она написала письма обоим — рассказала о новом доме и о своей комнате, о Ямамото и Уордах.

Выйдя на проселочную дорогу, разделяющую два земельных участка, Айви увидела, что Сьюзен машет ей рукой, сидя в длинной деревянной телеге, угнездившейся между двумя рядами деревьев.

Айви побежала к ней.

— Привет! — Она тоже залезла в телегу и села на лавку напротив Сьюзен. — Для чего тут телега?

— Мой дедушка когда-то запрягал в нее лошадей и возил всякие тяжести на ферму. А сейчас она просто для игры. А лавки папа сделал.

Айви увидела, что на борту телеги вырезаны три имени:

Дональд Том Кенни

— Это твои братья вырезали?

Сьюзен кивнула.

— Они притаскивали сюда ящики из-под апельсинов и строили форт, а когда играли в прятки в роще, здесь был «домик».

— А Кенни — это кто?

— Кеннет Ямамото, — ответила Сьюзен. — Мы всегда его звали Кенни.

Она встала и показала через поля на желтый дом вдали.

— Отсюда видно крыши всех трех домов: моего, твоего и ямамотовского. Такой треугольник. Дональд всю жизнь с Кенни дружил. Это Кенни уговорил Дональда пойти в морпехи. Папе это очень не понравилось. Он-то армейский насквозь и хотел, чтобы сыновья тоже в армии служили. А потом Дональд... Он погиб, когда бомбили Перл-Харбор.

У Айви что-то сжалось в животе. Она провела пальцем по вырезанному на доске имени.

— Поэтому у вас в окне флаг с золотой звездой?

Сьюзен кивнула.

— Мама с соседками шьют эти флаги на машинке. На память. Мама

для вас тоже делает флаг, в честь твоего брата. Надеюсь... Надеюсь, он не погибнет.

Айви пробрала дрожь. Руки покрылись гусиной кожей, хотя день был теплый и на ней была куртка Фернандо. Когда брат уходил на войну, она вроде и понимала, что это опасно, только опасность казалась такой далекой.

— Я тоже надеюсь, что он не погибнет. — Она глубоко вздохнула. — А Кенни Ямамото пострадал при бомбардировке?

Сьюзен наклонилась поближе к ней.

— Нет, его даже не ранило. Папа говорит, он наверняка знал о бомбежке заранее, поэтому и спасся. Он считает, что Кенни надо посадить в лагерь, как других японцев. Он говорит, Дональд был бы жив, если бы не послушался этого япошку-шпиона.

Айви так и вскинулась:

— Шпиона?

Сьюзен кивнула, широко раскрыв глаза.

— Папа говорит: кто знает, может, Кенни только притворяется честным гражданином Америки, а на самом деле передает японцам разные важные сведения. Может, вся их семья — шпионы. Он думает, что Ямамото что-то скрывают. Если он сможет это доказать, их отправят в тюрьму, а ферму заберет банк и продаст.

— А как можно это доказать?

— Надо обыскать дом со всей тщательностью.

Айви растерялась. Ее одолевали противоречивые чувства. Она даже не была знакома с семьей Ямамото, но, после того как повидала их печальный дом и заброшенный сад и узнала, где они сейчас, ей хотелось их защищать. Они же и так почти в тюрьме!

Она расправила плечи:

— Я не думаю, что они шпионы, иначе папа не стал бы на них работать. И ему не нравится слово «япошки». Кто-то написал это слово у них на двери, но мы его закрасим!

Сьюзен стояла на своем:

— Папа в таких вещах разбирается — он раньше служил в разведке, а сейчас руководит гражданской обороной. У них постоянно разные собрания происходят. Папа говорит, каждый американец должен держать ухо востро и, как только заметит подозрительную деятельность — сразу сообщать в полицию. И дети тоже должны следить, это наш долг! Вот ты не заметила в том доме ничего подозрительного?

— Чего, например?

— Ну, не знаю... Секретных документов или еще чего-нибудь такого,

что может помочь япошкам в войне... То есть японцам.

Айви пожала плечами:

— Я в дом не входила. Только в сарай, там садовые инструменты лежат и больше ничего.

— Если зайдешь в дом, осторожней там! Вдруг они оставили какие-нибудь ловушки или бомбу, чтобы никто не разоблачил их шпионские секреты? Может, там даже потайные ходы есть! Папа говорит — такие, как они, на все способны.

Айви с сомнением покачала головой. Неужели Сьюзен всерьез в это верит?

Сьюзен пожала плечами:

— А вдруг правда?

Ее плечи слегка поникли. Она прикусила губу.

— Мы раньше все время играли с сестрами Кенни, Карен и Энни. Их мама учила меня играть на пианино... Только все это закончилось, когда Дональд...

Она перевела взгляд на губную гармошку в руке Айви:

— Научишь?

Айви была рада оставить шпионскую тему. Было тревожно думать о том, что станет с Ямамото, если их отправят в тюрьму, и что будет с ее семьей, если ферму продадут. Мало ей без того тревог — она и так постоянно беспокоилась за Фернандо.

Айви прошла со Сьюзен первые страницы самоучителя, объясняя значки табулатуры в точности так, как это делала мисс Дельгадо.

— Все очень просто. У губной гармошки десять отверстий, у каждого номер — от одного до десяти. Смотришь на слова песни, над ними написаны числа. Если просто число — надо подуть в отверстие с этим номером, а если перед числом минус — надо, наоборот, извлекать ноту на вдохе.

Она научила Сьюзен песенке «Ты свети, звезда моя», и скоро Сьюзен сыграла всю песню самостоятельно, от начала до конца.

— Ты быстро схватываешь! У тебя хорошо получается.

Сьюзен слабо улыбнулась:

— Ну, хоть что-то у меня получается.

Она легла на скамью, глядя в небо.

— Я тебя понимаю! — Айви тоже улеглась на скамью. — У моего брата Фернандо вообще всё хорошо получается. Он может любой прибор на части разобрать и потом опять собрать. Даже швейную машинку! Он уже заканчивает обучение, а потом его отправят на фронт. Мама и папа

только об этом и говорят.

— Все только об этом и говорят, — сказала Сьюзен. — Слушай, почему ты все время носишь эту куртку и шапку?

— Это куртка Фернандо. Он мне дал поносить, пока он воюет. Чтобы я знала, что он все еще заботится обо мне, пускай издалека. А шапку мне подарила моя лучшая подруга Арасели. Ее мама сделала нам одинаковые шапки. Мы с ней так похожи, что все нас принимают за сестер... То есть принимали.

Слова сами рвались с языка, а Сьюзен слушала так внимательно, что Айви сама не заметила, как рассказала ей и про мисс Дельгадо, и про то, как ей грустно было уезжать из Фресно и как она обогнала весь свой класс по чтению и по математике.

— Я тоже раньше обгоняла свой класс, — сказала Сьюзен. — А потом отстала. Не знаю почему. Раньше мама с папой мне помогали с уроками. А теперь они все время усталые... И грустят.

Айви попробовала представить себе жизнь без Фернандо. Случись самое плохое, семья точно развалилась бы и вряд ли Айви сумела выполнить свое обещание и все исправить. От одной только мысли об этом на душе стало тяжело.

— Я тебе буду помогать с уроками!

Сьюзен села, недоверчиво глядя на нее.

— Правда pomoжешь?

— Конечно! Нам же будут задавать одно и то же? Можно даже никому не рассказывать! Пусть это будет наш секрет.

У Сьюзен в глазах заблестели слезы. Она торопливо их смахнула.

— Айви, спасибо! Знаешь, я так рада, что ты сюда переехала. У меня вообще-то совсем нет подруг.

Айви повернулась на бок, подперев голову рукой. Было трудно поверить, что у Сьюзен столько всего есть, а друзей нет.

— Почему?

— Мне не разрешают никого приглашать домой, и в гости ни к кому нельзя ходить, только вместе с мамой. Тебе можно приходить к нам, потому что твоя мама на нас работает. Если папа спросит, почему ты пришла, мама скажет, что миссис Лопес не с кем было тебя оставить. Мама все уладит.

— Но сейчас-то мы вместе? — удивилась Айви.

— Я почти дома, на самом краю нашего участка. Я здесь постоянно играю одна. Мама говорит, папа очень боится потерять еще одного ребенка, тем более что Том сейчас воюет где-то в Европе. Не знаю, что с нами будет, если Том не вернется. Особенно после Дональда...

Сьюзен прибавила шепотом:

— Папа до сих пор иногда плачет о Дональде.

Айви не знала, что сказать. Все это было ужасно грустно. Хотя она никак не могла представить, чтобы каменнолицый мистер Уорд плакал.

Сьюзен хмурилась, рассматривая свою губную гармошку.

— Знаешь, нам принесли телеграмму. Так мы узнали про Дональда.

Айви дотянулась и сжала руку Сьюзен. Так они сидели несколько минут, глубоко задумавшись каждая о своем. В тишине слышно было только, как щебечут птицы в ветвях.

Вдруг издалека донеслось какое-то звяканье.

— Это мама звонит в колокол на заднем крыльце! Мне надо возвращаться. — Сьюзен спрыгнула с телеги. — До понедельника! Автобус сначала около нас остановится. Хочешь, я займу тебе место?

Айви кивнула:

— Займи, пожалуйста!

Сьюзен медленно пятилась к апельсиновой роце, не переставая говорить:

— Давай встречаться здесь по субботам? Только я в следующую субботу не могу, я на Рождество к бабушке уезжаю. А как только вернусь, тогда давай? Пусть здесь теперь будет наше место, а не мальчишек!

— Давай, — сказала Айви.

— Побожись!

Айви улыбнулась, потом наморщила лоб.

— Почему ты всегда просишь дать тебе клятву?

Сьюзен повела плечом:

— Ну, наверное, потому, что иногда бывает, человек скажет «до встречи», а потом вы больше не встретитесь...

Айви посмотрела на вырезанные на телеге имена и все поняла.

Она быстро нарисовала пальцем крест у себя на груди.

— Ей-богу!

В воскресенье папа чинил дверь сарая Ямамото, а Айви тем временем закрашивала надпись на двери дома и старалась не думать о шпионах.

Папа сказал, что их будущее связано с будущим семьи Ямамото. Значит, если кто-нибудь докажет, что Ямамото все-таки шпионы, папа останется без работы. Им снова придется переезжать, и, может, на новом месте не будет таких замечательных возможностей, как школьный оркестр или собственный дом.

Позже, когда она подбирала себе одежду для школы, мысли все время возвращались к шпионам. Шпионы всегда ходят в черном? Или они днем одеваются как все, а шпионскую одежду носят по ночам, когда занимаются своими шпионскими делами? Может черная одежда служить доказательством?

Ночью Айви все время просыпалась и в понедельник утром проснулась слишком рано. И все-таки она не так нервничала, как обычно перед первым днем в новой школе. По крайней мере, не придется плутать в незнакомом месте и гадать, где сесть в столовой и с кем играть на перемене. Там будет Сьюзен!

Мама проводила Айви до дороги и дождалась, пока подъедет старенький школьный автобус.

Айви поцеловала ее на прощанье и поднялась по ступенькам автобуса.

Сьюзен вскочила и замахала ей. Айви прошла по проходу и села на свободное сиденье рядом со Сьюзен.

— Привет! — Сьюзен сжала ей руку. — Нервничаешь?

— Волнуюсь! — ответила Айви. — И радуюсь, что мы вместе.

Автобус, урча мотором, поехал дальше по проселочным дорогам, собирая учеников. Айви и Сьюзен обсуждали, как устроят в телеге клуб вместо форта. Наконец автобус остановился перед школой имени Линкольна. Несколько учеников двинулись к выходу, а кое-кто остался сидеть. Айви тоже встала и пошла за Сьюзен по проходу.

Сьюзен вышла через переднюю дверь, но когда Айви хотела последовать за ней, водитель протянул руку и не пустил ее.

— А вы куда, девушка?

Сьюзен обернулась, удивленно глядя на Айви. Потом встрепенулась, словно что-то сообразив.

Сьюзен обратилась к водителю:

— Ой, она просто пересаживается на переднее сиденье! Да, Айви? — Она мотнула головой, показывая, куда Айви нужно сесть. — Займешь мне место на обратном пути, хорошо? Автобус сначала подъедет к вашей школе, так что ты в него сядешь раньше меня.

И она сбежала по ступенькам. Потом помахала рукой, с тревогой оглядываясь на Айви.

«К вашей школе»? Что это значит?

Водитель закрыл двери.

— Подождите! — крикнула Айви. — Я учусь в школе Линкольна, в пятом классе!

Водитель взял в руки планшет и пробежал его глазами.

— Айви Лопес?

— Да.

— Это основная школа Линкольна. А тебе надо во вспомогательную, школу для американизации. Следующая остановка.

Как это — американизации? Она и так американка!

Автобус покатился дальше. Его так качало, что Айви еле удержалась на ногах.

Она кое-как добралась до переднего сиденья.

Несколько мальчишек у входа в основную школу замахали вслед автобусу и громко запели:

— У старого Макдональда ферма была! Иа-иа, цып-цып!

Айви стало трудно дышать. Наверняка тут какая-то ошибка...

Она оглянулась на других учеников, которые остались в автобусе. Никто не беспокоился, все болтали друг с другом и смеялись, как будто ничего особенного не происходит.

Еще через несколько миль автобус остановился, двери открылись, и водитель объявил:

— Школа Линкольна, вспомогательная!

Айви увидела в окно длинное приземистое здание с шиферной крышей посреди пустого поля. Ни газонов, ни герани с розами, ни пальм. И это ее школа? Больше похоже на склад сельскохозяйственной техники. Тут Айви наконец заметила, что все оставшиеся в автобусе ученики, как и те, что толпились у входа в школу, очень похожи между собой — темноволосые, кареглазые, смуглые, как и она сама.

Какой-то мальчик остановился рядом с ней и, улыбаясь, показал в сторону двери.

Айви молча вышла из автобуса.

Стоя на обочине, она разглядывала школу. Поток учеников и родителей

обтекал ее с обеих сторон.

Тот мальчик опять подошел к ней.

— Я Игнасио! Ты первый день у нас? Откуда приехала?

— Из Фресно, — ответила Айви.

— Ты что, не знала, что тут две разные школы?

Айви покачала головой, глядя в землю. Лицо у нее горело.

— Ты в каком классе?

— В пятом.

— А я в шестом. Ваша учительница — мисс Кармело, она тебе понравится. Я в прошлом году у нее учился. То есть понравится, если ты хорошо учишься.

Айви гордо выпрямилась:

— В прошлой школе у меня были лучшие отметки в классе!

Игнасио выпятил грудь:

— А я быстрее всех бегаю в трех округах! Побил рекорд по бегу среди школьников. У меня и медали есть!

Айви скрестила руки на груди:

— А меня приглашали выступать на радио!

Игнасио засмеялся:

— Пошли, радиозвезда! Я тебе покажу, где ваш класс. Можешь не спрашивать, сразу скажу: да, здесь все так плохо, как кажется на вид. Но после уроков можно ходить в основную школу заниматься спортом или музыкой.

Айви пошла за ним.

— Но я и так уже американка и говорю по-английски...

— Я тоже.

— Тогда почему мы должны здесь учиться?

Он пожал плечами и показал в дальний конец коридора:

— Шестнадцатый кабинет. Пока, до встречи!

Айви, заглядывая во все классы подряд, наконец добралась до своего. Мисс Кармело, худенькая женщина с завязанными в узел черными волосами, приветливо с ней поздоровалась и нашла свободную парту около окна.

Игнасио сказал правду — учительница была очень славная. Но она не позволяла забегать вперед по учебнику. Все утро Айви первой заканчивала задания по любым предметам и сидела, сложив руки перед собой и глядя на пустое бурое поле за окном. Почему Сьюзен не сказала ей про две разные школы? Вела себя так, словно им предстоит учиться в одном и том же классе. Разве нет? Говорила, что они каждый день будут видаться. Или она

просто имела в виду, что они вместе будут ездить в автобусе?

В обеденную перемену все ели за столами во дворе. Айви сидела одна и разглядывала так называемую площадку для игр — заросший сорняками кусок земли, огороженный проволочной сеткой. Ни асфальта, ни классиков, ни травы, ни бейсбола. Сразу за «игровой площадкой» начинался большой курятник. Там квохтали и что-то клевали куры. Из-за забора летели перья. Понятно теперь, почему мальчишки в основной школе пели про Макдональда и его ферму.

Айви вынула из кармана губную гармошку, чтобы напомнить себе: все-таки она что-то значит. При первых звуках мелодии у нее в душе вспыхнула искорка отваги... И тут порыв ветра принес вонь из курятника. Айви чуть не стошнило. Глубоко дышать было невозможно, и она поскорее убрала гармонику.

Весь день мисс Кармело занималась повторением английского с теми, кто плохо на нем говорил. Айви чуть не заснула со скуки. Но когда ее вызывали, она правильно отвечала на все вопросы и закончила упражнения за несколько минут.

В конце учебного дня мисс Кармело подозвала Айви к своему столу.

— Дорогая, ты отлично говоришь по-английски. Я думаю, тебе не нужно повторять упражнения каждый день.

— Да, мисс Кармело. Я родилась в Соединенных Штатах и хорошо говорю по-английски.

— Вижу. Я думаю, тебе лучше заняться чем-нибудь другим, пользы будет больше.

Айви на радостях выпалила:

— Спасибо, мисс Кармело! Я так и знала, что тут какая-то ошибка!

Мисс Кармело кивнула:

— Ты не против после большой перемены помогать в третьем классе?

Мисс Алаписко очень нужен переводчик.

Айви нахмурилась:

— Переводчик? Я думала, вы меня отправите в основную школу...

— Ах, нет, дорогая, это невозможно. Будешь помогать учить малышей английскому. Хочешь быть помощницей учителя? Можешь приступить завтра после большой перемены.

Айви кивнула и вернулась на место, чувствуя, как полыхают щеки, и еле сдерживая злые слезы.

Она снова уставилась в окно и стала думать о том, чем могла бы заниматься после большой перемены, если бы училась в основной школе. Она не знала точно, что именно теряет, но не сомневалась — это куда

увлекательнее, чем помогать учительнице третьего класса.

После уроков, когда Айви уже вышла из школы, кто-то сунул ей в руку листок с информацией об организационном собрании оркестра в четверг. Она сунула листок в карман.

Стоя в очереди на автобусной остановке, она увидела, как мимо проехал молодой человек на велосипеде. Он быстро крутил педали. Штанины его синих джинсов были подвязаны веревочками на щиколотках, чтобы их не защемило между спицами. На нем была синяя кепка с какой-то эмблемой, а на плече висела кожаная сумка. Если бы у Айви был велосипед, она могла бы ездить на нем в школу, чтобы не страдать от унижения в автобусе и не слышать дразнилки мальчишек из основной.

В автобусе рядом с ней села совсем маленькая девочка — может, из подготовительного класса. Айви даже пробовать не стала занять место для Сьюзен. У основной школы в автобус хлынула толпа учеников. Все держали такие же листочки с призывом вступать в оркестр. Айви перехватила встревоженный взгляд Сьюзен, но в ответ только кивнула на свою соседку и пожала плечами.

Всю дорогу домой Айви упорно смотрела в окно. Разве не мог хоть кто-нибудь рассказать им с мамой и папой о двух школах? Сьюзен, миссис Уорд, Бертина, Гильермо... Или они не знают, что в других районах Калифорнии все учатся вместе? Не понимают, как это унижительно? Снова она еле справилась со слезами.

Когда Айви шла по проходу к дверям, Сьюзен сказала:

— Айви, пока! До завтра!

— Пока, — ответила она, отворачиваясь.

Было стыдно видеть, что Сьюзен ее жалеет.

Когда двери автобуса закрылись у нее за спиной и раздался шум мотора, у нее словно гора с плеч свалилась.

Потом она увидела, что в нескольких шагах от дороги стоит мама, улыбаясь и раскинув руки ей навстречу. Тут все загнанные вглубь чувства наконец прорвались наружу, и Айви разрыдалась.

За ужином, слушая папину возмущенную речь, Айви чувствовала себя такой измотанной, словно ее прокрутили через отжим в стиральной машине.

— Моя семья живет здесь больше ста лет! Мой прадед работал на ранчо, когда эта земля еще принадлежала Мексике, а не Калифорнии! Ты, Айви, полноправная американка, так же как и мы с мамой. И наши родители тоже были американцами, и их родители тоже, пусть земля им будет пухом! Лус, когда ты оформляла документы Айви, тебя не предупредили про две разные школы?

— Нет, — ответила мама. — Взяли бумаги, сказали «спасибо». Еще сказали, что она может приступить к учебе с сегодняшнего дня и что за ней будет заезжать автобус. Бертина в письме ни слова о другой школе не говорила. И миссис Уорд ничего не сказала, когда я ее спрашивала насчет автобуса. Все ведут себя так, как будто это само собой разумеется.

— И подружка твоя ничего не сказала? — спросил папа.

Айви покачала головой.

Папа то умолкал, возвращаясь к еде, то снова взрывался:

— Почему здесь такие порядки? Во Фресно все дети учатся вместе: японцы, филиппинцы, мексиканцы, англо-американцы. Или мы все не граждане штата Калифорния?

Он зачерпывал мамин острый суп «альбондигас» и продолжал говорить, держа в руке ложку с тефтелькой.

— Значит, нам разрешается вместе с ними заниматься музыкой и спортом? Но только после уроков! Вместе с ними воевать тоже можно. Мой сын сражается за нашу страну! Что за бред? — Папа шумно прихлебывал суп и кричал с полным ртом: — Я поговорю с директорами обеих школ! Пусть тебя переводят!

Айви смотрела в тарелку и гоняла ложкой тефтельки. Что-то ей подсказывало, что папа не отступит. Она была ему благодарна и в то же время беспокоилась. Он устроит скандал в школе? А если папа добьется своего и ее переведут — будут ли учителя относиться к ней так же, как к остальным ученикам? Вдруг родители начнут жаловаться? А если у папы ничего не получится — не начнут ее дразнить еще больше те мальчишки, что пели про старого Макдональда? А вдруг ученики вспомогательной школы скажут, что она зазнайка и считает себя лучше других? У нее голова

шла кругом.

— Завтра с самого утра позвоню и договорюсь о встрече! — сказал папа. — А ты пока побудешь дома.

Тихий голосок в голове шепнул: «Оркестр».

Айви перепугалась.

— Папа, в четверг собрание оркестра! Можно я пойду? Пожалуйста!

— Айви, речь идет о твоём образовании, а не о никому не нужных дополнительных занятиях!

Айви вскинула голову:

— Они нужны мне! Музыка для меня много значит. И Фернандо говорил, чтобы я ее не бросала. Он сказал, что музыка приносит радость в наш дом.

Наверное, мама поняла, в каком Айви отчаянии.

Она сказала папе:

— Виктор, не нарывайся на неприятности. Ради Айви.

— Я не нарываюсь! — отрезал папа. — Я всё решу!

* * *

В среду вечером, вернувшись домой, папа сразу прошел в гостиную и рухнул в кресло.

Айви и мама сели напротив него на диван.

— Пап, что случилось? — спросила Айви.

Папа только головой покачал.

— Виктор? — настойчиво спросила мама.

Он кашлянул:

— Оба директора говорят одно и то же. Что такова местная политика. Они согласились, что смысла в ней нет, но у них связаны руки. Прости, Айви.

Айви никогда не видела его таким несчастным. Он, видно, думал, что подвел ее.

— Пап, да все нормально!

— Нет, не нормально. И если ничего не изменится, то так и останется ненормально!

Он растерянно посмотрел на маму.

— Директор мне сказал, что мексиканские дети учатся отдельно из-за языковых трудностей и проблем со здоровьем.

— Проблем со здоровьем? — переспросила мама.

— Какие еще проблемы? Я ничем не болею! — сказала Айви.

Папа нахмурился:

— Директор основной школы, глядя мне в глаза, заявил, что большинство мексиканских детей нечистоплотны и никогда не моются. У них, дескать, вши, и они разносят болезни.

— Не моются? Глупость какая! — сказала мама. — А детские болезни у всех одни и те же.

Папин голос зазвенел от бессильного гнева:

— Лус, с этими людьми бесполезно спорить. Я ему сказал, что Айви отлично говорит по-английски и опережает одноклассников по всем предметам. А он в ответ — пусть даже это и правда, но он не может перевести ее в основную школу, потому что получится несправедливо по отношению к другим мексиканским детям. Еще он сказал, что по закону я не имею права не пускать ее в школу, если только она не больна. По закону!

— А директор вспомогательной школы что сказал? — спросила Айви.

Папа вздохнул:

— Он согласен, что ты не должна половину учебного дня помогать учительнице третьего класса. После каникул сдашь экзамен в шестой класс. Еще он сказал, что родители в разных частях округа Ориндж хотят объединиться и нанять адвоката. Скоро будет собрание.

— Виктор, может быть, здесь все-таки не такое уж хорошее место? Может, нам вернуться во Фресно? Тебя примут обратно на работу?

Айви изумленно уставилась на маму. Она готова от всего отказаться ради Айви?!

— Мама, здесь же дом, и сад, и стиральная машина!

— Айви, а какой ценой? Ты даже не можешь ходить в нормальную школу. Папа всегда говорит, что образование важнее всего.

Папа встал и заходил по комнате.

— Это вариант. Я уверен, что меня возьмут обратно.

Он стал смотреть в окно на апельсиновые деревья, но при этом качал головой, как будто ему не хотелось со всем этим расставаться.

Если они уедут, он так и не исполнит свою мечту. Не использует шанс, который бывает раз в жизни. Айви, конечно, скучала по мисс Дельгадо и Арасели, но в глубине души она понимала, что вернуться во Фресно — это шаг назад. Правильно сказал папа Арасели — из Ла-Колонии все рано или поздно уезжают, если хотят чего-нибудь добиться в жизни. К тому же Фернандо на нее рассчитывает.

Пока папа не принял решения, Айви выпалила:

— Я думаю, лучше остаться. Я и во вспомогательной школе учиться

смогу. Учительница у нас добрая. И я... Я могу попросить, чтобы мне разрешили проходить учебник вперед, или переведусь в шестой класс, как ты говорил. И потом я уже написала Фернандо про наш новый дом. Я могу жить в двух мирах. Утром буду ходить во вспомогательную школу, а после уроков — в основную.

Папа посмотрел на Айви, как будто впервые ее увидел. Потом чуть заметно улыбнулся и кивнул:

— Согласен с тобой, Айви. Разумнее остаться здесь, где для всех нас намного больше возможностей, и бороться за правду! Обещаю, так я и сделаю. Пойду на собрание и посмотрим, сможем ли мы добиться перемен.

— На перемены требуется время, — сказала мама, тронув Айви за локоть.

— Да, — ответил папа. — На это потребуется время. В один миг школьное управление не переменит свою позицию.

Айви понимала, о чем они говорят. Возможно, за время ее учебы перемены так и не наступят, и ближайшие два года ей придется посещать вспомогательную школу, хоть это и несправедливо. Она вспомнила семью Ямамото — им вообще пришлось уехать из родного дома. С ними поступили в десять... нет, в сто раз хуже.

— Я понимаю. А можно мне завтра пойти на собрание оркестра? Пожалуйста!

Папа тяжело вздохнул:

— Иди, если это для тебя так важно.

Айви бросилась ему на шею:

— Очень важно, пап! Вот увидишь!

Вечером, лежа в кровати и глядя в темноту, Айви начала сомневаться в своем решении. Неприятно было чувствовать, что ты как будто хуже других. Ей хотелось что-то значить. Даже если она поступит в оркестр основной школы имени Линкольна, все равно она там не будет своей, как Сьюзен и другие.

Айви вдруг почувствовала себя грязной, хоть и приняла перед сном ванну. И как будто заразной, хотя и знала, что она не больна. У нее никогда не было вшей, но сейчас она потрогала свои волосы и ей вдруг почудилось, что по голове ползают крохотные насекомые и впиваются в кожу.

Горячие слезы потекли по щекам. Айви выбралась из кровати, взяла куртку Фернандо и закуталась в нее. Впервые она легла в постель в этой куртке.

Как она может починить свою семью, когда сама немножечко

сломалась?

В четверг утром Айви вошла в автобус и увидела, что Сьюзен положила руку на соседнее сиденье, чтобы его никто не занял.

Айви села рядом с ней.

— Ты не заболела? Два дня пропустила!

— Я не очень хорошо себя чувствовала, — ответила Айви и ведь не соврала.

— Сегодня собрание оркестра. Моя мама поговорила с твоей насчет того, чтобы подвезти тебя потом до дома.

Айви кивнула:

— Мама мне сказала.

— В понедельник после школы я так и не смогла с тобой сесть. В автобусе можно занимать места, водитель позволяет. Как прошел твой первый день?

Сьюзен так искренне волновалась за Айви. Почему же Айви все равно чувствовала, как будто ее предали?

— Нормально прошел, — сказала Айви, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — У меня очень хорошая учительница. Но я по программе всех обогнала. Может быть, меня переведут в шестой класс.

Сьюзен застонала.

— У нас была контрольная по математике. Я страшно отстала...

Вид у нее был несчастный, и голос тоже.

Айви снова стало ее жаль.

— Я тебе помогу, если хочешь. Помнишь, я обещала?

Автобус остановился около основной школы.

— Ох, это было бы замечательно! — Сьюзен крепко ее обняла и побежала к выходу.

Когда автобус отъезжал, Айви услышала, как мальчишки поют: «На ферме были свиньи»...

Айви прикусила губу до крови, чтобы не заплакать.

После уроков Айви единственная вышла из автобуса возле основной школы.

Почему другие ученики вспомогательной школы не идут на собрание оркестра? Может, они что-то такое знают, о чем не знает Айви?

Музыкальный кабинет был размером с две классные комнаты. На

длинных столах лежали всевозможные музыкальные инструменты в футлярах: горны, флейты, скрипки, гобой, виолончель. У стены стояло пианино, а рядом — что-то похожее на ударную установку, накрытое чехлом.

В кабинете сидели человек двадцать учеников, а перед ними стоял мистер Дэниэлс — плотный, невысокий, с седой бородой и усами.

Сьюзен замахала, показывая на соседний с ней свободный стул в первом ряду. Айви подошла и села рядом с ней.

Мистер Дэниэлс сложил ладони вместе.

— Раз вы сегодня сюда пришли — значит, вы хотите участвовать в захватывающем приключении вместе с нашим оркестром.

Все закивали.

Мистер Дэниэлс раздал листки с расписанием репетиций.

— Ваши родители должны будут подписать разрешение, а также вы отвечаете за сохранность бесценных музыкальных инструментов. Правительство запретило производство новых музыкальных инструментов, поскольку все силы должны быть брошены на войну. К сожалению, никто не знает, как долго она продлится.

Какая-то девочка подняла руку:

— Мама говорит — может быть, на будущий год и оркестра не будет. Это правда?

Мистер Дэниэлс кашлянул.

— Некоторые родители интересуются, почему райотдел образования в военное время тратит деньги на зарплату учителю музыки. Что я могу сказать? Я считаю, что возможность творить музыку — это такой подарок, который каждому нужно получить хотя бы раз в жизни, и неважно, развернет он этот подарок до конца или нет. Для многих из вас это будет единственный музыкальный опыт. В таком случае я хочу, чтобы он запомнился надолго. К тому же людям необходимы красота и свет, которые приносит музыка, особенно в тяжелое время. И это еще одна причина в нынешнем году выступить блистательно и принести немного света в наш мрачный мир. Быть может, это убедит наших противников в том, что музыкальное обучение в школе необходимо продолжать. Надеюсь, вы со мной согласны.

Айви мистер Дэниэлс уже нравился.

— А теперь давайте с вами познакомимся. Каждый по очереди назовите свое имя и расскажите, на каком инструменте хотели бы научиться играть — или, возможно, уже играете.

Ученики один за другим рассказывали о себе, а мистер Дэниэлс

записывал в планшете. Некоторые учились игре на фортепиано, один мальчик уже четыре года играл на виолончели, другой — на барабанах.

Когда наступила очередь Айви, она сказала:

— Меня зовут Айви Мария Лопес.

Какой-то мальчишка у нее за спиной прошептал:

— Иа-иа! Цып-цып!

И захихикал.

У Айви что-то перевернулось внутри. Она уставилась в пол. Из-за этого другие ученики из вспомогательной школы не захотели вступить в оркестр?

Мистер Дэниэлс трижды хлопнул в ладоши.

— Достаточно! Я на своих занятиях рассчитываю видеть концертные манеры. А это подразумевает уважительное отношение ко всем музыкантам. Здесь каждому рады. Айви, продолжай, пожалуйста! Твоя подруга Сьюзен рассказала мне, что ты к нам присоединишься. Это правда, что ты должна была выступить соло в радиопередаче?

Сьюзен ему о ней рассказывала? Айви подняла голову:

— Да, когда я жила во Фресно. Я не знаю, на каком инструменте хочу учиться играть. Может быть, на флейте. До сих пор я играла только на губной гармошке.

Вокруг снова раздалась смехи.

Кто-то хмыкнул:

— Это не музыкальный инструмент!

Мистер Дэниэлс скрестил руки на груди.

— Кого-то, возможно, удивит, если я скажу, что есть классический виртуоз игры на губной гармонике, Ларри Адлер. Он выступает с симфоническим оркестром и ездит с гастролями по всему миру. Я слышал по радио, как он играл «Рапсодию в стиле блюз» [\[28\]](#), это было божественно. Айви, у тебя гармоника с собой?

Айви кивнула.

— Сыграешь нам что-нибудь?

Айви встала, вынула из кармана губную гармошку и огляделась. Кое-кто посмеивался, прикрываясь ладонью. Вдруг она плохо сыграет? Над ней тогда еще больше станут смеяться.

Она сыграла пару аккордов для разминки и мысленно услышала голоса мисс Дельгадо и Фернандо. Они говорили, что у нее талант. В эту минуту она вдруг поняла, что имеет такое же право здесь находиться, как и ученики основной школы имени Линкольна. Она заиграла «Когда Джонни

вернется домой» [\[29\]](#).

Айви закрыла глаза, и песня захватила ее. Айви знала, как это, когда тоскуешь по дорогом для тебя человеку, а он где-то далеко. Она часто представляла, как радостно будет встретиться вновь. Первый куплет она сыграла как марш — решительный и воодушевляющий. Второй — медленно и печально. Кабинет был специально рассчитан на то, что в нем будет звучать музыка. Все звуки здесь усиливались. Айви запрокинула голову, чтобы музыка отражалась от потолка и возвращалась к слушателям.

В последний куплет она вложила все ожидание встречи и всю силу духа, какую смогла найти в своем сердце. Когда замерла последняя нота, несколько секунд было совершенно тихо, слышно только, как кто-то ерзает на стуле. Айви ожидала услышать хохот, но вместе этого вокруг захлопали.

— Айви, спасибо! — сказал мистер Дэниэлс. — Безусловно, блестящее исполнение. У тебя есть способности. И я предчувствую, — он улыбнулся, наставив на нее палец, — что ты всей душой полюбишь флейту.

Айви села, сияя. Щеки горели после игры. Вот бы Фернандо сейчас ее слышал! Он бы дал за этот концерт больше цента!

— Итак, если больше никто не желает высказаться по поводу Айви и губной гармонике — а я вижу, что желающих нет, — давайте поговорим о расписании репетиций. По понедельникам у нас будут занятия струнными инструментами, по вторникам — ударными, по средам — медными духовыми, а по четвергам — деревянными духовыми. Инструменты я вам выдам через неделю, когда закончатся каникулы. После одиннадцатого января мы начнем работать всерьез!

Айви слушала как зачарованная. Слова мистера Дэниэлса — «захватывающее приключение», «красота и свет», «безусловно блестящее», «начнем работать всерьез» — пробуждали в ней оптимизм.

— Ты сегодня правда здорово играла, — сказала Сьюзен, когда они у входа в школу ждали миссис Уорд.

Айви протерла губную гармошку подолом платья.

— Спасибо, что ты предупредила мистера Дэниэлса, что я буду приезжать из той, другой школы.

Сьюзен зашептала:

— Айви, прости! Я думала, ты знаешь, что у нас две школы. А ты, оказывается, не знала. Мне так стыдно! Моя мама тоже ужасно переживала после того, как поговорила с твоей. Она говорит, ей и в голову не пришло об этом специально сказать. Наверное, для вас всех это было очень неприятно.

— Я раньше никогда не училась отдельно. Никогда и нигде.

— У нас так принято, — сказала Сьюзен.

— Но у вас в школе учатся филиппинцы. И японцы учились, пока их не выслали. Почему мексиканцам нельзя?

— Не знаю. Так всегда было.

— Вспомогательную школу называют фермой старого Макдональда.

Сьюзен опустила глаза:

— Я знаю.

— Мой папа вчера ходил разговаривать с директорами обеих школ, но...

У Айви глаза защипало от слез.

— Угу, — сказала Сьюзен. — Каждый год кто-нибудь из мексиканцев пробует перевести своего ребенка в основную...

Она не договорила.

Айви догадалась, как должна была закончиться фраза: «Но никогда ничего не получается».

— Моя мама так расстроилась... Хотела даже вернуться во Фресно.

Сьюзен жалобно сморщилась:

— Вы же не уедете?

Айви посмотрела в ее испуганные глаза.

— Не уедем. Мы останемся и будем бороться. И я останусь в оркестре.

Сьюзен перевела дух:

— Я так рада!

— Я тоже, — сказала Айви.

— Завтра мы уезжаем на праздники к бабушке, — сказала Сьюзен. — Папа вернется сразу после Рождества, а мы с мамой пробудем там до Нового года. Встретимся у телеги на следующий день после того, как я вернусь? В то же время?

Она с надеждой скрестила пальцы.

У Сьюзен было все, кроме друзей. И она так отчаянно хотела дружить с Айви. Может, для других учеников основной школы имени Линкольна Айви ничего не значит, но она уж точно что-то значит для Сьюзен. Разве можно ей отказать?

Айви кивнула:

— Обещаю!

Без Фернандо Рождество было совсем не то. Фернандо всегда требовал, чтобы все обязательно выпили горячего шоколада, и поели печенья, и не ложились спать до полуночи, когда можно открыть подарки.

Айви сидела на диване между мамой и папой. Они соблюдали заведенную Фернандо традицию, но остро чувствовали, что его самого здесь нет.

Папа поднял вверх чашку с какао:

— Счастливого Рождества!

Мама и Айви тоже подняли свои чашки:

— Счастливого Рождества!

Мама поправила школьную фотографию Фернандо, сдвинув ее чуть-чуть влево. А потом снова вправо.

— И за тебя, Нандо, — сказала она. — Мы по тебе скучаем.

— Душой он с нами, — сказал папа. — И еще... У меня для вас сюрприз!

Он выхватил из-за спины два конверта.

— Письма? — ахнула Айви.

— Сегодня утром пришли, — сказал папа. — Я как раз был около дома, когда появился почтальон. Я их припрятал, чтобы вас удивить.

Айви взяла адресованное ей письмо. Мама прижала свое к груди. Даже в полутьме Айви видела, как блестят у мамы глаза.

Мама развернула письмо, поднесла поближе к лампе и стала читать вслух.

«Дорогие мама и папа!

Простите, что давно не писал. Во время усиленного курса нам не разрешали отправлять письма, только получать. Наверное, не хотят, чтобы наши радиосекреты случайно просочились наружу. Болтун — находка для шпиона. Это значит, если мы будем болтать обо всем подряд не задумываясь, ценные сведения могут попасть в руки врага. Вчера я получил папино письмо. Дом в округе Ориндж! Это нечто. Сразу видно, удачная сделка. Хорошо будет вернуться домой насовсем. Хочется где-то пустить корни. А теперь мои новости. Я получил удостоверение полевого радиста. Быстрее всех в нашем отряде разбираю и собираю

радиопередатчик и могу добиться устойчивого приема, когда другие не могут. Меня прозвали „Марс“ Лопес. Друзья шутят, что я, если захочу, могу отправить радиосообщение на другую планету».

Папа засмеялся.

— Марс Лопес! Ему подходит!

«Другая новость — я наконец-то получил назначение. Скоро меня отправят с военным самолетом».

— Куда отправят? — спросила Айви.

— Ему не разрешается об этом говорить, — сказал папа. — Читай дальше, Лус!

«Знаете такие толстобрюхие самолеты? Вот на таком я полечу. Точную дату не знаю, но это будет в течение ближайших недель. У нас тут говорят, что война не продлится долго. Даже офицеры так считают».

Мама подняла взгляд от письма.

— Даже офицеры считают, что война скоро кончится!

Папа улыбнулся и сжал ей руку. Мама продолжила читать:

«Каждую неделю нам показывают кинохронику. Мы видим, как все американцы вносят свой вклад ради победы, кто больше, кто меньше. Я тоже делаю, что могу, и горжусь этим.

С любовью, ваш сын

Фернандо».

— Если война скоро кончится, то на следующее Рождество он будет с нами! — сказала мама.

Папа прочистил горло:

— Да. Я предсказываю, что следующий Новый год будет еще лучше. Через две недели сын мистера Ямамото приедет подписать бумаги. Я пойду на собрание родителей — посмотрим, что можно сделать насчет школы. Когда война закончится, у нас будет... — Папин голос сорвался. — Наш собственный дом! Фернандо будет куда возвращаться. Да, следующий год многое обещает.

Мама с папой сели рядышком перечитывать письмо, а Айви открыла свое и стала читать про себя.

Дорогая Айви!

Я получил твоё письмо. Жаль, что ты не смогла выступить по радио. Надеюсь, ты сыграешь для меня своё соло, когда я вернусь. Но, судя по всему, когда война кончится, для нас всех наступят хорошие времена.

Тут у каждого батальона есть свой девиз: «Отвага в трудный час», «Всегда с полной отдачей», «Готовы к миру и войне». Девиз моего батальона: «Вперед, за правду!» Пусть и у нас в семье так будет. Я на тебя рассчитываю! Вперед, будь стойким солдатиком!

Надеюсь, ты по-прежнему играешь на губной гармошке. Все отдал бы за то, чтобы сейчас послушать твоё выступление! Перехожу на прием. На радиожаргоне это значит, что я закончил говорить и хочу теперь послушать, что скажет собеседник. А собеседник — ты!

С любовью,

Нандо

P. S. Помнишь, во Фресно ты собирала военные марки? Наш сержант говорит, что на десятицентовую марку можно купить пять пуль и каждая пуля остановит фашиста. Чем скорее мы их остановим, тем раньше война закончится и я вернусь домой.

Внизу листка Фернандо приклеил монетку в один цент. Айви, улыбаясь, показала письмо маме с папой:

— За концерт!

Уже пробило полночь. Айви пожелала маме с папой спокойной ночи и оставила им письмо, чтобы они тоже могли прочесть.

У себя в комнате она остановилась у окна. В темноте смутно виднелась апельсиновая роща.

Айви взяла губную гармошку и заиграла для Фернандо «Боевой гимн Республики» ^[30]. В словах песни звучали его гордость, любовь и верность.

Слава, слава, аллилуйя!

Слава, слава, аллилуйя!

Слава, слава, аллилуйя!

С нами истина его^[31].

— Есть, Нандо, — прошептала Айви. — Вперед, за правду!

Она села на кровать и написала брату письмо. Рассказала об основной и вспомогательной школе, о том, что они решили все-таки остаться в округе Ориндж, об оркестре, о мистере Дэниэлсе и будущих занятиях музыкой, и о том, что она надеется, все как-нибудь образуется, он сможет вернуться домой и пустить корни. Еще она написала, что он может и дальше на нее рассчитывать — она старается быть стойким солдатиком,

Айви закончила письмо, так и не сказав о двух препятствиях на пути к счастливому будущему. Одно — что Кенни Ямамото и папа еще только собираются подписывать бумаги. Если Кенни Ямамото не понравится то, что он здесь увидит, он может и не подписать.

По крайней мере, тут Айви может помочь.

Другое препятствие постоянно мучило ее, словно заноза. Если окажется, что Ямамото — шпионы, их отправят в тюрьму, а ферму продадут. Что тогда будет с ее семьей?

Сьюзен сказала: чтобы доказать, что Ямамото не шпионы, надо тщательно осмотреть их дом. А папа, кажется, говорил, что они так и так должны это сделать? Если Айви проберется в дом и убедится, что там нет ничего подозрительного, можно рассказать об этом Сьюзен, а Сьюзен расскажет своему отцу. На том и кончатся все разговоры о шпионах.

Но как и когда пробраться в дом?

Удобный случай подвернулся на следующий день после Рождества.

Айви с мамой, стоя на коленях на сложенном одеяле перед заросшей сорняками клумбой, выкапывали корневища ириса. Айви совком выковыряла облепленное землей корневище и бросила в кучу на расстеленном брезенте.

— Какого они цвета?

Мама повертела корневище в руках.

— Узнаем, когда зацветут. Я надеюсь, лиловые с желтыми язычками. Это мои любимые.

— А что мы будем делать с теми, которые выкопали? — спросила Айви.

— Они легко приживаются на новом месте. Часть я посажу сбоку от дома, а часть отдам миссис Уорд. Что с остальными делать, даже не знаю.

— Мам, я хочу посадить немножко цветов около хозяйского дома. Там все такое унылое.

— Айви, ты замечательно придумала! Как я сама не догадалась! Может, пока они зацветут, уже и семья вернется, порадуются.

— Давай отнесем туда корневища и сложим в сарай, потом я их посажу, когда будет время. — И Айви добавила, как бы невзначай: — Папа еще говорил, нужно проверить в доме, как там и что. Заодно и посмотрим.

— Да, — сказала мама. — Я обещала папе туда заглянуть, да все не до того было. Сегодня он поехал в город — закупать разные припасы, а мы как раз и ходим.

Она выпрямилась и отряхнула фартук.

— Сейчас возьму ключи от дома и сарая.

Перед тем как отправиться в путь через рощу, мама прихватила с бельевой веревки горсть прищепок.

— Прихватим ими шторы, чтобы в комнаты свет впустить, а то электричество там отключено.

Айви мысленно услышала предостережение Сьюзен: «Если зайдешь в дом, осторожней там! Вдруг они оставили какие-нибудь ловушки или бомбу, чтобы никто не разоблачил их шпионские секреты?»

Айви в это не верила и готовилась доказать, что Ямамото — никакие не шпионы. А все-таки, может, надо сказать маме на всякий случай?

Пока Айви связала в узел брезент со сваленными на нем корневищами,

мама уже углубилась в рошу. Айви побежала за ней и догнала только во дворе Ямамото. Мама уже отперла сарай и направлялась к задней двери дома. Айви бросила узел на земляной пол в сарае и помчалась к дому, чтобы предупредить маму, но не успела. Мама открыла дверь и теперь стояла в совершенно обыкновенной кухне, ничуть не похожей на шпионскую кухню. Айви с облегчением перевела дух.

— Так! — Мама подоткнула угол плотной шторы для затемнения на кухонном окне. — Нужно заглянуть во все шкафчики.

— Проверить, нет ли там мышиных какашек или птичьих и беличьих гнезд и не протекает ли вода, — сказала Айви. — Папа мне объяснял.

Мама уперла руки в бока.

— Грустно, правда? Когда Кеннет Ямамото отсюда уезжал, вся семья была дома. Вернется, а тут такое. Представь, как тяжело ему будет!

Кухонный стол казался пустым без миски с фруктами. Стулья придвинуты вплотную. Как раньше за ним сидела семья? Мистер и миссис Ямамото напротив друг друга, а между ними дети? Где были места Карен и Энни?

Айви помогла маме прихватить прищепками шторы в гостиной. Окна были заколочены снаружи, и между досками просачивались только тоненькие лучики света. Всю мебель сдвинули к середине и накрыли простынями, теперь она высилась неровными уступами, будто айсберг. Пахло затхлостью.

— Зачем им затемнение, если электричества нет? — спросила Айви.

— Наверное, шторы повесили еще до того, как семью отсюда вывезли. Они были хорошими американцами. По крайней мере, если кто-нибудь отдерет снаружи доски, все равно ничего внутри не увидит. Люди иногда делают странные вещи, если дом стоит заброшенный. Думают, что это как приглашение ограбить.

Мама осмотрела все окна в гостиной и перешла к спальням. Первая оказалась совсем пустой. Из нее все убрали, осталась только двуспальная кровать с матрасом. Мама заглянула в чулан. Там висела одежда для взрослых. В уголке на полу стоял радиоприемник, а вокруг ровненько выстроились картонные коробки с надписями: «простыни», «наволочки», «скатерти». У порога стояли в ряд резиновые сапоги. Наверное, здесь была комната мистера и миссис Ямамото.

Мама заглянула в несколько коробок, выдвинув их из ряда.

В следующей спальне было почти то же самое. В чулане стояли рядами коробки, а на полках лежали бейсбольные биты и сдувшиеся мячи — наверное, они принадлежали Кенни. В третьей спальне стояли две

кровати — как видно, тут спали Карен и Энни. Айви представила себе, как сестры хихикают и шепчутся перед сном, а младшая прижимает к себе куклу.

Мама открыла стенной шкаф, и оттуда выпала коробка без крышки. По всему полу разлетелись фотографии.

— Ох, вот беда-то!

— Мама, я соберу!

Айви любопытно было взглянуть на снимки.

— Спасибо! Я пока проверю шкафчики на кухне.

Мамины шаги затихли в коридоре.

Айви стала по одной складывать фотографии в коробку. Ей попался снимок школьного оркестра — сестры Ямамото исполняли дуэт на флейтах. Они тоже играли на флейте! Айви перевернула фотографию. На оборотной стороне аккуратнейшим почерком были написаны их имена. Еще на одной фотографии сестры в одинаковых платьях сидели за пианино. Было много детских снимков. Маленький Кенни играет на скрипке, на белом поле вдоль края фотографии надпись: «Весенний концерт в школе им. Линкольна». Мистер и миссис Ямамото стоят на крыльце, держа на руках младенца. Кенни, Дональд и Том выстроились в ряд, обняв друг друга за плечи, с бейсбольными битами и перчатками, улыбаются во весь рот. Кенни и Дональд в форме морской пехоты пожимают друг другу руки. Наверное, Кенни было очень грустно, когда его лучший друг погиб.

С каждым снимком Айви все глубже погружалась в жизнь семьи Ямамото и все острее ощущала их потерю. Поставив коробку с фотографиями на полку, она стала искать крышку.

Отодвинула в сторону висящую на вешалке одежду и тут увидела в задней стенке шкафа дверь. Зачем в шкафу дверь? Тут же включилось воображение. Может, это и есть тайный ход? Доказательство, которое рассчитывал найти папа Сьюзен? Неужели Ямамото правда что-то скрывают?

У верхнего края двери Айви увидела задвижку с висячим замком. Она отпихнула одежду еще дальше, коробки сдвинула ближе к себе и у нижнего края двери тоже обнаружила задвижку с висячим замком.

Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. Наверное, там просто кладовка. Там сложили особо хрупкие или особо ценные вещи — побоялись оставлять их на виду. Папа же говорил, им разрешили взять с собой только то, что можно унести в руках. А мама сказала, что люди, случается, грабят заброшенные дома. Спрятать ценности под замок — очень даже разумно.

Ответственность тяжелым грузом навалилась на плечи. Должна она рассказать маме и папе об этой секретной кладовке?

Айви послышался протяжный аккорд, словно долгий выдох. Она нащупала в кармане штанов губную гармошку. Гармошка заиграла сама собой? Или это Айви вздохнула? Или она воображает всякую чепуху, как говорит папа?

Мысли в голове беспорядочно метались. Их семья связана с семьей Ямамото. Если в кладовке найдут что-то подозрительное, накажут всех. Наверное, Айви — единственный человек не из семьи Ямамото, который знает про потайную дверь. А она умеет хранить секреты. Не нужно никому ничего рассказывать.

Это и будет ее помощь семье.

Айви поправила вешалки с одеждой и задвинула коробки на место.

— Айви! — позвала мама. — Когда будешь уходить, отцепи от штор прищепки и захлопни покрепче дверь. Я запру сарай и буду ждать тебя у парадного крыльца.

— Ладно!

Айви закрыла шкаф и вышла из дома, как будто ничего необычного не случилось.

Поворачивая за угол, она застыла на месте.

Напротив дома стоял у обочины «Бьюик» мистера Уорда. Мистер Уорд сидел, пригнувшись, за рулем и осторожно выглядывал в окошко со стороны пассажира, как будто высматривал что-то.

Сердце Айви глухо стукнуло. Он не может знать об ее открытии! Или может? Айви постаралась принять самый невинный вид и помахала рукой.

Но мистер Уорд, не ответив, завел мотор и умчался.

На следующий день Айви приготовилась бороться с первым препятствием на пути к счастливому будущему ее семьи.

Она сказала маме:

— Я хочу еще раз сходить к Ямамото.

Она все утро придумывала, что и когда сказать, чтобы мама разрешила. Они уже пообедали, и мама надевала жакет, чтобы идти мастерить повязки с дамами из Красного Креста.

— Мы же только вчера там были!

— Ну да, но я хочу к приезду Кенни посадить ирисы, сгрести сухие листья с клумб и привести в порядок огород. Я умею, я же тебе раньше помогала. Папа сказал, если Кенни Ямамото понравится, как мы ухаживаем за фермой, он подпишет договор. А ты говорила, ему будет грустно увидеть свой дом таким заброшенным. И еще я подумала — когда апельсины и овощи созреют, я могла бы их продавать в ларьке миссис Ямамото, а на вырученные деньги покупать военные марки. Может, и Сьюзен захочет мне помогать. Фернандо говорит — чем скорее мы остановим фашистов, тем скорее война кончится. Я могла бы сказать Кенни Ямамото, что хочу обменять марки на военные облигации и отдать их его папе, когда война кончится.

Мама посмотрела на Айви изумленно и с уважением.

— Ты замечательно придумала и так разумно! Айви, с тех пор как мы сюда переехали, я все больше тобой горжусь. Ты так повзрослела, стала такой ответственной и твердо стоишь на земле. Если папа тебе понадобится, он сегодня работает в роще к северу от дома. Запасной ключ от сарая в ящике комода у задней двери. Не задерживайся допоздна и захвати куртку!

Айви радостно сунула в карман рабочих брюк запасной ключ от сарая и побежала к Ямамото.

Она взяла в сарае совок, маленькие грабли и несколько пакетиков семян. Прополола клумбы перед домом, выкопала ямки, опустила в них корневища ириса и снова засыпала землей, так что только самые кончики торчали наружу. Бережно разровняла землю, чтобы ирису удобно было дремать.

Работая, она то и дело поглядывала на дом и все думала о кладовке, стараясь справиться с любопытством.

Потом она пошла в огород, вытащила из земли проволочные рамки и сложила их в сторонке. Повыдергала засохшие растения томата и разрыхлила тяпкой две длинные грядки. На одной она посадила семена моркови, на другой — редиски. Остальным овощам придется подождать, пока потеплеет.

Вернувшись в сарай, Айви расставила под окошком глиняные горшочки, посадила в них семена зеленого горошка и полила водой из маленькой леечки.

Возвращаясь к дому, она посмотрела в сторону дороги и снова увидела того же парня на велосипеде, что проезжал мимо, когда она ждала автобус после школы. Он низко пригнулся над рулем и быстро крутил педали. Айви помахала, но он не помахал в ответ. Куда он едет? И почему всегда так торопится?

Хорошо, что Айви не надо никуда торопиться. Она медленно подмела крыльцо и присела на ступеньку, довольная своей работой. Было что-то успокаивающее в том, чтобы сидеть на пороге спящего дома, нюхать запах свежевскопанной земли и смотреть на клумбы, где ирисы только и ждут, когда пора будет проклюнуться.

Айви достала из кармана губную гармошку и заиграла «Ангелы, к нам весть дошла» [\[32\]](#). Она играла с закрытыми глазами, а когда начала припев, представила себе целое поле ангелов, дремлющих в каком-то далеком и древнем краю, — лиловых ангелов с желтыми язычками, они поднимаются из-под земли и поют: «Слава в вышних Богу!»

Песня принесла мир в ее душу, и Айви показалось, что, может быть, все еще будет хорошо.

В субботу Айви не терпелось встретиться со Сьюзен и рассказать ей обо всем — почти обо всем. Она пришла на место встречи гораздо раньше назначенного времени.

Айви забралась в телегу и стала играть на губной гармошке «Старую дружбу» — песню, с которой их прежний класс должен был выступить в передаче «Семейный час». Вчера вечером она слышала по радио, как эту песню исполнял оркестр Гая Ломбардо [33] и хор. Она не помнила все слова, только что там все время повторялся вопрос: «Как можно, дружбу позабыть из старых добрых дней?»

Со дня переезда прошло больше трех недель. Айви написала Арасели четыре письма, но ни одного не получила в ответ. Мама сказала, почта в праздники работает медленно. Папа сказал, что семья Арасели могла тоже уехать из Ла-Колонии. Но если они уехали, почему она не прислала новый адрес? Неужели Арасели ее забыла?

Айви обрадовалась, когда от этих мыслей ее отвлекла Сьюзен. Та бежала через рощу, держа в руках какие-то бумаги, и громко звала Айви по имени.

— С Новым годом!

— И тебя!

Они обнялись и стали рассказывать друг другу, что им подарили на Рождество и чем они занимались на каникулах.

Айви рассказала, как привела в порядок двор Ямамото, и о своих планах насчет огорода.

— В следующие выходные приедет Кенни Ямамото. Если ему понравится, как папа заботится о доме и ферме, они оба подпишут договор, и тогда мы сможем остаться здесь насовсем.

— Подожди... То есть, если Кенни Ямамото не понравится, как твой папа ведет дела, вам придется уехать?!

Айви кивнула.

— Поэтому я и стараюсь привести там все в порядок, чтобы было красиво. А еще я буду продавать овощи и апельсины в ларьке миссис Ямамото, а на полученные деньги куплю военные облигации! Хочешь со мной? Будем помогать Америке!

— Очень хочу! И я не хочу, чтобы ты уехала! Только не знаю, разрешат мне или нет... Ну, ты понимаешь, потому что это на участке Ямамото.

— Не волнуйся, — сказала Айви. — Можешь сказать своим родителям, что мы с мамой весь дом внутри осмотрели и не нашли никаких секретных документов и ничего такого, что могло бы помочь Японии в войне.

Это вроде и не было вранье, но тайна кладовки все-таки мучила Айви. Сьюзен задумчиво покусала губы.

— Если это ради наших солдат... Может, они и позволят. Наша собственная торговая точка! Но сначала... — Она протянула Айви листки. — Это упражнения по математике. Мне обязательно нужно подтянуться, иначе мама никаких дополнительных занятий не разрешит, даже оркестра!

К этому времени солнце начало пригревать. Айви сняла куртку Фернандо, расстелила на дне телеги и села на нее. Они вместе склонились над заданиями по математике, и Айви позволила Сьюзен надеть ее фиолетовую шапку.

Когда они закончили с упражнениями, Айви сыграла на губной гармошке «Старую дружбу».

— Знать бы, о чем эта песня, — сказала она.

— Папа говорит — о старых друзьях и добрых воспоминаниях. И что, если вы с друзьями надолго расстанетесь или даже никогда не увидите больше, все равно можно их вспоминать с теплым чувством.

Айви наклонила голову к плечу. Мистер Уорд такое сказал? А сам не хочет, чтобы в его семье вспоминали Ямамото с теплым чувством. Неужели война убила в его душе все добрые воспоминания?

Вдали зазвенел колокол.

Сьюзен собрала свои вещи, вернула шапку и крепко обняла Айви.

— Вечером расскажу родителям про ларек с овощами и апельсинами. И что вы осмотрели дом и Ямамото не шпионы. Буду держать пальцы скрещенными на удачу. Хоть бы мне разрешили!

Айви помахала ей рукой.

Прежде чем исчезнуть за деревьями, Сьюзен обернулась и подняла вверх руку со скрещенными пальцами.

Айви сделала то же самое.

— Как ты думаешь, он подпишет? — спросила Айви, шагая за папой между рядами апельсиновых деревьев.

Он размечал деревья, обвязывая вокруг стволов полоски ткани разного цвета: желтого — если нужно обрезать ветви, зеленого — если нужно обработать зараженное дерево, красного — если дерево нужно спилить.

— Через воскресенье узнаем, — ответил папа. — У него увольнительная всего на три дня. Сперва он поедет в Аризону, в лагерь для интернированных лиц, повидаться с отцом. Оттуда на автобусе сюда. Приедет утром, пробудет здесь несколько часов, а ближе к вечеру я его подвезу до автобуса.

Папа и Айви сели в грузовик и поехали к другим рощам, ближе к границе участка. Папа осматривал насосы и каналы для полива, и трубы, идущие к полям. Иногда он срывал с дерева апельсин, очищал от кожуры, откусывал кусочек на пробу, а остаток отдавал Айви. При этом он записывал, насколько апельсины сладкие и сочные.

— Через пару-тройку месяцев можно будет собирать урожай.

— Тогда я смогу их продавать! — обрадовалась Айви.

Она надеялась, что Съюзен родители тоже разрешат помогать.

Айви окинула взглядом бесконечные ряды апельсиновых деревьев.

— А кто поможет их собирать?

— Вот это проблема. Я как раз собирался поговорить об этом с Кеннетом. Один знакомый фермер в Сан-Бернардино мог бы одолжить мне рабочих. Людей не хватает: многие мужчины ушли на войну, женщины работают на заводах, урожай собирать некому. Соединенные Штаты заывают работников из Мексики, потому что в США не осталось рабочих рук.

— А вот если бы мистера Ямамото и его японских работников не отправили в лагерь...

— Да, Айви. Ты мыслишь так же, как я. Тогда нам не пришлось бы кланчить работников у Мексики.

Они снова забрались в кабину, и грузовик, урча мотором, покотился через рощу к дороге.

— Пап, завезешь меня к Ямамото? Хочу полить огород. Я тебе покажу редиску! Она уже подросла.

Папа развернул грузовик у ларька и поехал к дому. Вдруг он подался

вперед, глядя в пыльное ветровое стекло.

— Что там? — спросила Айви.

— Что-то не пойму. — Папа выключил мотор, помог Айви вылезти и взял за руку. — Лучше держись поближе ко мне.

Они сделали несколько шагов, и тут Айви ахнула.

Клумба перед домом была разорена. Кто-то повыдергал из земли ирисы и швырял ими в стену, оставляя пятна грязи. На крыльце тоже валялись комья земли и корневища ирисов. Айви моргнула, не до конца веря, что все это ей не мерещится.

Выдернув руку, она побежала к дому. Ее военный огород кто-то без всякой жалости перекопал лопатой. Побегов редиски, порубленные на куски, были разбросаны по всему двору. Грядки сровняли с землей.

У Айви перехватило горло.

— Папа... Вся моя работа...

Папа положил ей руку на плечо:

— Сочувствую, Айви Мария.

Она бросилась к сараю. Окно разбили, горшочков с саженцами на подоконнике больше не было. Папа отпер дверь. Глиняные горшочки валялись на полу вперемешку с осколками стекла.

Айви словно ударили под дых. Столько работы, и все напрасно.

Папа повел ее к грузовику, и тут Айви увидела новую надпись на задней двери дома:

ШПИОНЫ! ЯПОШКИ! НЕ ВЗДУМАЙТЕ
ВОЗВРАЩАТЬСЯ!

Кто мог такое сделать? Мистер Уорд?

— Не ходи сюда больше одна, — сказал папа. — Мало ли что, Айви Мария.

— Но я... Я должна тут прибраться! Для Кенни!

Если он увидит этот раззор, он точно не подпишет договор с папой.

— Нет, Айви. Не сегодня. Подождем и сделаем все перед самым его приездом. Чтобы никто не успел снова все испортить.

— А саженцы? Редиска?

— Я все понимаю, — сказал папа. — Я ему объясню.

В душе Айви всколыхнулось что-то огромное и гневное.

— Папа, что такое с людьми? Зачем кто-то это сделал? И почему никто не помешал?

— У них душа болит. Прежние друзья идут против друзей. Соседи —

против соседей. Во время войны людям кажется, что обязательно нужно кого-то винить. Кто не с нами, тот против нас. Души усыхают, становятся маленькими.

— А мама говорит, наша душа больше, чем мы думаем! — Злые слезы потекли у Айви по щекам.

Папа обхватил ее рукой за плечи.

— Айви Мария, как это ты вдруг так поумнела? Где моя девочка, вечно витающая в облаках? Что-то я по ней соскучился! Может, сыграешь мне на губной гармошке? Например, ту песню, которую ты должна была играть по радио? Твое соло.

Он вытащил из кармана горсть мелочи, нашел монетку в один цент и протянул ей.

Айви взяла цент и обняла папу. Всю дорогу до дома Айви с запинками, все еще задыхаясь от возмущения, играла «Прекрасную Америку».

На следующий вечер кто-то энергично постучал в дверь. Айви открыла и с удивлением увидела мистера Уорда.

Он кашлянул:

— Можно поговорить с мистером Лопесом?

Папа подошел и остановился за спиной Айви.

— Чем могу помочь?

— Выйдем на пару минут?

Папа взял пиджак и закрыл за собой дверь.

Айви подсматривала в окно, жалея, что ничего не слышит. Папа прислонился к грузовику скрестив руки на груди, а мистер Уорд что-то ему говорил, стоя в своей обычной позе — заложив руки за спину и растопырив локти.

Потом он сел в машину и уехал, а папа, хмурясь, вернулся в дом.

— Что там, Виктор? — спросила мама.

— Он видел, что вандалы устроили во дворе Ямамото, и предлагает свое решение. Он хочет встретиться с Кеннетом Ямамото и купить ферму. Говорит, когда он в первый раз это предложил, они обиделись, потому что цена была слишком маленькая. Сейчас он это понимает. Я ему передал, что сказано в письме: мистер Ямамото ни в коем случае не хочет продавать ферму, но...

— Но что? — спросила Айви.

— Мистер Уорд сказал — у каждого есть цена. И он прав. Он говорит, если Ямамото согласятся продать, то он подумает и, возможно, наймет меня управляющим. Но не дал никаких гарантий. Я сказал, что организую ему встречу с Кеннетом, потому что эти вопросы решать не мне, а мистеру Ямамото. Мистер Уорд желает внимательно осмотреть все постройки изнутри и снаружи: дом, сарай, гараж. До того, как приедет Кеннет.

Айви почувствовала, как кровь бросилась в лицо. Что, если он заметит дверь в шкафу?

— Зачем это ему? — спросила Айви, стараясь говорить небрежно.

— Говорит, чтобы подготовить достойное предложение. Он приведет с собой своего поверенного — посоветоваться. Но я чувю, тут что-то еще.

— Пап, я, кажется, знаю. Сьюзен говорила, ее папа считает, что Ямамото — японские шпионы.

— Что? — изумилась мама. — Шпионы? Айви, что за чушь?

— Мама, я не придумываю. Сьюзен говорила, ее папа считает, что в доме спрятаны карты и секретные документы, которые помогли японцам разбомбить Перл-Харбор, и если получится это доказать, их посадят в тюрьму. А ферму заберет банк и продаст любому желающему.

Мама посмотрела на папу.

— Виктор?

Папа потер подбородок:

— Все сходится. Если мистер Ямамото не захочет продавать ферму, а мистер Уорд исхитрится что-нибудь этакое доказать, это будет для него другой способ все-таки заполучить участок. Он меня спрашивал, заходил ли я в дом и что там есть. Я ответил, что вы с Айви заглянули во все шкафы и ничего не нашли, кроме личных вещей.

— Правильно, — сказала мама. — Да, Айви?

Айви кивнула, внутренне поежившись.

— Он сказал, что все равно был бы весьма обязан, если ему позволят все осмотреть самому. Дескать, он не хочет покупать ферму, если подтвердится, что там происходила какая-то антиамериканская деятельность. Это, мол, создаст ферме дурную репутацию и ее будет сложно снова продать, если что. Я думаю, все так и есть, как сказала Сьюзен: мистер Уорд хочет найти улики против Ямамото, чтобы заполучить то, что ему нужно. А поверенного приведет в качестве свидетеля.

— Виктор, ты шутишь! Гильермо много лет работал у мистера Ямамото. Уж наверное он бы что-нибудь заметил...

— Лус, я не шучу. Мистер Уорд... Я по глазам вижу: он верит, что, если выживет с фермы Ямамото, тем самым защитит свою семью и всю округу. Для него это дело личное.

— Он считает, Кенни виноват, что его сын погиб, — сказала Айви.

Мама наморщила лоб.

— Что? Как он может быть виноват? Миссис Уорд говорила, их сын погиб в Перл-Харборе.

— Мистер Уорд не хотел, чтобы Дональд пошел в морскую пехоту, а Кенни его уговорил, потому что они были лучшими друзьями, — объяснила Айви.

— Ох, какая же у него каша в голове! Вот бедняга... — вздохнула мама. — Виктор, и ты егопустишь в дом?

— А что я могу сказать? Если не впущу, а мистер Уорд все-таки уговорит Ямамото продать ферму, он мне это припомнит. Понимаешь? Он не наймет меня управляющим, и нам снова придется пережить на новое

место.

— Я не хочу уезжать! — сказала Айви.

— Мы все не хотим, — сказала мама.

Папа прокашлялся:

— Лус, он хочет, чтобы вы с Айви тоже пошли, поскольку вы уже осматривали дом.

— Когда? — спросила мама.

— В пятницу, в четыре часа.

Мама глубоко вздохнула.

— Давайте смотреть на дело с практической точки зрения. Если они посмотрят — вреда не будет. Они убедятся, что искать нечего, и все.

Айви пошла к себе в комнату и легла на кровать. На душе было тревожно. Когда станут осматривать дом, потайную дверь в шкафу обязательно найдут. Вдруг там и правда спрятано что-то антиамериканское? Что тогда?

Как бы это узнать заранее?

Одна мысль снова и снова всплывала в голове. Айви хотела ее отогнать как вредную и опасную, но тут вспомнила, как спрашивала Фернандо: «Кто будет все чинить, пока ты где-то там далеко?»

А он ответил: «Придется тебе».

Она потеряла лоб. Ей было ясно, как она может это сделать. Сегодня понедельник, у нее есть время до вечера пятницы. Главный вопрос: когда?

Следующая мысль совсем ее ошеломила. Что делать, если она все-таки найдет что-нибудь подозрительное?

В среду, когда Айви вернулась после уроков, в доме никого не было. Она поняла, что это ее шанс.

Мама оставила записку: она будет работать у Уордов до пяти, а папа уехал на собрание родителей из вспомогательной школы и вернется только к ужину.

Айви бросилась к шкафчику у кухонной двери, надеясь, что папа оставил кольцо с ключами. К ее радости, так и оказалось. Она сунула ключи в карман куртки Фернандо и выбежала из дома. Пока неслась через рощу, тяжелое кольцо с ключами на каждом шаге било ее по ноге.

Добежав до дома Ямамото, Айви огляделась. Вокруг никого не было, и она быстро шмыгнула внутрь, еще не успев толком отдышаться.

Было странно находиться в доме совсем одной, в полной тишине. Она сразу пошла в третью спальню и прихватила шторы бельевыми прищепками, чтобы впустить в комнату побольше света. С колотящимся сердцем открыла шкаф. Одну за другой вытащила из него коробки. Когда остались только две, она встала на них, чтобы дотянуться до верхнего замка.

Трясущимися руками Айви стала пробовать ключи один за другим. Наконец замок щелкнул, и она его отцепила.

Вытащила из шкафа оставшиеся две коробки, освободив проход к потайной двери. Нижний замок открылся с первой попытки.

Часто дыша, Айви приоткрыла дверь в глубине шкафа.

За дверью пахло затхлостью и громоздились какие-то тени. Айви шагнула внутрь и заморгала, привыкая к полумраку.

Постепенно очертания стали четче. Айви шагнула вперед, не сразу поняв, что она видит.

Дальняя — наружная — стена была закрыта ширмой в японском стиле, расписанной изящными ветвями цветущей вишни. Айви заглянула за нее и увидела перед собой стену с раздвижными дверями посередине. Потрясенная, она разглядела, что на той стороне: деревянная решетка, увитая плющом. Вот почему мистер Ямамото просил папу не подстригать плющ! Ведь тогда стало бы видно дверь.

Айви потрогала пальцем стопку бумаг на столе. Это и есть документы, которые помогли разбомбить Перл-Харбор? Она взглянула на книги, выстроившиеся в ряд. Это улики, из-за которых Ямамото посадят в

тюрьму?

Как им вообще это удалось? Как они сумели перетащить сюда столько вещей? Ясное дело, в этом участвовала не только семья Ямамото, а гораздо больше людей. Может, они устраивали тайные собрания? Приносили вещи по ночам, под покровом темноты? Похоже на то. Все эти люди сговорились между собой.

Слезы жгли глаза. Все это так грустно и так несправедливо.

Мистер Уорд был прав. Ямамото что-то скрывают. Что-то очень большое.

Айви оставила все как есть, снова заперла дверь в шкафу и вернула одежду и коробки на место.

Фернандо говорил, что все американцы должны вносить свой вклад ради победы — большой или маленький.

— Я внесу свой вклад, — прошептала Айви.

В пятницу она покажет правду папе с мамой и мистеру Уорду с его поверенным.

Это ее гражданский долг.

В пятницу мистер Уорд стоял на крыльце дома Ямамото с таким видом, словно готовился к бою.

Плечи расправлены, руки скрещены на груди, в одной руке — большой электрический фонарик. Рядом стоит поверенный с портфелем.

Когда мама, папа и Айви поднялись по ступенькам, мистер Уорд протянул им свободную руку.

— Мистер Лопес, это мой поверенный, мистер Паулинг.

Папа пожал обоим руки:

— Это моя жена Лус и моя дочь Айви.

Мистер Паулинг склонил голову:

— Мистер Лопес, мы ценим вашу готовность к сотрудничеству. Хочу отметить, что по закону вы не обязаны впускать нас в дом, поскольку не являетесь его владельцем. Соглашаясь на это, вы делаете любезность мистеру Уорду, верно?

— Да. — Папа указал на заколоченную досками входную дверь. — Нам нужно будет войти с другой стороны.

Мистер Уорд отрывисто кивнул:

— Ведите!

Через несколько минут все они стояли в кухне семьи Ямамото.

Мама прошла вперед и закрепила прищепками шторы. Мистер Уорд стал осматривать кухню как будущий покупатель — открывал ящики, светил фонариком в шкаф и под раковиной, простукивал стены.

Мистер Паулинг тенью следовал за ним.

— Как видите, — сказал папа, — все в отличном состоянии.

Мистер Уорд, не отвечая, направился в гостиную. Осмотрел мебель, заглядывая под чехлы. Взял метлу и постучал в потолок. Потопал по дощатому полу. Зайдя в первую спальню, открыл чулан.

— Вы проверили вещи?

— В коробки не заглядывали. Мы с Айви только смотрели, нет ли грызунов и протечек, — сказала мама. — И плотно ли закрыты окна.

— Миссис Лопес, я должен вас спросить, для протокола, — сказал мистер Паулинг. — Вы ничего не выносили из дома?

Мама покачала головой:

— Я бы ни в коем случае такого не сделала!

Мистер Паулинг посмотрел на Айви:

— Нет, сэр. Я ничего не брала.

— Но ты здесь немало времени проводила, когда работала в саду, — заметил мистер Уорд.

Айви кивнула.

— Хотелось, чтобы здесь было красиво, когда Кенни Ямамото приедет. Мистер Уорд опустил на одно колено, заглядывая Айви в лицо.

— Ты ведь знаешь, что наша страна находится в состоянии войны с Японией и японцами?

— Все это знают, — сказала Айви. — После Перл-Харбора.

— Конечно, она знает! — возмутился папа. — Наш сын, ее брат, сражается в рядах американской армии!

Мистер Уорд выпрямился:

— Мистер Лопес, а вы понимаете, что японцы, которые здесь жили раньше, изолированы, поскольку представляют угрозу нашей безопасности?

— Угрозу? — повторил папа.

— К ним в дом постоянно приходили какие-то люди, — сказал мистер Уорд. — Особенно после бомбардировки Перл-Харбора. И не просто японские фермеры. Японцы с портфелями в руках! Иногда здесь свет горел до поздней ночи. Подъезжали грузовики во всякое время суток.

— Но это еще не значит... — начал папа.

— Откуда нам знать, что они не привозили боеприпасы? В военное время нельзя терять бдительность! — сказал мистер Уорд. — Есть японцы-сочувствующие, они еще до Перл-Харбора следили за нашими небесами и пересылали в Японию описания наших самолетов.

Папа покачал головой.

— Не думаю, чтобы семья Ямамото...

Мистер Уорд побагровел:

— У меня большой опыт работы по части безопасности! Если вы не позволите мне провести более тщательный обыск, я сообщу о своих подозрениях в полицию! Вы этого хотите?

Разговор на повышенных тонах напугал Айви. Она прижалась к маме.

Поверенный тронул мистера Уорда за локоть.

— Давайте успокоимся! Прежде чем обращаться в полицию, необходимо найти доказательства.

Папа уставился на них во все глаза:

— Ничего не понимаю! Я думал, вы хотите осмотреть дом, потому что собираетесь его купить!

Мистер Уорд фыркнул:

— У меня две задачи. Сообщить властям обо всем, что угрожает безопасности нашего общества, и приобрести дом, чтобы эта угроза больше не вернулась.

— Мистер Лопес, позвольте уж ему, и закончим с этим, — сказал мистер Паулинг.

Папа указал на чулан.

Мистер Уорд стал вытаскивать коробки на середину комнаты, каждую открывал и осматривал содержимое, бормоча себе под нос:

— Ничего, только посуда, постельное белье и кухонные полотенца.

Мистер Уорд снова фыркнул и отправился во вторую спальню. Там он нашел только коробки с детской одеждой.

Тогда он снова опустился на одно колено перед Айви.

— Айви, скажи, когда вы с мамой были здесь, ты видела что-нибудь необычное? В сарае, в гараже или в доме?

Айви посмотрела на мистера Уорда, на мистера Паулинга, на маму с папой. Сердце у нее сжалось. Она глубоко вздохнула, стараясь казаться спокойной.

— Айви, ответь, пожалуйста, мистеру Уорду, — сказал папа.

— Что-нибудь необычное — например, потайную дверь?

— Я так и знал! — воскликнул мистер Уорд.

Папа шагнул вперед.

— Айви! О чем ты? Сейчас не время для твоих выдумок!

Айви покачала головой:

— Я не выдумываю! Когда мы осматривали дом, в той, другой комнате упала коробка и фотографии рассыпались. Помнишь, мама? Я осталась их собирать, а когда ставила коробку на место, я увидела в шкафу дверь с замками. Могу показать.

Мама побледнела:

— Почему ты мне не сказала?

— Прости, мама. Я подумала, там просто еще одна кладовка.

Ужасно обманывать маму хотя бы на несколько минут, но скоро все закончится.

— Нужно вызвать полицию! — сказал мистер Уорд.

Мистер Паулинг жестом остановил его.

— Давайте сначала убедимся, что там не еще одна кладовка.

— Айви, показывай, — сказал папа.

Она повела всех в третью спальню.

Мама подколола шторы, впуская в комнату свет.

Айви открыла стенной шкаф, сдвинула в сторону вешалки с одеждой и

показала потайную дверь.

Мистер Уорд и мистер Паулинг вытащили из шкафа коробки и одежду.

Когда путь был расчищен, папа стал пробовать ключи один за другим. В конце концов оба замка открылись. Папа распахнул дверь.

Мистер Уорд и мистер Паулинг, освещая себе дорогу фонариком, вошли в загадочную комнату. Папа с мамой и Айви шли за ними.

Вещи, находившиеся в комнате, заблестели в луче фонарика.

— Ох! — воскликнула мама.

— Как же это? — сказал папа.

Айви с удовольствием видела, что мистер Паулинг с трудом сдерживает улыбку. Взгляд мистера Уорда метался, осматривая все углы.

Айви прошлась по комнате, открывая футляры один за другим.

В небольшом пространстве разместились не одно, а целых три фортепьяно — два пианино и концертный рояль. Повсюду лежали музыкальные инструменты: четыре виолончели, контрабасы, флейты, кларнеты. Айви открыла не меньше дюжины футляров со скрипками — они лежали вместе со смычками в своих выстеленных бархатом гнездах.

Папа осмотрел стены и скоро обнаружил дверь за ширмой.

— Раздвижная дверь! Снаружи ее не видно из-за плюща. Теперь все ясно, правда? — сказал папа. — Взять с собой разрешалось очень мало, а мистер Ямамото один из немногих сумел сохранить свой дом. Он собрал у себя на хранение самое ценное, что было у его друзей. Люди, которые приходили сюда с портфелями... — Папа пожал плечами. — Все они были музыкантами. — Он посмотрел на Айви и улыбнулся. — Как и моя дочь.

— Думаю, мы видели достаточно. — Мистер Паулинг направился к двери.

— Нет, постойте! — Мистер Уорд подбоченился. — А что насчет сиденья возле рояля? А нотные тетради? Там могут быть зашифрованные послания!

Мистер Паулинг, подняв брови, покачал головой.

Папа поднял крышки всех сидений по очереди и терпеливо стоял рядом, пока мистер Уорд листал сочинения Шопена, Бетховена и Брамса.

В ящике под третьим сиденьем нашелся единственный предмет: плоская лакированная шкатулка с инкрустацией из разных пород дерева. Папа поставил шкатулку на стол.

Мистер Уорд живо подошел ближе.

Папа поднял крышку.

Сверху в шкатулке лежало письмо. Папа его развернул.

— Пап, что там? — спросила Айви.

Папа показал всем бумагу, обвел пальцем оттиск вверху листа.

— Здесь официальная печать президента Соединенных Штатов. Эта бумага — почетная грамота за отвагу. А в шкатулке — медали мистера Ямамото за его службу Соединенным Штатам Америки во время Первой мировой войны.

Мистер Паулинг, кашлянув, обратился к мистеру Уорду:

— Я не вижу никаких правительственных документов, равно как и чертежей Калифорнийского побережья или фотографий кораблей и самолетов. Вы удовлетворены?

Мистер Уорд растерянно оглядывался по сторонам. Он сделал глубокий вдох и выпрямился:

— Всегда лучше перестраховаться... Каждый мужчина, женщина и ребенок должны сохранять бдительность... — Голос его сорвался, на глазах заблестели слезы. — Так много наших мальчиков погибло... Так много... Мой мальчик...

Он затрясся от рыданий.

Айви подошла к нему. Мистер Уорд больше не казался злым и нелюдимым. Просто отец, потерявший на войне сына.

Айви взяла его за руку.

Мама со слезами на глазах тихонько подошла и взяла его под руку с другой стороны.

Они вместе вывели его из дома.

Папа снова покрасил дверь дома Ямамото.

Мама сложила вещи в коробки, которые мистер Уорд распотрошил накануне, а Айви струей воды из шланга смыла грязь с крыльца и передней стены дома.

Они заново посадили ирисы, разровняли граблями землю в огороде и спасли какие могли саженцы из глиняных горшочков в сарае.

Напоследок Айви повесила на заколоченном досками окне флажок с красной каймой и синей звездой на белом поле.

На следующее утро в кухне витали ароматы ростбифа, жарящегося в духовке, и булькающего на плите супа.

Собираясь встречать автобус, папа остановился посреди кухни и подбоченился.

— Лус, ты столько наготовила, вся армия Соединенных Штатов это не съест!

Мама только отмахнулась:

— Если бы Фернандо приехал домой без нас, я хотела бы, чтобы мама другого солдата его как следует накормила.

— Но Кеннет Ямамото всего один раз с нами поест! — Папа покачал головой.

Мама сурово посмотрела на него.

— Я ему с собой дам еды... В дорогу. Не зря же я потратила столько продуктовых карточек!

Папа подмигнул Айви и показал на торт:

— Нам же лучше, правда?

Айви, улыбаясь, кивнула.

Кенни вошел в кухню, одетый в форму цвета хаки, и положил офицерскую фуражку на столик у двери.

На обритой голове уши казались слишком большими. Он говорил тихо и вежливо, папу называл «сэр», а маму — «мэм». Айви не ожидала, что он такой серьезный, как будто намного старше Фернандо, хотя на самом деле между ними было всего два года разницы.

Сначала Айви робела, но скоро придвинула свой стул к нему поближе, жадно слушая его рассказы. Он говорил о том, как служил на Гавайях и что

сейчас его переводят на другой корабль.

— Брат пишет, что скоро его отправят на толстобрюхом самолете, только мы не знаем, куда, — сказала Айви.

— Ты умеешь хранить секреты?

Айви улыбнулась.

— Обожаю секреты! Иногда.

— Скорее всего его отправят в Европу, — сказал Кенни. — В Италию, Францию или Германию. Я буду примерно там же, только на корабле.

За столом засиделись долго. В основном говорили Кенни и папа. Сперва о недавних событиях на ферме, о том, как Айви отыскала музыкальную комнату и что было с мистером Уордом. Потом разговор пошел о войне — как она идет и долго ли продлится. Серьезный разговор. Но когда папа отошел налить себе еще кофе, а мама убирала со стола, Кенни вдруг дернул Айви за косичку, совсем как Фернандо. Только на Фернандо Айви всегда жаловалась, а тут не стала — наоборот, захихикала.

После обеда Кенни сказал:

— Теперь я хотел бы навестить наш дом. Айви, пойдешь со мной? Твой папа говорит, у тебя большие планы. Покажешь?

Папа посмотрел на часы:

— Через полчаса я подъеду за вами на грузовике. К сожалению, надо будет уже везти вас на автобусную остановку.

Мама улыбнулась:

— Я сделаю сэндвичи из того, что не доели.

Кенни встал и надел фуражку.

— До свидания, миссис Лопес! И спасибо вам за все. Надеюсь, я скоро смогу познакомиться с Фернандо.

Мама прослезилась и раскрыла объятия.

Кенни, кажется, удивился, но обнял ее в ответ.

Когда они шли через апельсиновую рощу, Кенни, глубоко вздохнув, сказал:

— Забавно, какие странные вещи вспоминаешь, когда уезжаешь далеко от дома. Я скучал по запаху апельсиновых деревьев, по маминой стряпне и вечным спорам сестер, чья очередь первой что-нибудь делать. Еще по гражданской одежде, вот как твоя куртка. Это твоего брата?

— Фернандо мне дал поносить, пока он не вернется... Чтобы я помнила, что он обо мне заботится даже издалека.

Кенни улыбнулся:

— Айви, я рад, что наши семьи решили пережить эту войну вместе. По-моему, мы не такие уж разные, скорее похожи. Твой папа сказал, что ты

записалась в оркестр. Знаешь, я тоже играл в оркестре! И мои сестры, они играют на флейте. Нас учил мистер Дэниэлс. Я играл...

— На скрипке! — сказала Айви. — Я знаю, видела фото у вас в доме.

— Тебе нравится мистер Дэниэлс?

— Он мой любимый учитель! — сказала Айви. — Мне очень нравится, как он говорит. Он сказал, что мы должны играть блистательно!

Кенни засмеялся:

— Очень в духе мистера Дэниэлса!

С ним было легко разговаривать. Айви опомниться не успела, как уже рассказала ему про первый день в оркестре и как мальчишки над ней смеялись, потому что она из вспомогательной школы, а мистер Дэниэлс все это прекратил. Рассказала, как сыграла «Когда Джонни вернется домой» и что она очень хочет играть на флейте и мечтает перевестись в основную школу.

— Чьи-то родители спрашивали, почему правительство округа в военное время тратит деньги на учителя музыки, а мистер Дэниэлс сказал, что каждому нужно в жизни хоть немного красоты и света, особенно в тяжелое время.

Кенни кивнул:

— Мистер Дэниэлс прав. А ты мне сыграешь на губной гармошке? — Он подмигнул. — Твой папа сказал, ты всегда носишь ее с собой и очень хорошо играешь.

Папа так сказал? Айви покраснела. Она вынула из кармана губную гармошку, но потом заколебалась.

Кенни стал ее поддразнивать, совсем как Фернандо.

— Всего одну песню! Ну пожалуйста! Не то мне снова придется дергать тебя за косичку!

И он угрожающе протянул руку. Айви засмеялась. Кенни больше не казался взрослым. Он был похож на чьего-нибудь старшего брата.

Айви сыграла «Старую дружбу», наслаждаясь чудесным звучанием своей губной гармошки. Казалось, что время в роще остановилось. Айви закрыла глаза и перенеслась по течению мелодии в прошлое.

Она увидела Кенни и Дональда с Томом в старой телеге — они строили форт из ящиков, играли в мяч и в прятки. Увидела, как миссис Ямамото учит Сьюзен музыке. Потом она вспомнила, как играла с Арасели в камешки и прыгала через две скакалки сто раз подряд без единой ошибки, и увидела подругу в фиолетовой шапке, посылающую ей воздушные поцелуи.

Айви закончила песню трелью, так что губная гармошка зазвучала

словно флейта-пикколо. А когда открыла глаза, Кенни одобрительно кивал, и по его глазам было видно, что ему тоже вспомнилось всякое.

— Айви, у тебя есть способности! Когда я снова приеду, ты уже выучишься играть на флейте. Упражняйся как следует, чтобы я мог когда-нибудь прийти на твой концерт. Я буду сидеть в зрительном зале, а ты будешь выступать на сцене.

Айви улыбнулась. От его слов стало тепло на душе и показалось, что все, о чем он говорит, может сбыться. Так бывало, когда с ней говорили мисс Дельгадо и мистер Дэниэлс. Айви надеялась, что когда-нибудь вправду будет выступать перед ним на сцене и что он будет ею гордиться. Хоть он и чужой брат, но сегодня он как будто ее, пусть всего на один день.

Они вышли из роци на задний двор Ямамото. Айви показала Кенни сарай, и саженцы, и военный огород и рассказала о своих планах продавать апельсины и овощи, чтобы купить военные облигации.

— Мне нравится! — сказал Кенни.

А когда увидел флажок с синей звездой на заколоченном окне, у него задрожали губы.

Папа ждал их у крыльца. Кенни подошел к нему, пожал руку и сказал:

— Спасибо вам за все! И от моего отца тоже.

Они прямо на капоте грузовика подписали бумаги, которые свяжут их семьи навсегда.

По дороге на автобусную остановку они проехали мимо основной школы имени Линкольна. Папа рассказал, как он старается добиться, чтобы Айви туда перевели.

— Сэр, надеюсь, адвокат вам поможет, — сказал Кенни.

— Он верит в успех. В тридцать первом году было похожее судебное разбирательство в окрестностях Сан-Диего: «Роберто Альварес против райотдела образования Лемон-Гроув». Тогда родители сообщца выиграли дело, но только в местном суде. Адвокат говорит, что сможет сослаться на этот случай. И чем больше родителей открыто рассказывают истории своих детей, тем лучше для всех других детей на будущее. Я хочу рассказать историю Айви.

Кенни Ямамото кивнул:

— Это хорошо, сэр. Всем приходится за кого-нибудь сражаться, на поле боя или у себя дома.

Папа остановил грузовик возле автовокзала и выключил мотор.

Кенни сказал:

— Мистер Лопес, сэр! Я тут думал, что бы такое послать родным, чтобы им было утешение в лагере. Что-нибудь небольшое, чтобы не

слишком трудно было потом привезти это домой, когда они вернутся. Вы не могли бы упаковать и отправить сестрам их флейты? Они в той музыкальной комнате, и на них надписаны имена.

— Конечно, — сказал папа.

Кенни посмотрел на Айви и подмигнул:

— Каждому нужно немного красоты и света, особенно в тяжелое время, правда?

Она улыбнулась:

— А вам?

Он покачал головой:

— Не могу же я тащить в бой скрипку!

Айви вынула из кармана губную гармонику. Повертела в руках. Провела пальцем по блестящей металлической крышке с таинственной буквой «В». Ей ужасно захотелось помочь Кенни. Торопясь, пока он не вылез из кабины, Айви схватила его за руку, положила на ладонь губную гармошку и сжала вокруг нее его пальцы.

Он посмотрел на гармошку, потом на Айви:

— Ты уверена?

Айви кивнула:

— Обещаю, когда-нибудь я тебе ее верну!

Кенни убрал губную гармошку в нагрудный карман форменной куртки, выпрыгнул из кабины и захлопнул за собой дверцу. Потом обошел грузовик, чтобы видеть Айви с папой через ветровое стекло, и козырнул.

Айви отсалютовала в ответ и прошептала:

— Я знаю.

— Я закончила, а ты? — крикнула Айви.

Сьюзен, работавшая над вывеской для торгового прилавка, подняла голову.

Они все утро пололи сорняки вокруг деревянного навеса, вымели всю паутину и нарисовали на фанерке по объявлению каждая, чтобы прислонить по бокам прилавка — пусть видят машины, проезжающие в обе стороны.

Прошло полтора месяца с того дня, когда папа подписал договор с Кенни Ямамото, и у всей семьи как будто гора свалилась с плеч. Мама с папой все еще верили, что война скоро кончится. Письма Фернандо приходили целыми пачками — то две недели ничего, а то четыре письма сразу. И в каждом письме вопросы и надежды насчет нового дома. Айви пришло письмо от Арасели. Ее семья собралась переезжать в другой штат. Айви написала ей ответ, но пока ничего больше не получала. Она догадывалась, что, возможно, они и не будут переписываться, но если вдруг им повезет встретиться вновь, они станут лучшими подругами, как прежде.

Занятия в оркестре начались всерьез. Сбылось предсказание мистера Дэниэлса: Айви всей душой полюбила флейту. Он называл Айви своей звездной ученицей. Говорил: единственная, кто хоть немного мог с ней сравниться талантом, — это Карен Ямамото. Айви не терпелось с ней встретиться.

Айви обошла вокруг прилавка, чтобы посмотреть вывеску Сьюзен.

— Замечательно!

Скоро!

Апельсины для военных облигаций!

Цена за пакет — 10 центов или одна военная марка

Боже, благослови Америку!

— Как думаешь, когда можно будет начать? — спросила Сьюзен.

— Папа говорит, апельсины поспеют к первому марта. Значит, на следующей неделе! Позже будем продавать и овощи тоже. Я так рада, что твой папа разрешил тебе участвовать!

— Он сказал — все, что приближает победу, приближает и возвращение наших мальчиков. Он даже обещал дать овощей с нашего

огорода. Кабачки для военных облигаций! — сказала Сьюзен.

— Зеленый горошек для военных облигаций, — хихикнула Айви.

— Спаржа для...

Тут мимо проехал тот самый парень на велосипеде — белые рукава рубашки засучены, синие штанины подвязаны веревочками, как обычно. Та же синяя фуражка с эмблемой и та же сумка через плечо.

Айви помахала ему, но он быстро крутил педали и даже не оглянулся.

— Он никогда не машет в ответ, — пожаловалась Айви.

Сьюзен не ответила, только страшно побледнела.

— Сьюзен, что случилось?

— Этот парень...

Казалось, Сьюзен сейчас упадет в обморок.

Айвен усадила ее на скамью и села рядом.

— Ты его знаешь?

— Айви, его все знают!

Глаза Сьюзен стали огромными, словно зеленые озера.

— Он поехал прямо или свернул на перекрестке?

— Вроде прямо. А какая разница? — спросила Айви.

— Помнишь, я тебе рассказывала, как мы узнали, что Дональд убит?

— Помню. Телеграмма пришла, да?

Сьюзен кивнула:

— Ее привез нам домой курьер почтовой службы Вестерн Юнион...

Тот парень на велосипеде.

У Сьюзен задрожали руки.

— В какую сторону он поехал? Свернул к моему дому?

— Нет, — ответила Айви. — К моему.

Ее пробрал озноб. Она схватила со скамьи куртку Фернандо. Голову наполнил какой-то странный шум. Разве поблизости есть пчелы? Потом она услышала музыку — «Боевой гимн Республики».

Он явился к нам во славе

Нас на подвиг призывая...

Айви встала. Она пошла по дорожке к дому, потом бросилась бегом. Промчалась через рощу, задевая стволы деревьев. Апельсины срывались с веток и глухо шмякались о землю. Ноги Айви стучали по дорожке, сердце тяжело колотилось в груди. Она слышала, как сзади ее зовет Сьюзен:

— Айви! Айви!

Шел, могучею стопою
Гроздья гнева рассыпая...

Айви бежала так быстро, что даже голова закружилась. А музыка все играла. На опушке рожи Айви остановилась, согнувшись и держась за бок, еле переводя дух.

С Ним пойдем мы, страх отринув,
Путь к свободе пролагая...

Сьюзен наконец догнала ее и обняла за талию.

Вместе они сделали еще несколько шагов, и вот из-за деревьев показался дом Айви.

У крыльца стоял прислоненный к стене велосипед, а тот парень уже подошел к двери.

С нами истина Его.

Часть 4

Апрель 1951
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк
США

ВОЛШЕБНЫЙ ВЕЧЕР^[34]

Музыка Ричарда Роджерса
Слова Оскара Хаммерстайна II

7 -7 -8 7 7 -5

Вдруг в вол-шеб-ный ве-чер

7 -7 -8 7 7 8

Не-ждан-на-я встре-ча,

7 -7 -8 7 7 -9

Не-ждан-на-я встре-ча,

— 9-9 -9 -8 -6 6

Мельк-нет ли-цо в тол-пе,

6 -6 7-6 6

И сра-зу пой-мешь

6 -6 7 6 -5

Без жес-тов и слов,

— 8 8-9 9-9 8

Ты бу-дешь стре-миться

— 8 7-6 6 -6

У-ви-деть-ся вновь.

В один прекрасный вечер, вышитый нитью судьбы, в сияющем огнями концертном зале Фридрих Шмидт провел отца и дядю Гюнтера на самые лучшие места.

Он обвел взглядом ярусы, ложи и балкон, украшенные позолотой и резьбой в виде лавровых венков. Фридрих слышал, что все билеты на концерт распроданы, и все-таки никак не мог представить, что зал скоро заполнится зрителями.

— Ничего, что вам придется подождать?

Отец восхищенно взмахнул рукой:

— Мы пока будем сидеть и любоваться всем этим великолепием!

— Мы же специально хотели прийти пораньше, — сказал дядя Гюнтер. — Чтобы все увидеть от начала до конца. Такая честь — сам дирижер нас усаживает на места! Долгую дорогу ты осилил, Фридрих.

— Мы вместе осилили, дядюшка! В конце концов, кто меня учил ездить на велосипеде и играть на губной гармошке?

Дядя Гюнтер засмеялся и подмигнул.

— Я учил! Как приятно, что ты помнишь:

— А кто был моим первым и самым лучшим учителем? — Он сжал отцовское плечо.

Отец улыбнулся:

— Спасибо, сын.

Дядя Гюнтер поправил воротник, оттянув пальцем узел шелкового галстука. Выходной костюм — совсем не то, что комбинезон для работы на фабрике.

— Ты знаешь, я редко ношу галстук, но твои концерты неизменно того стоят!

За прошедшие годы отец и дядя Гюнтер не раз приходили на концерты, которыми он дирижировал, но сегодняшний вечер был особенным. Фридрих присел на подлокотник отцовского кресла. Он не меньше отца и дяди изумлялся, вспоминая пройденный путь, который привел его из Троссингена в Берн и в конце концов сюда, в нью-йоркский Карнеги-холл — дирижировать симфоническим оркестром «Эмпайр Филармоник».

На открытии Карнеги-холла дирижировал Чайковский. Сам Чайковский! Фридрих поверить не мог, что ему предстоит выступить на той же сцене.

Словно угадав его мысли, отец сказал:

— Говорят, все музыканты, выступавшие в Карнеги-холле, оставили здесь частичку своей души.

Фридрих кивнул. Многие говорили, что в этом концертном зале ощущается особая энергетика. Справится ли он?

— Как ты думаешь, Чайковский тоже волновался перед выступлением?

Отец погрозил ему пальцем.

— Конечно! И я ему сказал бы то же, что тебе: «У тебя такое же право стоять на этой сцене, как у всякого другого дирижера. Иди вперед, шаг за шагом, и выше голову!»

Фридрих, улыбаясь, хлопнул отца по плечу.

— Я запомню!

На сцене в несколько рядов стояли полукругом стулья для музыкантов. Слева замер на страже рояль.

Отец сжал руку Фридриха:

— Трудно поверить, что мы здесь. Кажется, еще вчера мы были в Троссингене. Жаль только...

— Я понимаю, отец, — прошептал Фридрих. — Мне тоже ее очень не хватает.

Отец все еще надеялся когда-нибудь снова увидеть Элизабет. Он по-прежнему посылал ей письма, чтобы она не забыла его голос. И во время войны, когда она работала медсестрой и даже лечила вражеских солдат в лагере для военнопленных. И в последующие годы, когда она работала в детской больнице в Восточном Берлине.

Фридрих тоже ей писал, особенно когда появилась возможность переехать в Америку. Он уговаривал сестру начать новую жизнь в новой стране вместе с ним, отцом и дядей Гюнтером. Она отказалась. Объяснила, что нашла свое истинное призвание. И все-таки Фридрих тоже продолжал надеяться, что когда-нибудь, как и его храбрый воображаемый друг Гензель, приведет сестру домой к отцу. И тогда они снова все будут вместе.

Фридрих часто задумывался, что бы с ними стало, если бы Элизабет не прислала тогда рейхсмарки, чтобы выкупить отца. Правду сказал отец — словно и не прошло восемнадцати лет с того дня, когда он ехал на поезде в Дахау.

Локомотив уже разводил пары.

Фридрих услышал вальс из балета Чайковского «Спящая красавица» и начал дирижировать. Это разозлило обоих штурмовиков — Эйфеля и Фабера. Они попробовали вывести Фридриха из вагона, обзывая полоумным и грозясь посадить его под замок, и тут раздался пронзительный гудок паровоза.

Поезд дернулся и стал набирать ход. Эйфель и Фабер, оттолкнув Фридриха, бросились к дверям и успели выскочить на платформу, а поезд под перестук колес помчался дальше.

Дядя Гюнтер правильно говорил — под Рождество многие куда-нибудь ехали, поезда ходили переполненные. Пассажиры, нагруженные пакетами и свертками, были заняты своими праздничными хлопотами, им и дела не было до застенчивого мальчишки, который ехал в Дахау, сжимая в руках сумку, где лежало отцовское будущее.

Комендант выслушал просьбу Фридриха, внимательно осмотрел коробку с печеньем, принял подношение и велел привести отца.

Фридрих старался не показывать своего ужаса. За месяц с небольшим отец из энергичного, крепкого человека превратился в развалину. Он приволакивал ногу и, кажется, плохо понимал, что вокруг него происходит.

Фридрих вывел его из лагеря. Сперва они шли пешком, то и дело останавливаясь передохнуть. На первой же ферме Фридрих одолжил двухколесную тележку и дотащил отца в Мюнхен, к доктору — другу дяди Гюнтера.

Несколько недель прошло, пока отец поправился настолько, чтобы начать путешествие в Швейцарию. Отец не хотел говорить о том, что было с ним в лагере, утверждая, что с другими обходились намного хуже. Со слезами на глазах он твердил, что ему еще повезло. В конце концов Фридрих перестал спрашивать.

В Берне их встретил дядя Гюнтер. Они с Фридрихом нанялись на швейцарскую шоколадную фабрику. Отец давал уроки игры на виолончели. Со временем Фридрих поступил в Бернскую консерваторию.

Так оно и шло, одно за другим.

Удивительно, что в такой знаменательный вечер, в одном из знаменитейших концертных залов мира Фридрих мысленно все время возвращался в прошлое, к истокам. Каким-то чудом отец и дядя все еще были рядом с ним, здоровые и невредимые. И Фридрих думал не о предстоящем концерте, а о счастливых детских воспоминаниях — о пятничных музыкальных вечерах, когда Элизабет садилась за пианино, дядя Гюнтер брал свой аккордеон, отец — виолончель, а Фридрих —

губную гармонику и веселым звукам польки аккомпанировала кукушка из старинных часов в прихожей.

На сцену один за другим начали выходить музыканты.

Одетые в черное, они занимали места, поправляли пюпитры и перелистывали ноты. Духовые инструменты пробегали вверх и вниз по октаве, разогреваясь. Мурлыкали и мяукали скрипки.

Фридрих встал:

— Мне пора!

Улыбнувшись отцу и дяде Гюнтеру, он зашагал к боковой двери на сцену. Уже взявшись за ручку двери, он оглянулся. Отец и дядя Гюнтер казались совсем крошечными посреди целого поля красных бархатных кресел. Отец сидел очень прямо, изучая программку. Фридрих издали ощущал, как он горд.

Капельдинеры открыли двери в фойе, и зрительный зал начал заполняться людьми.

Фридрих заторопился в кулисы. Остановившись за сценой, он прислонился к стене, закрыл глаза и сосредоточился на концерте — «Музыка театра и кино». Фридрих улыбнулся: американцы обожают мюзиклы и кинофильмы, и, сказать по правде, Фридрих тоже их любил.

Он мысленно повторил программу вечера. Первая половина посвящалась Джорджу и Айре Гершвинам, начиная с подборки «Порги и Бесс. Симфонический портрет» — основные арии известной оперы в аранжировке Роберта Рассела Беннета. Фридриху очень понравилась аранжировка в классическом духе. Далее следовала «Рапсодия в стиле блюз», где соло на рояле исполнял специально приглашенный пианист. После перерыва — сюита из мюзикла «Юг Тихого океана» на музыку Роджерса и слова Хаммерстайна. Самая популярная на сегодня музыкальная постановка на Бродвее, билетов на нее не достать. Баритон Роберт Меррилл исполнит несколько песен из мюзикла и в завершение «Волшебный вечер». Говорят, в зрительном зале будут композитор и автор либретто, Ричард Роджерс и Оскар Хаммерстайн, друзья Роберта Меррилла.

Фридрих закрыл глаза. Его руки взметнулись, будто дирижируя увертюрой. На миг он застыл, огляделся по сторонам и начал сначала, невольно вспоминая, как его дразнили в школе за то, что он дирижировал воображаемым оркестром. А здесь все голоса стремились слиться в один. Все здесь говорили на одном языке, каждый шел к этому вечеру своей дорогой, у каждого за плечами была своя история, много работы и огромная любовь к музыке. Здесь Фридриху ничего не грозило.

Помощник режиссера подал ему знак: музыканты заняли свои места.

Концертмейстер взял на скрипке ноту «ля». Скрипки на сцене отозвались негромко. Виолончели и контрабасы загудели в унисон. По залу поплыли аккорды — музыканты настраивали инструменты. Подал голос гобой, другие деревянные духовые подхватили.

Фридрих нашел взглядом новую флейтистку. На репетициях она немного нервничала, поэтому Фридрих нашел время поговорить с ней отдельно. Она была совсем молоденькая, но необыкновенно талантливая. В ее игре была какая-то страстная целеустремленность. Фридрих не смог бы определить эту особенность словами, но он ее понимал. Эта жажда охватить музыку и в то же время подчиниться ей напоминала ему себя самого.

Постепенно звуки стихли, и наступила тишина.

В зрительном зале погасили свет. Раздались аплодисменты.

Помощник режиссера махнул рукой Фридриху.

Фридрих уже давно перестал волноваться по поводу родимого пятна и даже отказывался от сценического грима, который предлагали использовать некоторые режиссеры. И все же он на несколько секунд замер в кулисе, не решаясь и в то же время стремясь выйти на сцену. Каждое выступление перед публикой — путешествие в неведомое. Он прошептал слова, которые всегда повторял на удачу, прежде чем взойти на дирижерское возвышение. Эти же слова он шепнул своей гармонике, когда протер ее тряпочкой и отправил в широкий мир. «*Gute Reise*». Счастливого пути!

Он вышел на сцену, и его встретил шквал аплодисментов.

Фридрих взял дирижерскую палочку, вскинул руки и замер, готовясь легким движением запястья дать сигнал ударным.

Четыре долгие звенящие ноты словно ступеньки в иной, зачарованный мир. Фридрих погрузился в историю, которую рассказывал оркестр. Мытарства Порги, главного героя оперы, во многом были созвучны его душе: одинокий искалеченный человек; наглец, считающий, что может править миром; вечно подкарауливающее за плечом зло; бессилие перед потерей близкого человека и препятствие, которое кажется непреодолимым.

Фридрих подвел оркестр к нежнейшей «Колыбельной», предчувствуя взмывающую ввысь мелодию. В ушах звучали слова: «Тише, маленький... Не плачь»...

Музыка была больше Фридриха — огромная, немислимо прекрасная и правдивая. Она увлекла его за собой и покорила. Он слился с оркестром, они стали единым целым.

Об этом он мечтал в детстве, когда стоял на верхней перекладине стремянки на фабрике губных гармоник и дирижировал воображаемой симфонией — великолепное созвучие многих инструментов, история, оживающая в музыке.

По его знаку зазвучало мощное крещендо, а за ним — великолепный финал.

Музыка смолкла. Фридрих задержал дыхание.

Для него была драгоценна эта короткая, изысканная пауза между последней нотой и аплодисментами. Чистое пространство одного-единственного вопроса: сегодня публика слушала сердцем?

Такси остановилось на углу Пятьдесят седьмой улицы и Седьмой авеню города Нью-Йорка. Навстречу выбежал Майк Фланнери в смокинге — он в нетерпении расхаживал взад-вперед по вестибюлю концертного зала. Открылась задняя дверца, из машины выпрыгнул Фрэнки и бросился обнимать Майка.

— Ты посмотри! Карнеги-холл! Все, как мы мечтали! Тут правда балконы все в золоте и красные бархатные сиденья?

Майк со смехом хлопнул Фрэнки по спине:

— Как будто стоишь внутри позолоченного пасхального яйца! И сиденья точно такие, как рассказывала бабушка. — Он отодвинул от себя Фрэнки на расстояние вытянутой руки и окинул взглядом его костюм. — Ты и сам хорош! Первый год в юридической школе пошел тебе на пользу!

— Пока что первый на курсе! — Фрэнки выпятил грудь. — Знаешь что? После концерта пойдём есть ростбиф и мороженое! В память о старых временах. Или... В честь новых! Кое-кто заказал столик в Русской чайной^[35].

Фрэнки, улыбаясь, кивнул на такси.

Мистер Говард помогал тете Юни выбраться из авто. Она выглядела очень изысканно: в длинном черном платье с палантинном из чернобурки.

— Это я заказала столик, — объявила она, обнимая Майка.

— Спасибо, Тетечка! — Майк поцеловал ее в щеку.

Она утверждала, что это детское прозвище подходит ей намного лучше, чем официальное «тетя Юни».

— Мистер и миссис Поттер передают тебе привет, — сказала она.

— Как они? — спросил Майк.

— Счастливы, как устрицы, в своем Атлантик-Сити в окружении детей и внуков. Я, конечно, по ним скучаю, но им хорошо на пенсии.

Мистер Говард расплатился с таксистом и тоже крепко обнял Майка.

— Майк, мы тобой гордимся! Как прошли репетиции?

— По-моему, хорошо. Мне очень нравится дирижер, Фридрих Шмидт. Между прочим, он ищет юриста, который помог бы ему оформить документы на отца и дядю. Он об этом говорил в гримерке, а я случайно услышал и порекомендовал вашу фирму. Он хотел бы с вами встретиться. Могу вас провести за сцену после концерта.

— Буду рад! Я готов ему помогать *pro bono*.

— Это значит бесплатно, ради общественного блага, — встрял Фрэнки.

— Я знаю! — Марк скорчил гримасу. Потом посмотрел на мистера Говарда. — Он все время такой несносный?

— Только изредка. — Мистер Говард обнял за плечи Майка и Фрэнки, притянув их к себе. — Как хорошо, когда мы все снова вместе!

Майк провел их в здание и передал на попечение капельдинера.

— А мне нужно идти. — Он подмигнул Тетечке. — Мечтаю о ростбифе с мороженым!

— И с тортом! — улыбнулась она.

Он снова поцеловал ее в щеку.

— Тетечка, я никогда бы всего этого не добился, если бы не ты.

Она поправила ему лацканы.

— Мы помогли друг другу, верно? Хотя, по-моему, я получила больше. Двое таких славных мальчишек!

Майк сморгнул слезы. Бабушка правильно предчувствовала: для них нашелся хороший человек.

Фрэнки протянул руку, сжатую в кулак:

— Мы с тобой заодно!

Майк тоже сжал руку в кулак и стукнул кулак брата:

— Верно, мелюзга, мы с тобой заодно...

Майк у себя в гримерной ждал, когда его вызовут на сцену.

Забавно, как слова Фрэнки разбудили детские воспоминания: вот бабушка рассказывает им о Карнеги-холле, вот чулан в приюте Бишопа, вот та ночь, когда они с Фрэнки хотели сбежать.

Оказывается, тогда, много лет назад, он ошибся насчет тети Юни — на самом деле она хотела их обоих оставить.

Майк неправильно понял документ, который видел у нее на столе. Ее просьбу об отмене усыновления одобрили и прислали соответствующие бумаги, но чтобы они вступили в силу, нужна была ее подпись, а она подписывать не собиралась. Когда Майк заговорил с ней в библиотеке, его любовь к брату нашла отклик в ее сердце. Бумагу эту она торжественно сожгла в камине на следующий день после того, как Майк упал с дерева; по счастью, он не покалечился, только дух из него вышибло знатно.

Майк, Фрэнки, мистер и миссис Поттер, Тетечка и мистер Говард — братья до сих пор не называли его иначе, даже после того как они с Тетечкой поженились, — все переехали в его дом на углу. С Майком и Фрэнки случилось все самое хорошее, а совсем не плохое.

Майка приняли в оркестр Хокси, и целый год мистер Поттер с удовольствием обучал его игре на губной гармошке. Потом уже Майк начал все свое время отдавать фортепиано и стал подумывать об уходе из оркестра. Как-то одна из добровольных помощниц возвала к участникам оркестра с просьбой сдавать старые музыкальные инструменты, чтобы их отправлять бедным детям, для кого это, быть может, единственная возможность заниматься музыкой.

Майк тогда испытал странное чувство, как будто он должен передать свою гармонику дальше. Как будто ее кто-то ждет. И он отправил ее в путь к неведомому ребенку, которому, как и Майку в свое время, совершенно необходимо почувствовать, как будто в жизни все возможно, и раскрыть свое сердце в музыке.

К тому времени, как Фрэнки немного подрос, оркестр «Филадельфийские волшебные гармоники» распался из-за недостатка средств. Фрэнки это не слишком расстроило — он уже мечтал стать ковбоем и копил крышки от коробок с кукурузными хлопьями «Ралстон-Пурина», чтобы обменять их на коллекцию комиксов о приключениях Тома Микса.

После школы Майк поступил в нью-йоркскую Джульярдскую школу музыки. Но тут правительство Соединенных Штатов снизило призывной возраст до восемнадцати лет. Шла война, и Майк записался в армию. Отслужив, он все-таки пошел учиться в Джульярдскую школу, а затем прошел собеседование и был принят в Филадельфийский филармонический оркестр. Еще через несколько лет он переехал в Нью-Йорк, как мечтал когда-то.

В дверь примерной постучали. Чей-то голос из-за двери проговорил:

— Мистер Фланнери, до вашего выхода пять минут!

— Спасибо! — крикнул Майк.

Он глубоко вздохнул и отправился ко входу на сцену. Помощник режиссера указал ему на кулисы.

— До вашего соло три минуты.

На сцене звучали последние такты «Порги и Бесс», а потом загремели аплодисменты.

Фридрих Шмидт вышел со сцены прямо в кулису, где стоял Майк.

— Готов? — спросил он с улыбкой.

Майк кивнул:

— Готов!

Фридрих подождал, пока музыканты пересядут и перелистнут ноты, и только тогда снова вышел на сцену.

Майк вышел за ним и сел за рояль.

Фридрих взмахнул дирижерской палочкой.

Майк услышал глиссандо кларнета, которым начинается «Рапсодия в стиле блюз». Он ждал, когда вступят медные духовые и струнные, а вслед за ними развернется и весь оркестр. Майк задержал пальцы над клавишами, как делал когда-то в бабушкиной гостиной и в музыкальной комнате на Амариллис-драйв, ощущая до мозга костей знакомую жажду играть и быть услышанным.

Он дождался крещендо и заиграл.

Играя, он думал о том, что Гершвин бóльшую часть своей «Рапсодии» сочинил в поезде, под перестук колес. Гершвин услышал музыку в этом грохоте и свое произведение считал отражением всего американского: великое смешение людей всех цветов кожи, бедных и богатых, шумных и тихих, невероятная разноголосица человечества.

Майк играл так, словно перенесся в бабушкин район, где девчонки прыгают через веревочку, а мальчишки играют в мяч, гудят грузовики и легковушки и мамы, высунувшись в окно, во весь голос зовут детей обедать. В лирической части перед самым финалом ему слышалось, как мама напекает колыбельную, и он снова видел, как бабушка распахивает окно, чтобы соседи могли послушать его игру.

Музыка бродила по Центральному парку, шаталась по переулкам, на цыпочках пересекала мосты, вальсировала в бальных залах... Она носилась по городу.

По городу Большого яблока. Его городу, где он всегда мечтал жить. Который любила бабушка и так хотела привезти сюда внуков. Неужели он правда здесь, на этой сцене?

Он выстукивал по клавишам ритм кувалд и пневматических молотков, который звучал, когда строился и тянулся ввысь город, царапающий небо. Он шел за музыкой, а душа его повторяла пройденный им самим путь, что привел его к этой минуте. От Аллентауна в Филадельфию, в приют Бишоп, к их с Фрэнки обещанию всегда быть заодно. Из приюта на Амариллис-драйв, где он научился надеяться на лучшее и узнал, что хоть в жизни много грусти, но много и всякого другого. От оркестра губных гармоник Хокси в американскую армию, потом в Джульярдскую школу, а оттуда к роялю в Карнеги-холле, где, если повезет, весь мир замрет и у слушателей на миг остановится сердце.

Дирижер сплотил вокруг него весь оркестр, и вместе они подняли на ноги зал.

Майк встал, глубоко вздохнул и поклонился.

Вокруг гремела овация, и среди восторженных воплей он различил голос Фрэнки:

— Браво! Браво!

Во время антракта в общей гримерке Айви посмотрела в зеркало и улыбнулась своему отражению. Первую половину дебютного концерта с этим оркестром она пережила! Если бы Фернандо мог проводить ее до театра, как провожал когда-то в новую школу, может, она бы не так трусила.

Перед концертом она раз десять одернула платье и никак не могла придумать, что сделать с волосами. В конце концов стянула их на затылке узлом и подвязала черной лентой, чтобы не мешали играть. Хоть у нее всего лишь место четвертой флейты, все же она самый молодой музыкант в оркестре. Все к ней были очень добры, всячески ободряли, и сам дирижер взял ее под крыло.

Ей так хотелось, чтобы мама с папой были сегодня здесь! Но поезд идет слишком медленно, папа не может так надолго бросить ферму. А мама сейчас больше нужна Фернандо. Все они прислали Айви цветы и приветы.

Хоть папа и стал уважать Айви за ее игру на флейте, все-таки Фернандо с трудом убедил его позволить Айви профессионально заниматься музыкой. Папа опасался, что Айви не сможет заработать себе на жизнь. Но Фернандо не отступал. Он говорил, что талантливый музыкант — большая честь для семьи. Что когда Айви играет, она дарит людям счастье и помогает хоть ненадолго забыть о своих бедах. Без музыки, сказал Фернандо, наш мир был бы очень печальным местом. Он бы все на свете отдал, чтобы услышать такую прекрасную музыку, когда лежал раненый на поле боя, не зная, увидит ли когда-нибудь своих близких.

Тогда, много лет назад, парень с велосипедом привез к ним в дом телеграмму. Фернандо был ранен в бою, спасая другого солдата на минном поле. Взрывом ему оторвало два пальца. Его демобилизовали, вручив награду за храбрость.

Он приехал домой в округ Ориндж насовсем и женился на Ирме Алаписко — учительнице третьего класса вспомогательной школы имени Линкольна. Школу эту в тысяча девятьсот сорок пятом году благодаря настойчивости родителей объединили с основной школой. Сейчас Фернандо с Ирмой ждали первенца, ребенок уже вот-вот должен был родиться. Айви улыбнулась, вспоминая своих родных и друзей из округа Ориндж. Какими разными путями пошла их жизнь!

Айви поступила в «Эмпайр Филармоник» по обмену из лос-анджелесского филармонического. Ее лучшая подруга, Сьюзен Уорд, стала

секретарем юриста. Брат Сьюзен, Том, единственный из мальчиков трех семей пришел с войны без всяких увечий и теперь управлял отцовскими фермами. Семья Ямамото вернулась домой, к прежней жизни. Они ухаживали за своей фермой с тем же терпением и любовью, что и до войны. Карен и Энни постепенно тоже подружились с Айви. К счастью, Кенни тоже выжил на войне... Хотя и чудом.

Сейчас он приехал в отпуск, перед тем как отправиться на боевое дежурство в Южную Корею, и сегодня был в зрительном зале. Много лет назад Айви пообещала, что когда-нибудь пригласит его на свой концерт. Они и представить не могли, что концерт будет в Нью-Йорке, в Карнеги-холле.

До антракта Айви даже не пробовала высмотреть его в зале — слишком волновалась. Но сейчас, возвращаясь на свое место на сцене, она позволила себе окинуть взглядом зрителей, пока не погасили свет. Кенни было нетрудно заметить благодаря синему мундиру. Он изучал программку, а потом поднял глаза, поймал ее взгляд и заулыбался.

У Айви загорелись щеки. Сердце ее было полно до краев. Кенни столько сделал для их семьи: после войны передал папе в собственность дом и участок земли при нем, нашел Айви хорошего учителя игры на флейте, помог Фернандо найти работу электрика.

Айви взяла в руки свою новую флейту — подарок Кенни. Она сперва отказывалась ее брать, говорила, что подарок слишком дорогой. Но Кенни сказал, что ничего подобного. Во-первых, он пообещал ей тогда вернуть губную гармошку и не вернул. Он хранил гармошку вместе с медалью Пурпурного сердца ^[36] в той же шкатулке, где лежали медали его отца за Первую мировую. А во-вторых, она, Айви, спасла ему жизнь. Может, это и не совсем правда. Но если бы она не дала ему с собой свою губную гармошку, может, Кенни сейчас не было бы в живых.

Все говорили, что случилось чудо. Кое-кто утверждал, что это промысел Божий. Другие — что так сложились звезды и что ему еще время не пришло умирать. Но даже те, кто считал, что ему просто повезло, оставались под впечатлением и стремились пожать Кенни руку, чтобы и к ним прилипло немного его удачи.

Айви уже столько раз слышала эту историю, что выучила ее наизусть. Как ни странно, ей никогда не надоедала эта таинственная повесть.

Губная гармошка Айви стала для Кенни счастливым талисманом. Он всегда носил ее в нагрудном кармане, где другие солдаты носили кроличью лапку или религиозный знак. Она стала такой же неотъемлемой частью его военной формы, как идентификационный медальон, который полагалось

носить на шее.

Отряд Кенни был занят обычным патрулированием в лесистой местности, и вдруг они попали в засаду. Пули свистели у самого уха. Кенни обожгло ногу, и он почувствовал, как кровь стекает в сапог. Падая, он схватился за грудь. Высоко над ним качались сосны. Потом весь мир потонул в ослепительной белизне. А потом наступила чернота.

Кенни очнулся в здании старого склада, где был устроен немецкий лагерь для военнопленных. Он находился в лазарете. С ногой дело было плохо. Вокруг хлопотали три молоденькие медсестрички. Кенни то приходил в себя, то у него начинался бред. Его лихорадило, был жар, и девушки вытирали ему лоб. В минуты просветления он видел, как они поправляют ему подушку и одеяло, как склоняются над ним с надеждой. И слышал их шепот:

— Живи! Ты должен жить!

Иногда они читали ему сказки из старинной книги — о прекрасных замках, изгнанных принцессах, о ведьме, о необычном мальчике, о сиротах и о девочке, бегущей через апельсиновую рощу. В самый темный час, когда казалось, что он умирает, они ему пели.

Голоса их были так прекрасны, словно из иного мира, они дарили радость и силы. Песня словно звала его, умоляла держаться, как будто они просили не только о его жизни, но и о своей собственной.

Однажды ночью он пошел на поправку. Жар спал, и Кенни проснулся голодный как волк. Лунные лучи падали через открытое, хоть и зарешеченное окно, и у постели на полу лежали полосы света. Кенни улыбнулся трем девушкам — они так и не отходили от него. Они улыбнулись в ответ и дружно кивнули, взявшись за руки. Но не успел он вымолвить хоть слово, как они унеслись в ночь, в иное пространство и время.

Утром он спросил немку-медсестру по имени Элизабет, что это были за девушки. Хотелось сказать им спасибо. Куда они пропали? Может, они были волонтерками? Вернутся они еще?

Элизабет ответила, что к нему никто не приходил. Возможно, от лекарств, которые он принимал, у него возникли галлюцинации. Многим солдатам в лазарете мерещится всякая всячина. Кажется, он говорил, что у него дома остались мать и две сестры? Быть может, они ему и привиделись. Медсестра погладила его по руке, сказала, что все это случилось лишь в его воображении, и стала расспрашивать о его настоящих родных в Америке.

Он сам не заметил, как рассказал ей, что раньше играл на скрипке, а сестры — на флейте, рассказал о потайной комнате, где отец спрятал два

пианино, рояль и десятки других музыкальных инструментов.

Элизабет в ответ рассказала, что ее отец когда-то играл на виолончели в Берлинском филармоническом оркестре, а младший брат — очень способный музыкант, и будь все по-другому, непременно попробовал бы поступить в консерваторию. Кенни улыбнулся. Ему понравилось, что она так трогательно гордится братом.

Кенни стал в лазарете местной знаменитостью. Пленные, по большей части французы и американцы, и даже немецкие охранники приходили к нему и просили показать талисман, который спас ему жизнь.

Он никогда не отказывался. Вынимал из кармана талисман и показывал всем, держа на ладони.

И каждый раз заново удивлялся чуду — искореженной губной гармошке. В ней засела пуля, которая летела ему прямо в сердце.

Айви поправила ноты на пюпитре. Ей нравились мелодии из оперы «Порги и Бесс», нравилась «Рапсодия в стиле блюз», но весь вечер она ждала песню Роджерса и Хаммерстайна из мюзикла «Юг Тихого океана». Спектакль она уже видела дважды — один раз год назад, когда только-только переехала в Нью-Йорк, а второй — вчера вечером, с Кенни.

На сцену вышел дирижер, Фридрих Шмидт, и вслед за ним — пианист, Майкл Фланнери. Он должен был участвовать во втором отделении концерта, а в финале исполнить соло. Затем появился баритон из «Метрополитен Опера», Роберт Меррилл, тоже в черном фраке, поклонился публике и сел рядом с дирижером. Зрители захлопали в приятном предвкушении.

Началась великолепная увертюра. Сюжет мюзикла словно заново увлек Айви в захватывающее путешествие. Это была смелая постановка о дискриминации и несправедливости. О любви героини пьесы к мужчине, у которого были дети от женщины другой расы, и о том, как она старается с ними свыкнуться. О любви солдата к прекрасной меланезийской девушке, которую может не принять его семья на родине. История на фоне войны и нетерпимости — обе темы были Айви слишком даже знакомы.

После увертюры Роберт Меррилл исполнил «Моя девушка на родине», «Моложе весны», «Ненависти учат с детства» и «Мечта почти сбылась». После каждой песни публика устраивала овацию. В зале нарастала мощная энергетика.

Фридрих Шмидт вновь поднял дирижерскую палочку. Роберт Меррилл приготовился петь. Майкл Фланнери начал фортепианную прелюдию — свою собственную аранжировку «Волшебного вечера». Сперва он играл

медленно, будто колыбельную, потом все громче, словно буря, и под конец куплета музыка вновь зазвучала плавно и спокойно.

Дирижер дал знак оркестру.

Роберт Меррилл начал арию «Волшебный вечер».

Айви выдохнула в отверстие флейты. Она следовала за музыкой, целиком захваченная нежным, проникновенным рассказом о любви, от которого слезы наворачивались на глаза.

В тот волшебный вечер
Зов судьбы услышишь,
Бросайся навстречу
Голосу из толпы.
Спешу прямо к ней,
Назови своей!
Одинокий койот
Мимо жизни пройдет.

Айви казалось, будто ее коснулось волшебство. Встречаясь взглядом с другими музыкантами, она видела, что и они чувствуют то же самое.

Кто разгадает?
Кто нам объяснит?
Глупый вещает,
Мудрый промолчит.
Вдруг в волшебный вечер...

Сегодня в концертном зале жило какое-то сияние, словно Айви, и дирижер, и пианист, и оркестр, и все до единого зрители стали едины, дышали в одном ритме, видели перед собой одну и ту же картину, полную красоты и света, под теми же звездами...

...связанные друг с другом шелковой нитью судьбы.

* * *

Десять лет прошло с тех пор, как Отто заблудился в чаще, а потом нашелся в грушевом саду. Он женился на Матильде — в конце концов, она

всегда в него верила.

Прошло еще много лет, и наконец у них родилась дочка по имени Аннализа, хромая от рождения. Когда стало ясно, что ей всегда будет трудно ходить, местный доктор посоветовал отдать ее в приют для увечных. Но Отто с Матильдой даже думать о таком не хотели! Они перепробовали все целебные мази и снадобья, приглашали одного врача за другим. Скоро Отто оказался по уши в долгах.

Пришлось ему продать их маленький домик и переехать в квартиру в ближайшем городке. Он стал работать настройщиком в мастерской музыкальных инструментов. За годы он достиг совершенства в своем ремесле, и заказчики требовали только его. Хозяин мастерской позавидовал его известности и уволил Отто. Без работы, с больной дочкой и женой, измученной непосильными трудностями, Отто впал в уныние. Часто он до рассвета бродил по улицам городка, терзаясь тревожными мыслями.

Однажды утром он увидел объявление в окне магазина: большая фабрика губных гармошек в Троссингене ищет мастеров, умеющих делать высококачественные гармоники. Был объявлен день, когда мастера могли представить на рассмотрение образчик своей работы. Может, это его счастливый случай? Только сумеет ли он? Отто решил попробовать.

Он трудился день и ночь за кухонным столом. Шлифовал наждаком гребенку из грушевого дерева, мастерил плату с язычками, тщательно настраивал инструмент, чтобы повторить звучание его любимой гармоники — той, что когда-то Айнс, Цвай и Драй освятили своим дыханием.

Неделю спустя он положил в карман гармонику, завернутую в посудное полотенце, запряг лошадь в тележку и поехал в город, где находилась фабрика. Мастера со всей округи уже выстроились в очередь, каждый со своей гармоникой. У Отто сердце сжалось. Куда ему состязаться с таким количеством умелых мастеров!

Хозяин фабрики был очень разборчив. Отто со страхом смотрел, как мастерам отказывают, одному за другим. Многие вытирали слезы, потому что их изделие оказалось недостаточно хорошим. Отто приготовился стойко перенести разочарование.

Но когда хозяин фабрики осмотрел сделанную им гармонику и попробовал на ней сыграть, он был поражен ее звучанием и, мало того, сразу сделал специальный заказ.

— Мне нужно тринадцать гармоник, по одной для каждого начальника цеха, чтобы они тоже могли оценить прекрасное качество. Если вы сможете это сделать за месяц и все гармоники окажутся не хуже этой, то я хотел бы устроить в вашем городе мастерскую специально для вас.

Отто был сам не свой от радости! Он сможет расплатиться с долгами, а может, даже выкупить домик. А главное — они с Матильдой смогут и дальше сами заботиться о своей любимой Аннализе. Отто вернулся домой счастливый и полный решимости.

Вечером накануне того дня, когда он должен был доставить заказ, Отто сидел за кухонным столом, собирая последнюю гармонику. Час был поздний, в доме стояла тишина. Матильда давно легла спать, а дочка спала в колыбельке рядом с отцом. У его ног дремала собака. Отто протер готовую гармонику и заснул от усталости прямо за столом, не заметив, что локтем столкнул инструмент на пол.

Утром, уже собираясь в дорогу, он никак не мог найти тринадцатую гармонику. Попросил жену помочь.

Они вместе обшарили весь дом, и наконец Матильда подошла к мужу, держа в руках пожеванный, безнадежно испорченный музыкальный инструмент.

— Собака...

Отто пришел в ужас:

— Я должен доставить тринадцать гармоник! Новую сделать уже не успею.

В отчаянии он заметался по комнате, и вдруг взгляд его упал на ту самую гармонику, на которой играли когда-то Айнс, Цвай и Драй. По ней он сверял все другие гармоники. Как с ней расстаться?

Отто взял ее в руки. Представил себе, как три сестры в заколдованном лесу с каждым восходом солнца открывают книгу, проверяя, не появилось ли в ней продолжение их истории. Словно в ответ на его мысли восходящее солнце заглянуло в окно. Гармоника блеснула у него в руке. Зазвонили утренние колокола. Может, это знак?

Отто посмотрел на жену. Она держала на руках дочь.

Аннализа вывернулась из рук матери и заковыляла к нему:

— Папа, сыграй мне песенку, пожалуйста!

Сердце Отто переполнилось любовью к ним обеим и благодарностью за подаренную ему надежду на чудесное будущее.

Он в последний раз сыграл на гармонике. Услышал пение птиц, журчание ручейка по обкатанным водой камешкам и свист ветра в ветвях. Подумал о других людях, которых он никогда не увидит, но кому так нужна его гармоника. Может быть, когда-нибудь она спасет чью-то жизнь.

Он представил себе, как Айнс, Цвай и Драй когда-нибудь в будущем встретятся с матерью и братом. И он понял, что тогда, давным-давно, они сказали правду: трех сестер, Отто и всех тех, кто подарит свое дыхание

этой необыкновенной гармонике, свяжет между собой шелковая нить судьбы.

Пришло время передать гармонику дальше.

Он взял самую тонкую кисточку и на боку гармоники вывел крохотную красную букву «В».

«В» — значит вестник.

В тот миг, когда Кенни Ямамото остался жить вместо того, чтобы умереть, разбились ведьмины чары, и на смену сомнениям вновь пришло волшебство.

Три сестры оказались вместе с повитухой в полуразвалившейся хижине в лесной глуши. И все, что было в домике, вернулось на место, даже стол и чайные чашки. Только ведьма не вернулась, и больше ее никто никогда не видел.

Повитуха вывела сестер из темной чащи. Они выпорхнули на волю, словно пташки, и каждая по очереди несла книгу, которая наконец-то была дописана: «Тринадцатая гармоника Отто Вестника».

С того дня Арабелла, Розалита и Вильгельмина жили в прекрасном и уютном замке вместе со своими родными, которые любили их и всегда называли по имени, а не по номерам.

Часто, когда счастье казалось им слишком огромным, они пели, и голоса их сплетались так чудесно, что жители королевства бросали все дела, слушали и дивились.

И каждый вечер, засыпая, думая о завтрашних радостях, но зная, как хрупка жизнь, сестры повторяли все те же слова:

Еще судьба не решена.

Еще в ночи колокола услышишь,

Во тьме звезда взойдет. Лучами свыше

Твою дорогу озарит она.

Благодарности

С глубокой благодарностью следующим людям:

Прежде всего и неизменно Трэси Мак — безусловной звезде, озаряющей путь этой книги; Эмили Замани и Кейр Фельдман за помощь; редактору Моник Весция и художественному редактору Марийке Костив. И всем ставшим мне родными сотрудникам издательства «Сколастик» за их профессионализм и личную дружбу: Элли Бергер, Лори Бентон, Джейзан Хиггинс, Лизетте Серрано, Рейчел Коун, Трэси ван Стратен, Кариссе Мелото, Антонио Гонсалесу, Кристе Кухеман, Эмили Хедллсон, Рейчел Хикс, Карин Браун, Дженель ДеЛуиз, Кейт Пензер, Алану Смаглеру и Аннетт Хьюз (и их звездному отделу продаж), Алану Бойко и Джуди Ньюмен (и их потрясающему отделу школьного маркетинга, особенно Робин Хоффман и Яне Хауссманн) и президенту издательства «Сколастик» Дику Робинсону.

Хелен Офилд, президенту Исторического общества Лемон-Гроув — она первая показала мне фотографии детского оркестра губных гармоник. Роберту Альваресу-младшему, профессору этнографии Калифорнийского университета, Сан-Диего, и Джону Вальдесу, профессору мультикультурных исследований в Паломар-колледже, за то, что поделились своими семейными историями, связанными с расовой сегрегацией по отношению к мексиканцам в американских школах в Калифорнии 1930-х, особенно с судебным делом «Роберто Альварес против райотдела образования Лемон-Гроув».

Компании Хонера по производству музыкальных инструментов, а также историку Немецкого музея губных и ручных гармоник в Троссингене — за экскурсию по фабрике и дальнейшую помощь в сборе материала по истории и технологии производства губных гармоник. В одной из витрин этого музея я увидела благодарственные письма от родных тех солдат, чью жизнь спасли гармоники фирмы Хонера, и защитившие их покоренные гармоники, иногда все еще с пулей, засевшей внутри.

Расселла Холланда — за гостеприимство и поддержку во время моей поездки в Германию. Майкла Боумена — за то, что поделился результатами своих потрясающих исследований о жизни Альберта Н. Хокси и о Филадельфийском оркестре губных гармоник.

Кэлвин-колледжу из Гранд-Рэпидс, штат Мичиган, и Немецкому архиву пропаганды.

Музыкантам и первым читателям этой книги: Салли Хаш Дин, художественному директору певческой школы «Сан-Диего Норт Коуст Сингерс»; Энн Чейз, сопрано; Дэвиду Чейзу, дирижеру симфонического оркестра и хора «Ла Джолла».

Дэвиду Серлину, профессору теории коммуникации Калифорнийского университета, Сан-Диего, за вдумчивый отзыв и внимание к историческим деталям в рукописи.

Джону Р. Уитмену, коллекционеру, за его знания о серии губных гармоник «Марин Бенд» и за две подаренные гармоники времен до Второй мировой войны, обе с изображением шестиконечной звезды.

Моему агенту, Кендре Маркус (литературное агентство «Букстоп»).

И как всегда, моей семье — за терпение и любовь.

Посвящается мужьям моих дочерей,

Джейсону Рецлаффу и Кэмерону Абелю, за то, что любят их.

notes

Примечания

1

Перевод А. Васильевой.

2

Alle, alle auch sind frei (нем.) — букв.: и все свободны.

Piccolo (*итал.*) — *букв.:* маленький; название одной из разновидностей флейты.

4

Перевод А. Васильевой.

Часовщик из Троссингена Христиан Месснер вместе со своим двоюродным братом, Христианом Вайссом, занимался созданием губных гармоник в первой половине XIX века. Также в Троссингене жил Маттиас Хонер (1833–1902), тоже часовщик, основатель фирмы «Хонер» по производству музыкальных инструментов, в первую очередь губных гармоник.

Перевод с немецкого А. Васильевой

Пинокль — карточная игра.

Marine Band (англ.) — буквально оркестр морской пехоты. Известная серия губных гармоник высокого качества фирмы «Хонер».

Шпецле — разновидность макаронных изделий, распространены в Германии и прилегающих странах (в Швейцарии, Австрии, Франции — Эльзас и Лотарингия).

Перевод А. Васильевой.

America the Beautiful (англ.) — американская патриотическая песня. Музыка церковной песни, сочиненной композитором-любителем Сэмюэлом Уордом (1847–1903) в 80-х годах XIX века, в начале XX века подтекстовали светскими стихами малоизвестного литератора Кэтрин Ли Бейтс (1859–1929). Популярность песни стала расти начиная с 1930-х гг. Ныне «Прекрасная Америка» — одна из самых популярных в США патриотических песен. Перевод Анны Васильевой.

«Большое яблоко» — самое известное прозвище Нью-Йорка, возникло в 1920-х.

Альберт Хокси, филантроп из Филадельфии, создал детский оркестр губных гармоник.

Джон Филип Суза (1854–1932) — американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор знаменитого марша «Звездно-полосатый навсегда» (*The Stars and Stripes Forever*), ставшего национальным маршем США. Суза вошел в историю американской музыки как «король маршей».

Песня «Вновь наступают счастливые дни» (*Happy Days Are Here Again*) была хитом предвыборной кампании Рузвельта перед его избранием президентом США.

16

9 футов = 2 м 74,5 см

Четвертое июля — День независимости США.

Чарльз Огастес Линдберг (1902–1974) — американский летчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку (20–21 мая 1927 года по маршруту Нью-Йорк — Париж).

Перевод А. Васильевой.

Still Night, Holy Night (англ.) — рождественский христианский гимн, создан в Австрии в 1818 году. Одно из самых известных и широко распространенных по всему миру рождественских песнопений.

Дабл-датч — разновидность прыжков через скакалку, когда двое участников вращают две длинные скакалки одновременно в противоположных направлениях, а третий прыгает.

Twinkle, Twinkle, Little Star (англ.) — английская колыбельная. Ее текст восходит к стихотворению *The Star* («Звезда»), написанному в начале XIX века английской поэтессой Джейн Тейлор. Впервые опубликовано оно было в 1806 году в сборнике стихов Джейн и ее сестры Энн Тейлор. У этой песни есть множество версий на разных языках мира.

23

По Фаренгейту; около 27 градусов Цельсия.

Over hill, over dale, as we hit the dusty trail (англ.) — марш полевой артиллерии США. Музыка к этому маршу написал Джон Филип Суза на основе более раннего произведения Эдмунда Л. Грубера. В свою очередь, марш полевой артиллерии стал основой для официального марша американской армии.

Sailing, sailing, over the bounding main... (англ.) — песню в 1880 году написал Годфри Маркс (псевдоним британского органиста и композитора Джеймса Фредерика Свифта). Припев часто встречается в сборниках детских песен.

My Country, 'Tis of Thee (англ.) — американская патриотическая песня на стихи Сэмюэля Фрэнсиса Смита. В качестве мелодии использована мелодия национального гимна Великобритании «Боже, храни королеву» в аранжировке Томаса Арне.

Перевод И. Токмаковой. В оригинале другая песня, тоже шотландского происхождения: *Skip to my lou*.

Rhapsody in Blue (англ.) — одно из самых известных произведений американского композитора Джорджа Гершвина (1898–1937).

When Johnny Comes Marching Home (англ.) — популярная американская песня времен войны Севера с Югом.

The Battle Hymn of the Republic (англ.) — американская патриотическая песня, в основе которой лежит музыка песни аболиционистов «Тело Джона Брауна» (первоначально написанной в честь Джона Брауна — борца за расовое равноправие, поднявшего в 1859 году восстание против рабства в США и казненного за мятеж). Обычно исполняется со словами, написанными в 1861 году Джулией Хау и впервые опубликованными в *The Atlantic Monthly* в 1862 году, приобретшими популярность среди северян во время войны Севера с Югом в США.

Перевод с англ. К. Молькова.

Angels We Have Heard On High (англ.) — рождественская песнь на слова (1862) Джеймса Чедвика, епископа Хексема и Ньюкасла, и мелодию старинной французской рождественской песни *Les Anges Dans Nos Campagnes*.

Гаэтано Альберто (Гай) Ломбардо (1902–1977) — канадский и американский музыкант, скрипач и руководитель ансамбля Royal Canadians. Обладатель трех звезд на голливудской Аллее славы, член Зала славы канадской музыки (посмертно).

Some Enchanted Evening (англ.) — песня Ричарда Роджерса на слова Оскара Хаммерстайна II из их мюзикла «Юг Тихого океана» (впервые поставленного на Бродвее в 1949 году). Действие мюзикла происходит во время Второй мировой войны на острове, в южной части Тихого океана, где дислоцирован отряд Военно-морского флота США. Здесь и дальше перевод А. Васильевой и М. Лахути.

Russian Tea Room — ресторан русской кухни на Манхэттене, между двумя небоскребами: 77-этажным Метрополитен Тауэр и 60-этажным Карнеги-Холл-Тауэр.

Пурпурное сердце — военная медаль США, вручается всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.